
ТУРКМЕНИСТАН В ЭПОХУ
РАННЕЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Ашхабад—1984

Academy of sciences of the Turkmen SSR
Sh. Batirov Institute of history

TURKMENISTAN
IN THE EARLY IRON AGE

The responsible editors
V.M. Masson, Y. Atagariyev

Ashkhabad. Ylym. 1984

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР
Институт истории им. Ш. Батырова

ТУРКМЕНИСТАН
В ЭПОХУ РАННЕЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Ответственные редакторы
В. М. Массон, Е. Атагарриев

Ашхабад. Илим. 1984

ББК 63.4(2)

Т 86

Рецензенты

Д.Овезов, С.Хамракулов

Туркменистан в эпоху раннежелезного века
Т 86 /Отв. ред. В.М.Массон, Е.Атагарриев. - А.:
Илим, 1984. - 128 с., ил.
1 р.

Помещены материалы новейших исследований
памятников раннежелезного века в различных
районах Южного Туркменистана. Приведена
подробная библиография.

Для историков и археологов.

ББК 63.4(2)

Т 0507000000 - 033 Инф.письмо - 84
М 561 (14) - 84

© Издательство "Илим", 1984 г.

В. М. Массон

ИЗУЧЕНИЕ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА

В археологии и древней истории Средней Азии к эпохе раннежелезного века относят время первого внедрения железных изделий и постепенного вытеснения ими предметов из других металлов. Хронологически это период X—IV вв. до н.э., верхняя граница которого несколько условно определяется крушением ахеменидской державы и походом Александра Македонского. Содержательный анализ показывает, что выделение данного времени в особую эпоху полностью оправдано, и с точки зрения исторической периодизации это был период сложения раннеклассового общества, социальные и политические формы которого нашли завершение в пору присоединения оседлых оазисов Средней Азии к державе Ахеменидов. Появление на крупных поселениях мощных укрепленных цитаделей, а в самих оазисах сложных ирригационных систем, ярко отражают коренные перемены, происходившие в обществе.

Археологические памятники раннежелезного века Средней Азии впервые были открыты на территории Туркменистана, когда при раскопках южного холма Анау был выделен комплекс Анау IV, сопровождавшийся сделанной с помощью гончарного круга керамикой баночных форм, бронзовыми наконечниками стрел и железными изделиями (Rushdell, 1908). Дальнейшие исследования, широко развернувшиеся в советский период, показали, что памятники данного типа были широко распространены на подгорной равнине и в дельте Мургаба, где стационарные раскопки на поселении Яз-депе дали хронологическую колонку развития культуры раннежелезного века, расчленяющуюся на три комплекса —

Яз I, Яз II и Яз III (М а с с о н , 1959). Вместе с тем оказалось, что области Юго-Западного Туркменистана принадлежали совершенно иной культурной провинции, где была распространена культура архаического Дахистана, характеризующаяся серой керамикой специфических форм, в частности чашами на трех ножках (М а р у щ е н к о , 1939; М а с с о н , 1956).

Яздепинская колонка явилась эталонной для всей Средней Азии и сохраняет свое значение в настоящее время. Во всяком случае, когда были открыты близкие памятники в Бактрии, а затем и на территории Южного Согда (долина Кашкадарьи), их типология и хронология во многом строились на яздепинской колонке. Новые исследования убедительно показали, что это была культура во многом единая для основных осадных оазисов Средней Азии. Так, комплексы типа Яз-депе I были открыты на Кучук-тепе в Северной Бактрии (А с к а р о в , А л ь - б а у м , 1978), а затем и в Южной (С а р и а н и д и , 1972). Исследования показали, что эти комплексы имеют широкое распространение в долине Сурхандарьи, где находился крупный центр с цитаделью Кызыл-тепе (В а л я е в а , Х а к и м о в , 1973; С а г д у л л а е в , 1978, 1981). Затем керамика типа Яз-депе I была обнаружена в долине Кашкадарьи на территории Южного Согда, причем также как и в Северной Бактрии с ней связано возникновение крупного центра - Ер-курмана, ставшего затем своеобразной столицей кашкадарьинского Согда (С а г д у л л а е в , 1979).

В 70-е гг. было продолжено изучение памятников поры раннего железа и на территории Туркменистана, работы велись в обеих культурных зонах южных оазисов. В Юго-Западном Туркменистане в этом отношении особенно важными были комплексные исследования проводившиеся Г.Н.Лисицной (К о с т ю ч е н к о , Л и с и ц н а , П р и щ е п е н к о , 1972). В ходе этих работ были открыты новые поселения культуры архаического Дахистана, образующие компактные микро-оазисы, и детально исследована оросительная система данного периода. Документально установлено, что древняя оросительная сеть имела сложный и разветвленный характер (Л и с и ц н а , 1978, с. 129-137). Магистральные каналы с нивелировочными дамбами в основании имели ширину 5-7 м при глубине 2,3-2,7 м. Каналы прослежены в длину на многие десятки километров. От них отходили оросители первого (ширина - 1,5-3 м) и второго (ширина - 0,8-1,3 м) порядка, а непосредственно на поля вода подавалась густой сетью мелких арыков, шириной 0,5-0,7 м. Отмывка сырцовых кирпичей показала, что на

орошаемых полях выращивались мягкая пшеница и голозерный ячмень. Обстоятельно исследованная система орошения древнего Дахистана свидетельствует о высоком развитии производительных сил в первой трети I тыс. до н.э. и необходимости централизованных усилий и организации значительных масс рабочей силы для создания и поддержания развитой ирригационной системы.

На поселениях были продолжены раскопки культуры архаического Дахистана (Г у т л ы е в, 1972). Систематические раскопки проводятся в Бенгванском оазисе, открытом работами Г.Н.Лисицкой. Здесь раскапываются небольшие поселки, состоявшие, как выяснено в ходе работ, из нескольких многоквартирных домов. Примечательно, что в основании некоторых из них имеется монолитная платформа из сырцового кирпича (Ч а р ы е в а, 1980; 1982; 1983).

В восточной культурной зоне характеризуемой керамикой издепинского типа, раскопки проводились на целом ряде поселений водгорной полосы, для которой в этот период уже можно применять название Парфия, и в дельте Мургаба - древней Маргиане. Стратиграфические шурфы, заложенные на поселениях Яшлы-депе, Ясы-депе и Гара-ой показали, что все эти памятники возникли именно в пору раннежелезного века и дают в нижних слоях лепную расписную керамику типа Яз I. Последующее становление баночной посуды, сделанной на гончарном круге, в принципе повторяет эволюцию, установленную для того же Яз-депе (Г у т л ы е в, 1977; 1980; 1982). Та же картина наблюдалась В.Н.Пилипко при раскопках небольших поселений в Дашликском оазисе.

На территории Маргианы разведки, проведенные И.С.Масимовым и В.И.Сарианиди, привели к открытию целого ряда новых, ранее неизвестных памятников эпохи раннего железа. Сколько-нибудь значительные раскопки на них не производились, но новый материал показывает, что памятники данного типа занимают значительно большую территорию, чем это представлялось ранее (М а с и м о в, 1982; S a h i a p i d i, 1981). Для уточнения пространственных границ культуры издепинского типа особенно важно открытие комплекса этого круга на среднем течении Амударьи в 30 км к северо-западу от Чарджоу. Здесь в нижних слоях городища Одей-депе была обнаружена расписная керамика типа Яз-депе I, сменяемая затем баночной керамикой, сделанной с помощью гончарного круга (П и л и п к о, 1979). Таким образом, Одей-депе как бы соединяет два ареала распространения комплексов типа Яз-депе I - маргианский и бактрийско-индо-соджидский.

Все новые материалы, полученные при изучении оседлоземледельческих поселений Южного Туркменистана поры раннего железа, особенно важны для изучения процесса культурогенеза. Для историко-культурного районирования существенно открытие в Северном Туркменистане в районе древней присарыкамьшской дельты Амударьи культуры, принципиально отличающейся от комплексов южных памятников и датируемой УП-УІ вв. до н.э. (В а й н б е р г, 1975; 1977). Эта культура была выявлена в результате раскопок на поселении Куюсай 2, состоящем из каркасных домов столбовой конструкции и полужемлянок, что указывает на быт, принципиально отличный от оседлых земледельцев юга, обитавших в прочных домах из сырцового кирпича. Отлична от южных комплексов и лепная керамика, среди которой имеются и круглодонные формы. Железные ножи и бронзовые наконечники стрел характеризуют предметы вооружения. Вместе с тем при раскопках найдена как серая керамика культуры архаического Дахистана, так и сосуды баночной формы изовского культурного ареала. Это позволяет синхронизировать Куюсай с памятниками юга и указывает на наличие тесных культурных связей. По культурному облику куюсайская культура представляет собой культуру скотоводов или кочевников и, во всяком случае, явно характеризует одну из групп раннекочевнических племен, бывших в пору раннего железа непосредственными соседями оседлых оазисов. Согласно эпической традиции, между мидийской державой и саками происходила упорная борьба за Парфию, и вооруженные куюсайцы вполне могут представлять один из компонентов сакской конфедерации. Разумеется, это отнюдь не говорит еще о том, что они принадлежали к сакским племенам. Б.И.Вайнберг справедливо отмечает, что куюсайский археологический комплекс заметно отличен от круга памятников, относимых к числу сакских (В а й н б е р г, 1977, с.45).

Четкое деление оседлых оазисов Южного Туркменистана на две культурные зоны повторяет в значительной мере ситуацию, сложившуюся еще в эпоху бронзового века. Сложнее обстоит вопрос с происхождением двух основных культур поры раннего железа - архаического Дахистана и Яз-депе I. В комплексе архаического Дахистана четко прослеживаются генетические связи с культурой астрабадского бронзового века в той мере, в какой она представлена раскопками на Шах-тепе (М а с с о н, 1956, с.449). Открытие И.Н.Хлопиным в долине Сумбара комплексов второй половины II тыс. до н.э. (Х л о п и н, 1983) характеризует, видимо, одно из промежуточных звеньев этой генетической цепочки. Для язденинской свиты относительно определенно уста-

навливается взаимосвязь и последовательность комплексов Яз I, с одной стороны, и Яз II – Яз III, с другой. Вместе с тем связь комплексов Яз I с позднебронзовой культурой в подгорном или мургабском варианте носит лишь общий характер, хотя, например, традиции сырцового домостроительства явно продолжают. Предлагалось несколько миграционных гипотез происхождения комплексов типа Яз-депе I от прихода каких-то племенных групп из иранского Хорасана до оседания степных племен в оседлых оазисах. Совершенно ясно, что при сохранении ряда более древних традиций эпохи бронзы комплексы типа Яз I в целом представляют собой принципиально новое явление – трансформацию всего культурного комплекса. С нашей точки зрения, здесь налицо не механический перенос путем миграции сложившейся культуры из неизвестного центра, а культурная мутация, изменение культурных эталонов, сравнительно быстро распространившихся на большой территории, включающей Парфию, Согд, Маргиану и Бактрию (М а с с о н, 1932). Скорее всего здесь действовал механизм культурной интеграции, сопровождавший становление раннеклассового общества с ориентацией на новые культурные стандарты и эталоны. Возможно, в особенностях культуры проявились и этнические процессы – обособление восточно-иранской языковой группы, во всяком случае, оседлых племен этой лингвистической общности. В этом отношении весьма показательна близость комплексов типа Яз – депе I к культурам раннежелезного века в других областях, населенных восточно-иранскими племенами – в Арахосии (Мундигак VI) и Дрангиане (Нами – Али I). Если продолжить эти сопоставления, то хотелось бы видеть в комплексах, выросших на традициях серой керамики, в том числе в культуре архаического Дажистана, памятники, оставленные племенами западно-иранской языковой группы, а в комплексах типа Яз-депе I – памятники племен, говоривших на языках восточно-иранской группы (М а с с о н, 1973). Условной границей в такой диалектологической классификации древнеиранских языков считается пустыня Деште-Кевир (О р а н с к и й, 1963, с. 37). При таком сопоставлении, правда, несколько выбивается распространение комплексов типа Яз-депе I на территории Парфии, поскольку парфянский язык, во всяком случае для среднеиранской языковой эпохи, начавшейся с IV–III вв. до н.э., принадлежит к числу западно-иранских.

Новые археологические данные, убедительно свидетельствующие о подъеме централизованной экономики и развитии фортификации в X–VII вв. до н.э., перекликаются с опытом исторического толкования авестий-

ской традиции, предпринятым И.М.Дьяконовым (Дьяконов, 1971). По его мнению, эпико-героическая традиция Авесты свидетельствует о существовании объединения Арьюшайана ("страна ариев"), центр которой составляли Согд, Маргиана, Арея и среднее течение Амударьи, а на периферии располагался Хорезм (Дьяконов, 1971, с.136). К этому "героическому веку" относятся и предания о борьбе кочевых племен, покоряющих оседлые оазисы. Поскольку все эти события, по И.М.Дьяконову, следует относить до времени Кави Биштасы и Заратуштры, то дата возможного возникновения подобных военно-политических объединений предшествует V в. до н.э. В сохранившем соответствующие предания гимне Митре (Михр-Яште) говорится об отважных предводителях (састарах), совершающих многочисленные набеги. Мощные цитадели и укрепленные поселения раннежелезного века южных оазисов Средней Азии служат яркой иллюстрацией напряженной военной ситуации, характеризующей данную эпоху. Возникающие военно-политические объединения могли быть временными и непрочными, но это были уверенные шаги становления среднеазиатской государственности. Как полагает И.М.Дьяконов, более высокую степень унификации представляло доахеменидское бактрийское царство (Дьяконов, 1971, с.145). Более широкое изучение памятников раннежелезного века позволяет на основе новых материалов вернуться к рассмотрению этих вопросов, тем более важных и ответственных, что это было время становления древнейшей из мировых религий — зороастризма.

ЛИТЕРАТУРА

- Аскаров А., Альбаум Л.И. Поселение Кучуктепа. Ташкент, 1973, с.112.
- Беляева Т.В., Хакимов З.А. Древнебактрийские памятники Миршаде. — В кн.: Из истории античной культуры на юге Узбекистана. Ташкент, 1973, с.35-51.
- Вайнберг Б.И. Курсайская культура раннего железного века в Присарыкамьской дельте Амударьи. — СА, 1975, № 3, с.42-48.
- Вайнберг Б.И. Памятники раннего железного века в Северной Туркмении. — КД, 1977, вып. 5, с.25-45.
- Дьяконов И.М. Восточный Иран до Кира (к возможности новых постановок вопроса). — В кн.: История Иранского государства и культуры. М.: Восточная литература, 1971, с.122-154.
- Гутлиев Г. Раскопки на холме Чылык (Чыглык-дэпе). — КД, 1972, вып. 4, с.47-56.

Г у т л ы е в Г. Раскопки поселения раннежелезного века Яссы-депе в Каахкинском районе. - КД, 1977, вып. 5, с.18-24.

Г у т л ы е в Г. Раскопки Гара-ой. - В кн.: Новые археологические открытия в Туркменистане. Ашхабад, 1982, с.33-46.

К о с т ы ч е н к о В.П., Л и с и ц ы н а Г.Н., П р и щ е п е н к о Л.В. Бенгуванский оазис поселений времени архаического Дахистана. - КД, 1972, вып. 4, с.47-55.

Л и с и ц ы н а Г.Н. Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркмении. - М., 1978, с.239.

М а р у щ е н к о А.А. Анау. Историческая справка. - В кн.: Архитектурные памятники Туркмении. М., 1939, с.99-101.

М а с и м о в И.С. Новые памятники раннежелезного века Мургабского оазиса. - В кн.: Новые археологические открытия в Туркменистане. Ашхабад, 1982, с.20-32.

М а с с о н В.М. Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении. - ТЮТАКС, 1956, т.7, с.385-458.

М а с с о н В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы. - МИА СССР, 1959, № 73, с. 216.

М а с с о н В.М. Рец.:Frankin G.S. Archaeology in Soviet Central Asia. - СА, 1973, № 1, с.304-307.

М а с с о н В.М. Диалектика традиций и инноваций и культурный процесс в Древней Бактрии. - В кн.: Древнейшие культуры Бактрии. Среда, развитие, связи (Тезисы симпозиума). Душанбе, 1982, с.9-13.

О р а н с к и й И.М. Иранские языки. М.: Восточная литература, 1963. 203 с.

П и л и п к о В.Н. Древнее городище Одей-депе на среднем течении Амударьи. - КД, 1979, вып. 8, с.27-54.

С а г д у л л а е в А.С. Культура Северной Бактрии в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Автореф. канд. дис. Л., 1978.

С а г д у л л а е в А.С. Древние поселения Кашкадарьи. - Строительство и архитектура Узбекистана, 1979, № 7, с.34-37.

С а г д у л л а е в А.С. Архитектура древнебактрийских усадеб. - Строительство и архитектура Узбекистана, 1981, № 6, с.8-10.

С а р и а н и д и В.И. Раскопки Тилля-тепе в Северном Афганистане. М., 1972.

Х л о п и н И.Н. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Л., 1983. 242 с.

Ч а р ы е в а Э.А. Новый памятник культуры архаического Дахистана. - В кн.: Новые исследования по археологии Туркменистана.

Ашхабад, 1980, с.44-50.

Ч а р ь е в а Э.А. Раскопки на Мадау. - В кн.: Новые археологические открытия в Туркменистане. Ашхабад, 1982, с.47-51.

Ч а р ь е в а Э.А. Исследования в Кызыл-Атревском районе. - АО, 1981, 1982, с.481.

P u m p e l l y R. Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Prehistoric Civilization of Anau, vv.I-II. Washington, 1905.

S a r i a n i d i V. I. Margiana in the Bronze Age. - In: The Bronze Age Civilization of Central Asia. New York, 1981, p.165-193.

И.С.Масимов, Б.Н.Удеумурадов

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО РАННЕЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ НИЗОВИЙ МУРГАБА

Изучение культуры раннежелезного века Средней Азии в последние годы приобретает большое научное значение. В решении данной проблемы сделаны определенные сдвиги благодаря интенсивным археологическим исследованиям, проводимым на территории древней Бактрии. В самом деле, за каких-нибудь два десятка лет в Бактрии, границы которой соответствуют современным территориям Северного Афганистана и Южного Узбекистана, были обнаружены десятки новых поселений раннего железа с многометровой толщиной культурных напластований. Раскопки таких важных памятников, как Тилля-тепе, Кучук-тепе, Джаркутан, Миршаде, Бандыхан и др., обогатили наши знания новыми фактами, характеризующими особенности материальной культуры и географию распространения памятников этого времени в пределах среднеазиатского региона и прилегающих к нему областей.

Территории Южного Туркменистана принадлежит особое место в изучении данной культуры. Еще в начале XIX в. американской экспедицией Р.Пампелли на одном из холмов Анау были получены первые материалы этого времени. В 1904 г. американской экспедицией обследовано несколько холмов в Мервском оазисе, отнесенных к культуре Анау (Huntington, 1908). Затем в 1916 г. Д.Д.Букинничем и в 1937 г. А.А.Марущенко, а также Б.Б.Пиотровским на городище Гяур-кала проводятся исследования по изучению Старого Мерва, где они обнаружили материалы, отно-

сящиеся к середине I тыс. до н.э. (П и о т р о в с к и й, 1949). Однако основные успехи в изучении памятников раннежелезного века связаны с деятельностью XIV отряда ДТАКЭ, развернувшего в начале 50-х гг. работы в Мервском оазисе. В.М.Массон в течение нескольких полевых сезонов провел обследование поселений и стратиграфическое изучение крупнейшего памятника области Яз-депе. Публикации материалов экспедиции по-существу – первые научно обоснованные исследования по культуре раннежелезного века не только для территории Южного Туркменистана, но и всей Средней Азии (М а с с о н, 1959).

До начала 70-х гг. археологические исследования на этой территории были временно приостановлены. И лишь с 1972 г. они вновь возобновились, в результате чего были обнаружены новые памятники.

Настоящая работа посвящена одной из групп поселений, обнаруженных к югу от Уч-депе в 6-7 км к северо-западу от совхоза "Целинный" Каракумского района Марыйской области. Еще в 1975 г. во время маршрутных обследований здесь было открыто семь холмов (М а с и м о в, 1982, с.23-25), а в 1981 г. к ним прибавилось еще четыре, не считая многочисленных участков с россыпями керамики на поверхности. Поскольку все поселения располагаются в районе Уч-депинского оазиса, они получили соответствующие цифровые обозначения Уч-депе 4-14, вслед за тремя первыми памятниками, изученными еще В.М.Массоном (М а с с о н, 1959, с.83-84).

Территория, на которой располагаются эти памятники, характеризуется наличием незначительных по высоте песчаных бугров, заросших кустарником и яндаком. Рельеф местности в некоторых местах уже искажен оросительными и дренажными каналами, кое-где на поверхности проступают грунтовые воды. Поселения незначительной высоты сильно распластаны и аморфны по форме. На поверхности много обломков керамики. На некоторых поселениях обнаружены остатки керамических горнов (Уч-депе 4,7). Поселение Уч-депе 10 – объект специальных исследований, состоит из трех холмов. Наиболее крупный – около 180 м в диаметре и высотой 3 м, вероятно, "цитадель" памятника. В 150 м к востоку от него находится второе всхолмление размером 70x50 м, а в 60 м к югу третье – размером 85x70 м. Их высота чуть более 1 м. Северную часть "цитадели" пересекает коллекторная сеть, за которой продолжается пологий склон холма с россыпями керамики на поверхности. На "цитадели" и соседних с ней холмах встречено большое количество керамики, а также обломки металла, глиняные шлаки. Найдено слегка уплощенное круглое каменное прясло диаметром 4,5 см со сквоз-

ным отверстием. Подъемный керамический материал памятника представлен в основном сосудами ручной лепки, фрагментами которых наиболее насыщена поверхность центрального холма, в то время как на двух других соотношении лепной и гончарной посуды примерно равное. Формы сосудов представлены горшками, мисками, хумчами, котлами, нередко оформленными ручкой-петелькой (рис. 1).

По сравнению с лепной гончарная посуда характеризуется плотно отжуженной глиной без примеси и хорошим качеством обжига. Аналогично в этом отношении и небольшое количество фрагментов сероглиняной керамики (рис. 1, 18-21, 25).

Отметим, что в исследуемом районе поселение Уч-дэпе 10 - второе по величине после Северного Уч-дэпе и одно из крупнейших из числа обнаруженных в последние годы. Размеры и расположение среди менее выделяющихся по масштабам памятников позволяют считать его также как Северное Уч-дэпе центром небольшого древнего оазиса. Это обстоятельство вызвало необходимость его изучения проведением раскопочных работ, начавшихся в 1961 г. с закладки шурфа, с целью определения стратиграфии и хронологии памятника. Шурф № 1 размером 4x4 м заложен в 4 м к западу от тригонометрического знака. На всей площади шурфа, начиная с самых верхних слоев, фиксировались архитектурные останки, в частности на западном и северном участках частично выявлены контуры помещений 1 и 2 (рис. 2), а в юго-восточном углу зафиксирован край дугообразной стены башни (стена "В"). В верхних участках шурфа прослежены мусорные ямы позднего происхождения, врезающиеся в культурные наслоения и перекрытые ямы дерновым слоем (рис. 3а). Заполнение помещения 1 - мощный глинистый слой средней плотности, весьма похожий на забутовку, местами перемешанный с размытой сырьевой массой. Незначительное количество находок, сделанных в этом помещении, вероятно, можно объяснить наличием забутовки. То же самое можно сказать и о пространстве между помещением 1 и дугообразной стеной. Заполнение помещения 2 представлено рыхлым мусорным слоем толщиной около 2 м, перемешанным с угольками, материалом разрушений, кусочками глины и фрагментами керамики. Именно из этого помещения происходит основная масса находок. Под мусорным слоем, почти с середины V яруса идет слой светлого опесчаненного сурлинка, мощность которого не превышает 60 см. Он лежит непосредственно на полу, представленном ровной горизонтальной глиняной прослойкой толщиной 5-7 см. Пол, обнаруженный в VI ярусе, подстилается тонким (около 7 см) гумусным слоем зеленоватого цвета.

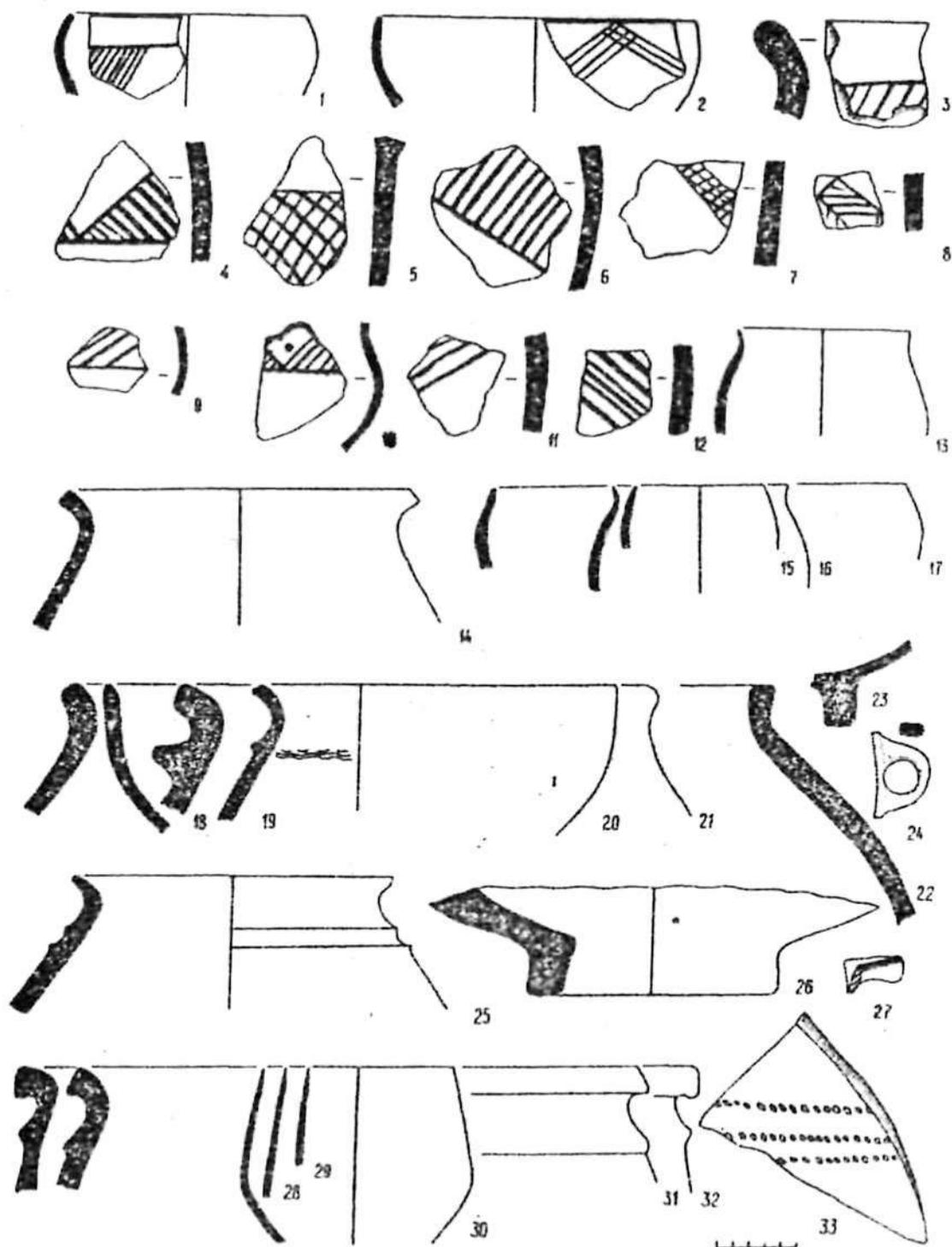

Рис. 1.

Подъемный керамический материал с поселения Уч-депе 10:
 1-12 - лепная расписная керамика, 13-17, 22-23, 26 - летная,
 18-21, 25 - сероглиняная, 28-33 - станковая керамика.

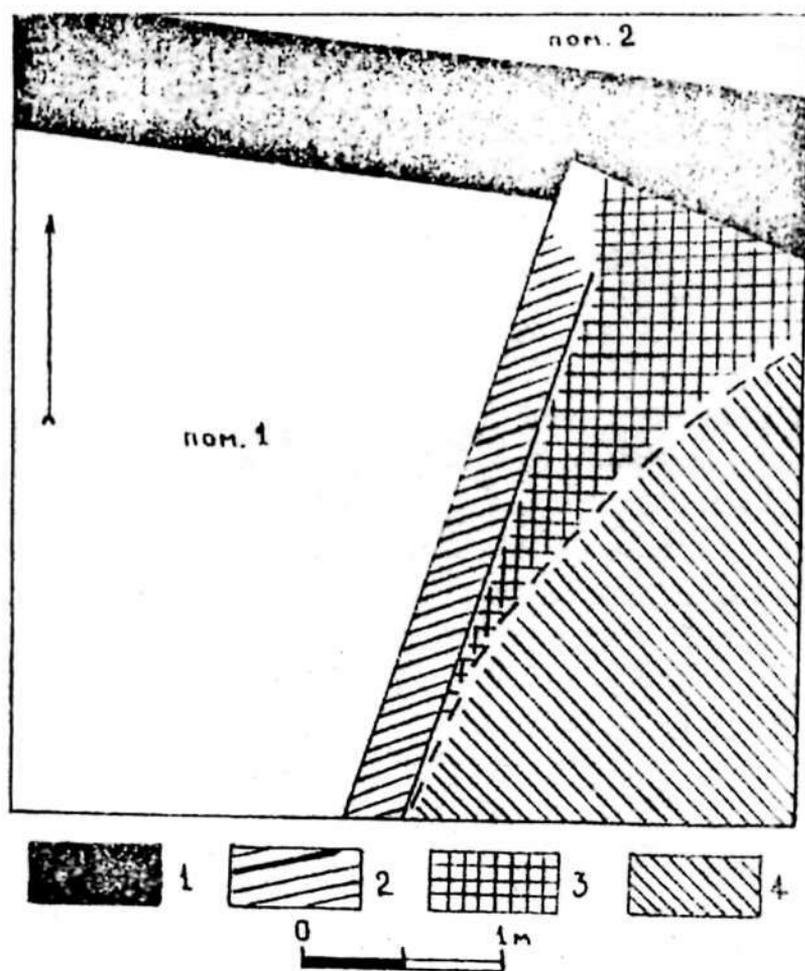

Рис. 2.

Схематический план шурфа № 1:

1 - стена "А"; 2 - стена "Б"; 3 - забутовка;
4 - стена "В".

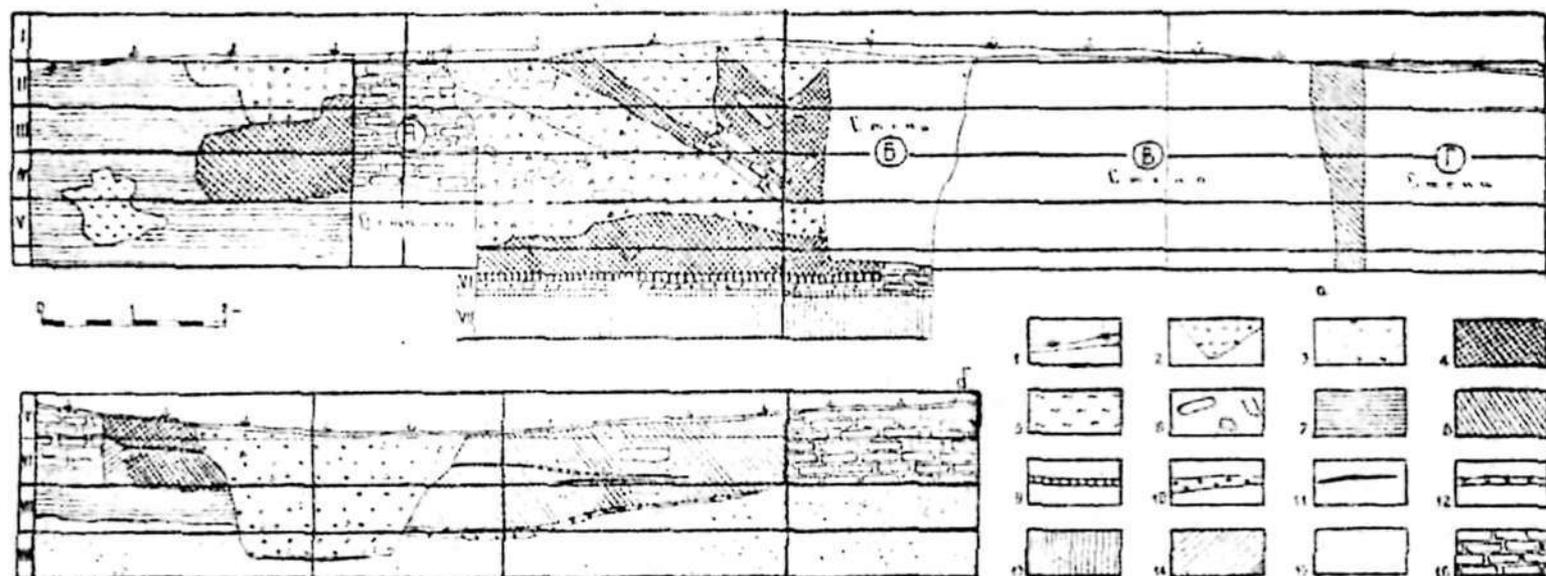

Рис. 3.

Развертка шурфов № 1 (а) и № 2 (б): 1 - дерновый слой; 2 - заполнение, состоящее из надувного песка, кусочков глины, сырца, фрагментов керамики; 3 - опесчаненное заполнение; 4 - разрушенный слой из сырца; 5 - рыхлые слои с кусками глины; 6 - слой средней плотности с обломками кирпича; 7 - куски сырца; 8 - плотный глинистый слой; 9 - пол; 10 - натечные слои; 11 - зольник; 12 - гумусные прослойки зеленоватого цвета; 13 - туон; 14 - слои обвалившейся штукатурки; 15 - песок; 16 - сырцовая кладка.

Далее следует сырцовая выкладка высотой 10-12 см, под которой с конца VI - начала VII ярусов начинается материковый слой, представленный плотными аллювиальными отложениями темно-коричневого цвета. Таким образом, материк по уровню залегания полностью соответствует современной поверхности такыров, окружающих поселение. Прекрасная сохранность стен, достигающих в шурфе 2,5 м, позволяет предположить, что на поселении существовала мощная монументальная архитектура. Все стены помещений построены из прямоугольного сырцового кирпича размерами 59х11,5х? см; 55х10х? ; 24х9-11х?; 47х24х11,5 см, в то время как размеры кирпичей дугообразной стены имели иные параметры (45х9х9 см; 43х9х?; 30х?х10; 33х?х9; 44х?х8-9 см). Основания северной (стена "А") и восточной (стена "Б") стен помещения I находятся на одном уровне (270 см от репера), при этом глиняная обмазка (пол) уходит под их основание, в то время как дугообразная стена кончается лишь на глубине 3 м. Поэтому можно предположить, что стены помещения № I были возведены несколько позднее, чем стена "башни".

С целью получения дополнительного материала с нижних ярусов и контрольной проверки слоев на северном склоне поселения был заложен шурф № 2 (3х2 м) (рис. 36), где также, как и в шурфе № I, в пределах VI яруса был обнаружен пол (помещения?), прорезанный мусорной ямой, границы которой фиксировались в северо-западном углу шурфа. В южной части шурфа была обнаружена сырцовая стена, которой соответствовал уровень пола. Стена построена из больших кирпичей-блоков нестандартных размеров: (71х10х? см, 65х11х?, 55х12х?, 41х9х?, 50х10х?, 30х8-9,5х? см и т.д.). Под уровнем пола следовали культурные отложения средней плотности с материалами разрушений, натечными линзами, обожженными кусочками глины и пр. На границе VI и VII ярусов проходила натечная прослойка толщиной не более 12 см, которая начиналась у подножия стены в южной части шурфа и, постепенно понижаясь в северном направлении, прерывалась мусорной ямой на границе VII и VIII ярусов. Материк в виде опесчаненных аллювиальных отложений, начинающийся в пределах VII яруса, был прослежен до конца VIII яруса.

Исходя из полученных данных, предварительно можно проследить историю становления и запустения комплекса. Центральное поселение было основано на небольшой возвышенности, которая постепенно понижалась в северном направлении, о чем свидетельствует различный уровень залегания материка в шурфах. Первые постройки, в частности

так называемая башня, возводилась, по всей вероятности, прямо на поверхности, которую местами предвзвешенно покрывали одним рядом кирпичей, как это видно на северной и северо-восточной частях шурфа. По истечению некоторого времени, когда в процессе обживания над уровнем пола нарастал культурный слой, происходило возведение новых строений, в частности помещения 1. В процессе заупустения памятника, причины которого нам еще неизвестны, некоторые помещения либо забываются (пом. 1), либо превращают в мусорные свалки (пом. 2). Следует также предположить, что цитадель обживалась и забрасывалась не одновременно, а поэтапно, но без больших разрывов во времени.

Переходя к описанию находок следует отметить, что все они представлены главным образом керамикой и всего лишь несколькими экземплярами небольших биконических ядер из глины.

Весь керамический материал по фактурно-технологическим признакам и характеру внешнего оформления можно разделить на две основные группы — лепную и станковую, каждая из которых подразделяется на ряд типов¹. Посуда, сделанная от руки, в комплексе составляет 72,5 % всей обнаруженной керамики, а на долю гончарной посуды приходится лишь 27,5 %.

Лепная керамика подразделяется на два типа: 1) серо-черно-лощенная; 2) лепная. Первый тип, составляющий 35 % керамики данной группы, или 25 % всей посуды, обнаруженной в процессе работ — керамика с серым или черным в изломе черепком, с ярко выраженными следами лощения снаружи. В тесте, как правило, всегда имеется примесь мелкотолченого шамота, однако керамика характеризуется высокой тщательностью изготовления (рис. 4). Из различных форм, представленных здесь, следует отметить неглубокие чаши с широким резервуаром и венчиком, слегка загнутым внутрь (рис. 4, 5, 7, 8), или отогнутым наружу (рис. 4, 11). Среди этих чаш встречаются и такие, у которых под венчиком идет горизонтальный ряд небольших шишечек-налепов (рис. 4, 2). Имеются и другие формы этого типа, например, чаши с глубоким резервуаром (рис. 4, 1), а также небольшие горшочки (рис. 4, 6, 10), сосуды типа хумчи с горизонтальными рельефными выступами на плечиках (рис. 4, 3) и стаканообразные сосуды со слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 4, 9). Некоторые формы серо-черно-лощенных сосудов имели ручки (рис. 4, 12, 13), которые могли крепиться как горизонтально (под венчиком), так и вертикально (на плечиках). Аналогии различным формам серо-черно-лощенных сосудов, найден-

¹ Поскольку материалы керамики обоих шурфов не отличаются, рассмотрим их в комплексе.

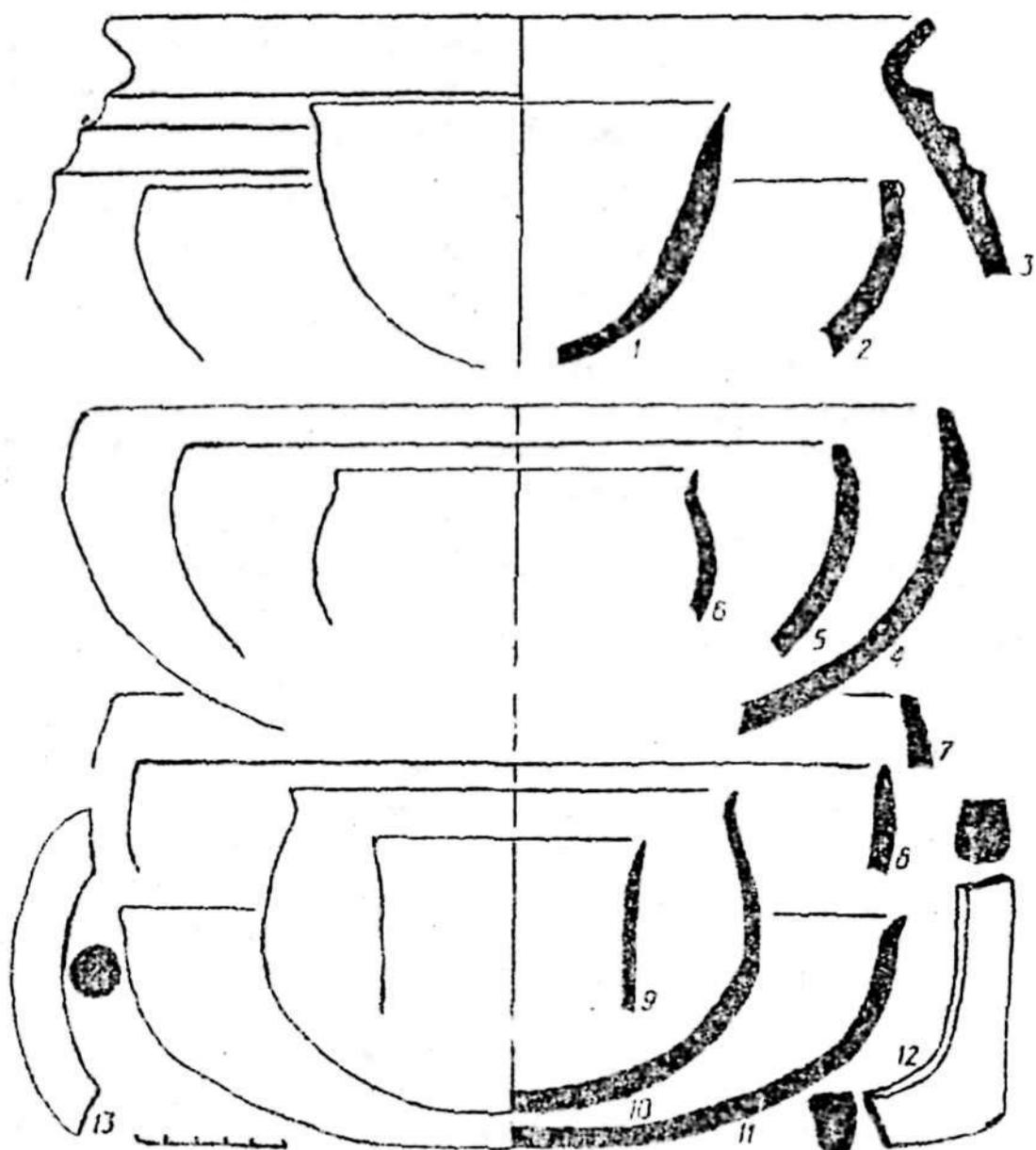

Рис. 4.

Лепная серо-черно-моховая керамика.

ных на Уч-депе 10, можно обнаружить в комплексах Яз I на поселении Яз-депе (М а с с о н, 1959, табл. XXI, XXII), на поселении Дальверзин в Ферганской долине (З а д н е п р о в с к и й, 1962, рис. 6, II, I3) и др.

Второй тип керамики данной группы - посуда, выполненная из теста с большой примесью дресвы и крупнозернистого шамота (рис. 5). Черепок в изломе - красный, розоватый или коричневый, а снаружи - либо светлых оттенков (желтоватый и светло-зеленоватый), либо такого же цвета, что и в изломе. По формам здесь выделяются крупные толстостенные сосуды типа хумсов с отогнутым наружу подпрямоугольным (рис. 5, I, 7, 9, 10) или округлым краем венчика (рис. 5, 3, 4, I3, I4). На плечиках некоторых сосудов имеются небольшие налеты в виде прямоугольников со слегка округленными гранями (рис. 5, I3), сосков (рис. 5, I4) и кругов (рис. 6, 2). Встречаются также хумчи (рис. 5, 6, II), горшки (рис. 5, I2), сосуды типа тагоры (рис. 5, 8), а также жаровни с невысоким бортиком (рис. 5, 5) и большие плоские крышки с ручкой (рис. 5, I5). Формы сосудов второго типа первой группы можно сравнить с некоторыми находками с других поселений. Так, например, крышки и жаровни встречаются во втором периоде поселения Кучук-тепе в Узбекистане (А с к а р о в, А л ь б а у м, 1979, табл. 10, 6; табл. 8, 11, 12; табл. 11, 24, 25) и нижних слоях Яз-депе (М а с с о н, 1959, табл. XXIII, 3, 4). В вышеупомянутых слоях этих поселений можно также встретить сосуды с шишечками-налепами и кругами на плечиках (А с к а р о в, А л ь б а у м, 1979, табл. 14, 4-9).

Гончарная посуда также делится на два типа: 1) расписная; 2) нерасписная (рис. 6). Черепок у сосудов этой группы как в изломе, так и снаружи, - розоватый или коричневый, при этом 23,8 % керамики не имеет в составе теста никаких примесей, в то время как 9,5 % посуды содержит примесь мелкотолченого шамота, а 66,7 % - примесь крупнозернистого шамота.

Расписная керамика составляет незначительный процент посуды (около 4-5 %). Орнамент наносился коричневой или красной красками по светлому фону. Он представляет собой роспись в виде треугольников, обращенных вершинами вверх и заполненных внутри косыми линиями (рис. 6, I3, I4) или сеткой (рис. 6, I5). Верхний, а иногда и нижний край всей орнаментальной композиции, расположенной в основном на плечиках, завершает горизонтальная полоса. Такой орнамент типичен для ранней керамики Яз-депе (М а с с о н, 1959, табл. XUP, 14, 19; табл. XIX, 7; табл. XX, 22), а также в расписной посуде поселения

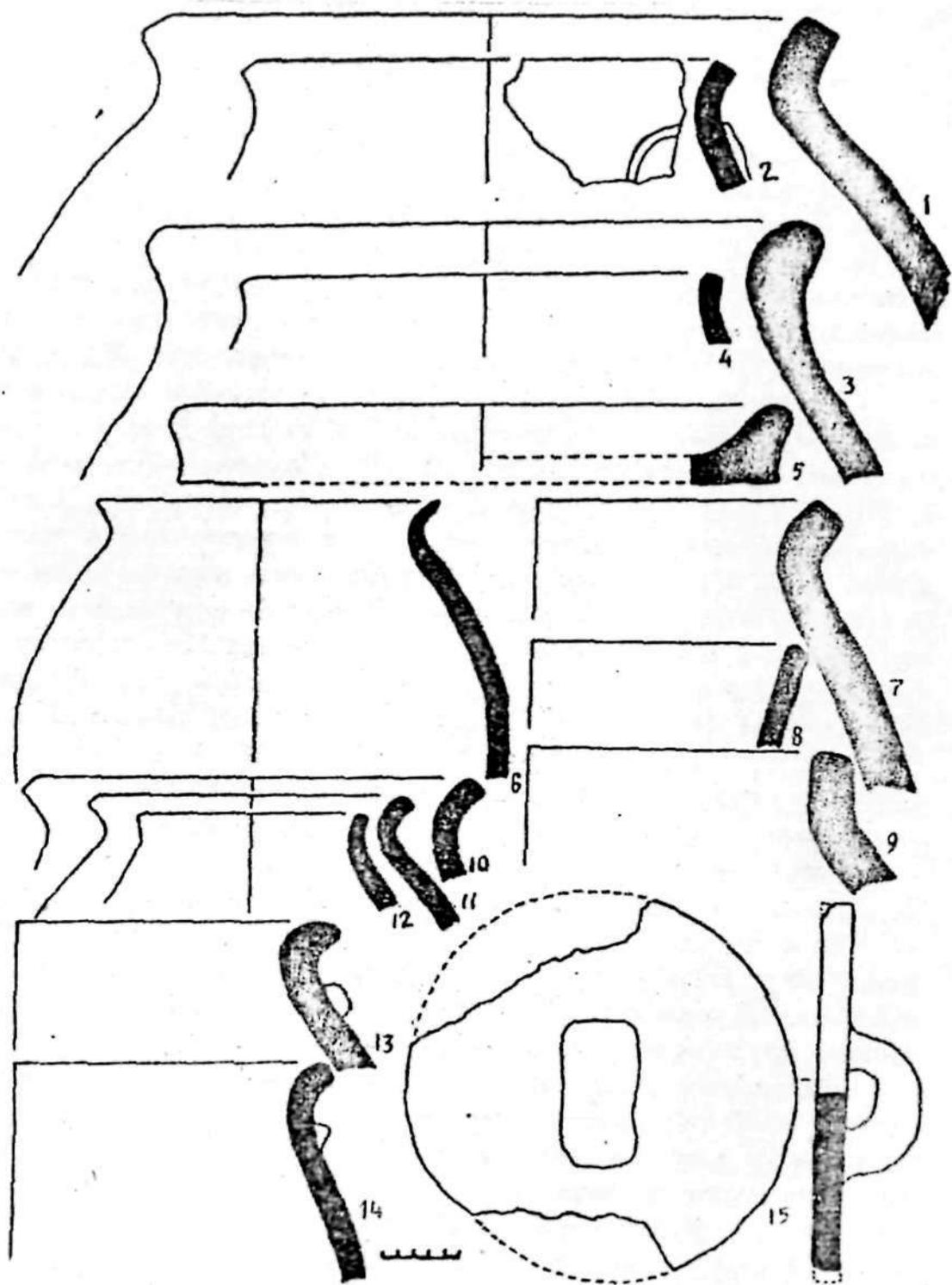

Рис. 5.

Лепная керамика.

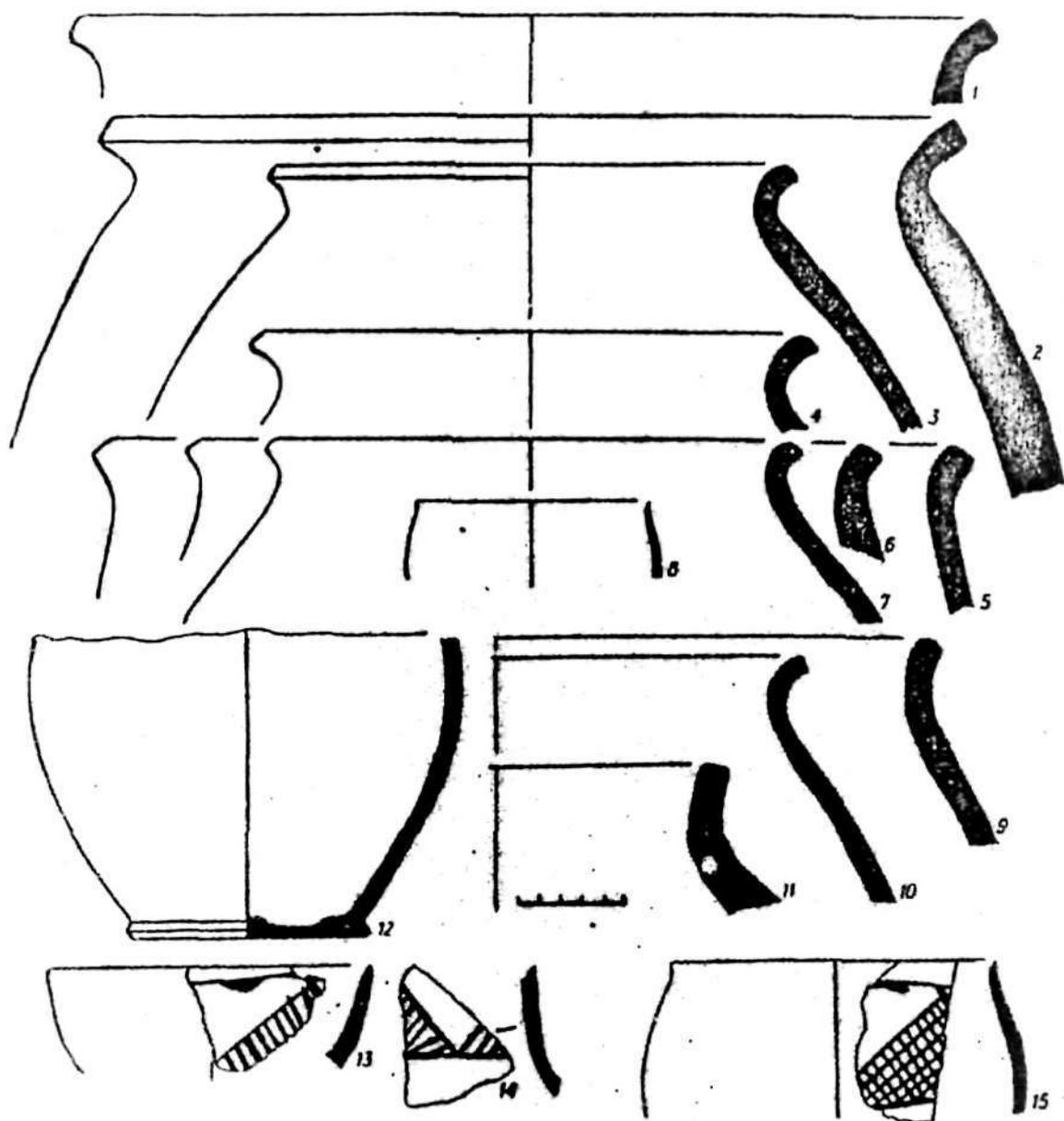

Рис. 6.

Станковая керамика.

Тилля-теле в Северном Афганистане (С а р и а н и д и, 1972; 1977, с.108-109). Расписные сосуды с Уч-депе 10 представлены мисками (рис. 6,13) и горшками (рис. 6,15). В числе нерасписной посуды фигурируют такие формы, как горшки (рис. 6,8), хумы, хумчи (рис. 6, 1-7,10) и котлы.

В комплексе представлено лишь три экземпляра расписной керамики. Ее малочисленность, видимо, объясняется тем, что шурф почти до уровня материка прорезал слой строительной забутовки, где керамика была представлена в единичных экземплярах. Однако отсутствие расписной керамики в шурфе компенсируется подъемным материалом, отмеченным нами выше. Судя по подъемному материалу, на поселении, кроме мисок и горшков, расписывались еще и толстостенные сосуды, а также крупные котлы. Таким образом, весь керамический материал иллюстрирует в целом стандартизированный набор форм. Определяя функциональное назначение сосудов, мы предполагаем разделить посуду на столовую, тарную и кухонную. К столовой можно отнести основную массу серо-черно-кофейной, расписной и частично гончарной (чаши, миски, горшки). Крупные сосуды (хумы, хумчи), необходимые при хранении запасов воды, зерна и пр. можно отнести к посуде тарно-хозяйственного характера. И наконец, к кухонной категории сосудов можно отнести такие формы, как котлы, жаровни.

В шурфе, помимо керамического материала, других находок не было, за исключением нескольких глиняных ядер для пращи. Такие ядра хорошо известны по древнеземледельческим поселениям юга Средней Азии. Они найдены и на цитадели Яз-депе (М а с с о н, 1959, с.38, табл. XXXII) и в старом Мерве.

Прежде чем приступить к выявлению непосредственной датировки материалов с Уч-депе 10, обратимся вначале к краткому обзору хронологии комплексов Яз I, имеющих широкий ареал и обнаруживающих большое сходство с нашими материалами.

При определении комплексов культуры раннежелезного века многие исследователи опираются прежде всего на керамический материал и главным образом на расписную посуду. Одни склонны видеть в керамике комплекса Яз I налет провинциализма, так как его расписная посуда за редким исключением имеет лишь штриховое заполнение (а не заливку), что позволяет относить ее к позднему этапу эволюции орнаментов посуды данной эпохи (Г у т л ы е в, 1974, с.13). Другие считают, что именно штриховое заполнение, а не заливка - ранний признак комплексов расписной керамики, ссылаясь при этом на ее страти-

графическое залегание в самых нижних слоях ряда памятников Бактрии (А с к а р о в, 1976, с.19). Надо отметить, что расписная керамика раннежелезного века отдельных областей Средней Азии имеет некоторые особенности. Помимо различных приемов выполнения орнаментов (заливка, штриховка), некоторые отличительные черты выявляются и в их композиции. Так, керамика нижнемургабских поселений характеризуется наличием треугольников, почти всегда обращенных вершинами вверх, в то время как на бактрийских памятниках они чаще всего направлены вниз. Однако вряд ли подобные особенности росписей керамики могут считаться хронологическим признаком. Не исключено, что здесь следует усматривать какие-либо локальные или специфические особенности каждого из вышеуказанных районов, что хорошо иллюстрируется материалами той же керамики предшествующей эпохи бронзы.

В.М.Массон предложил датировать материалы времени Яз I — 900-550 гг. до н.э. (М а с с о н, 1959, с.48), с чем до сих пор большинство исследователей согласны. Одним из наиболее типичных признаков того же времени он считал появление в комплексе расписной керамики и преобладание лепной посуды в общей массе керамических изделий. При этом увеличение количества станковой посуды на последних этапах комплексов Яз I позволило В.М.Массону выдвинуть предположение, что "внутри этого комплекса удастся выделить более дробные членения" (М а с с о н, 1959, с.34). Такая попытка была предпринята А.Аскарковым и Л.И.Альбаумом, которые выделили на поселении Кучук-тепе четыре последовательно сменявших друг друга периода, из которых слой Кучук I и главным образом Кучук II весьма близки к комплексам Яз I. При этом поздние этапы (Кучук I) и ранние (Кучук II) синхронизируются с ранним этапом Яз I, а оставшаяся большая часть находок Кучук II приходится на поздние этапы Яз I. Слой Кучук II, имеющий наибольшее сходство с нашими материалами, был датирован второй половиной УШ-УП вв. до н.э. (А с к а р о в, А л ь б а у м, 1979, с. 67).

В Бактрии имеется еще ряд поселений, в слоях которых обнаружены комплексы с расписной керамикой. Так, верхний слой поселения Джарукутан, в комплексе которого имеется расписная посуда с заштрихованными и контурными треугольниками, аналогичный материал нижних слоев Яз-депе, ориентировочно датированный XI-X вв. до н.э. (А с к а р о в, 1976, с.19). На юге Узбекистана исследованы такие поселения, как Бандыхан-тепе (Р т в е л а д з е, 1976), безымянное по-

селение у с. Миршаде (П у г а ч е н к о в а, 1972), три поселения в Уланбулаксайском оазисе (С а г д у л л а е в, 1978) и другие, материалы которых аналогичны керамике комплекса Яз I. Севернее этих районов располагаются памятники чустской культуры, среди которых Дальверзинское поселение, одно из наиболее изученных, датировано X-УШ вв. до н.э. (З а д н е п р о в с к и й, 1978, с. 33). В Ташкентском оазисе располагаются поселения Бургулюкской культуры, изучение которых было начато еще задолго до изучения многих памятников раннежелезного века юга Средней Азии. Причем, здесь выделено три группы расписной керамики, из которых последние две имеют явное сходство с керамикой Яз I, отличаясь лишь в деталях орнамента: на керамике бургулюкской культуры геометрические фигуры в основном закрашены сплошной заливкой (Д у к е, 1982, с. 64). Эта культура, датируемая IX-УШ вв. до н.э., более близка к памятникам, синхронным с чустской культурой (Д у к е, 1982, с. 73).

Но наиболее близким памятником Уч-депе 10 является поселение Яз-депе, которое находится примерно в 10-12 км к востоку от него. Поэтому материалы Уч-депе 10 наиболее близки к комплексу Яз I поселения Яз-депе. Наряду с керамикой можно отметить сходство и в размерах сырцового кирпича. Так, размеры сырца, выявленные на раскопке Ш к югу от цитадели Яз-депе, имеющие стороны 55x10 при толщине 11 см (М а с с о н, 1959, с. 69) близки размерам кирпичей стен помещений в шурфах № 1, 2. Вместе с тем здесь вызывает интерес использование разноразмерных кирпичей, объяснение которому еще трудно дать, правда, подобные случаи имеются в практике строительства и на других памятниках эпохи раннего железа (А с к а р о в, А л ь б а у м, 1979, с. 13; С а г д у л л а е в, 1978, с. 33; Г у т ы л ы е в, 1982, с. 34, 35). Исходя из вышеуказанных аналогий с другими памятниками среднеазиатского региона и прежде всего соседнего памятника Яз-депе, поселение Уч-депе 10 предварительно можно датировать IX - началом УП в. до н.э.

Мы уже отмечали, что Уч-депе 10 - центр небольшого оазиса, некогда располагавшегося к югу от Уч-депе Северного. В пору функционирования данного памятника, река Мургаб, видимо, имела отдельный приток к западу от главного русла, обеспечивающего его водой. Несколько более низких по высоте и по размерам холмов вокруг Уч-депе 10 (Уч-депе 11-14), в основном дающих материал времени Яз 2 и Яз 3, свидетельствуют о продолжительном функционировании этого оазиса. Предстоящие в перспективе работы должны ответить на вопро-

сы, связанные с изучением памятников не только данного древнего оазиса, но и других поселений древнемургабской дельты раннежелезного века.

ЛИТЕРАТУРА

А с к а р о в А. Расписная керамика Джаркутана. - В кн.: Бактрийские древности. Л., 1976.

А с к а р о в А., А л ь б а у м Л.И. Поселение Кучуктепе. Ташкент, 1979.

Г у т л ы е в Г. Памятники Южного Туркменистана эпохи поздней бронзы и раннего железа. Автореф. канд. дис. М., 1974.

Д у к е Х. Туябугузские поселения Бургулюкской культуры. Ташкент, 1982.

З а д н е п р о в с к и й Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. М.-Л., 1962.

М а с и м о в И.С. Новые памятники раннежелезного века Мургабского оазиса. - В кн.: Новые археологические открытия в Туркменистане. Ашхабад, 1982.

М а с с о н В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы. М.-Л., 1959.

П и о т р о в с к и й Б.Б. Разведочные работы на Гюр-Кала в Старом Мерве. - Мат-лы ЮТАКЭ, вып. 1. Ашхабад, 1949.

П у г а ч е н к о в а Г.А. Новый памятник древнебактрийской культуры. - В кн.: Успехи среднеазиатской археологии. Л., 1972.

Р т в е л а д з е Э.В. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана. - В кн.: Бактрийские древности. Л., 1976.

С а г д у л л а е в А.С. Древнеземледельческие поселения предгорий Байсунтау. - В кн.: История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.

С а р и а н и д и В.И. Раскопки Тилля-тепе в Северном Афганистане. Мат-лы к археологической карте Северного Афганистана, т. 1. М., 1972.

H u n t i n g t o n E. Description of the Kurgans of the Merv oasis. - In: R. Pumpelly. Explorations in Turkestan, v. 1. Washington, 1908.

ПОСЕЛЕНИЕ РАННЕЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА
ГАРРЫ-КЯРИЗ I

В 57 км северо-западнее Ашхабада в местности Гарры-Кяриз расположена группа холмов – остатки трех разновременных поселений. Крайний западный холм данной группы (Гарры-Кяриз I) – оплывшие руины наиболее древнего из них. Впервые это установил А. А. Марущенко, посетивший памятник в 1951 г. На основании сбора подъемного материала он датировал его поздней стадией культуры Анау IV¹. В 1969 г. это было подтверждено стратиграфическими исследованиями. В 1972 г. на этом холме проведены разведывательные раскопки, результаты которых опубликованы (П и л и п к о, 1975, с. 14–16).

В 1978 г. в связи с активным сельскохозяйственным освоением этой территории и возникновением угрозы повреждения памятника раскопки были возобновлены и продолжались до 1981 г. В результате работ полностью вскрыты остатки оригинального здания эпохи раннего железа. До раскопок поселение представляло собой невысокий (2,5 м) сильно оплывший холм диаметром 35–40 м. На поверхности, особенно у подошвы южного наиболее разрушенного склона, изредка встречались фрагменты керамики, наиболее характерными из которых были обломки небольших по размерам банок с "подкосами". Эти находки дали основание относить памятник к середине I тыс. до н.э.

Раскопками выявлено, что холм – это остатки одного здания (рис. 1). Внешний контур постройки образует круг диаметром около 20 м. Ширина внешней стены – 1,6–1,9 м. В это кольцо вписаны четыре параллельно расположенных помещения, размеры и форма которых зависят от их местонахождения внутри круга. Самое крупное – помещение 2 достигает максимальной длины 14,7 м, при ширине 2,1–2,2 м. Незначительно уступает ему в размерах помещение 1 (длина – 13,2–14 м, ширина – 2,15–2,2 м). Неправильные очертания и меньшие размеры имеет помещение 3. Еще более сложная форма у помещения 4, расположенного в северо-северо-восточной части постройки. Южная стена – прямая, северная – дугообразная с прямоугольным выступом посередине. На востоке помещение постепенно сужаясь переходит в дугообразный кори-

¹ Архив Института археологии АН СССР. Личный архив А. А. Марущенко. Паket 49.

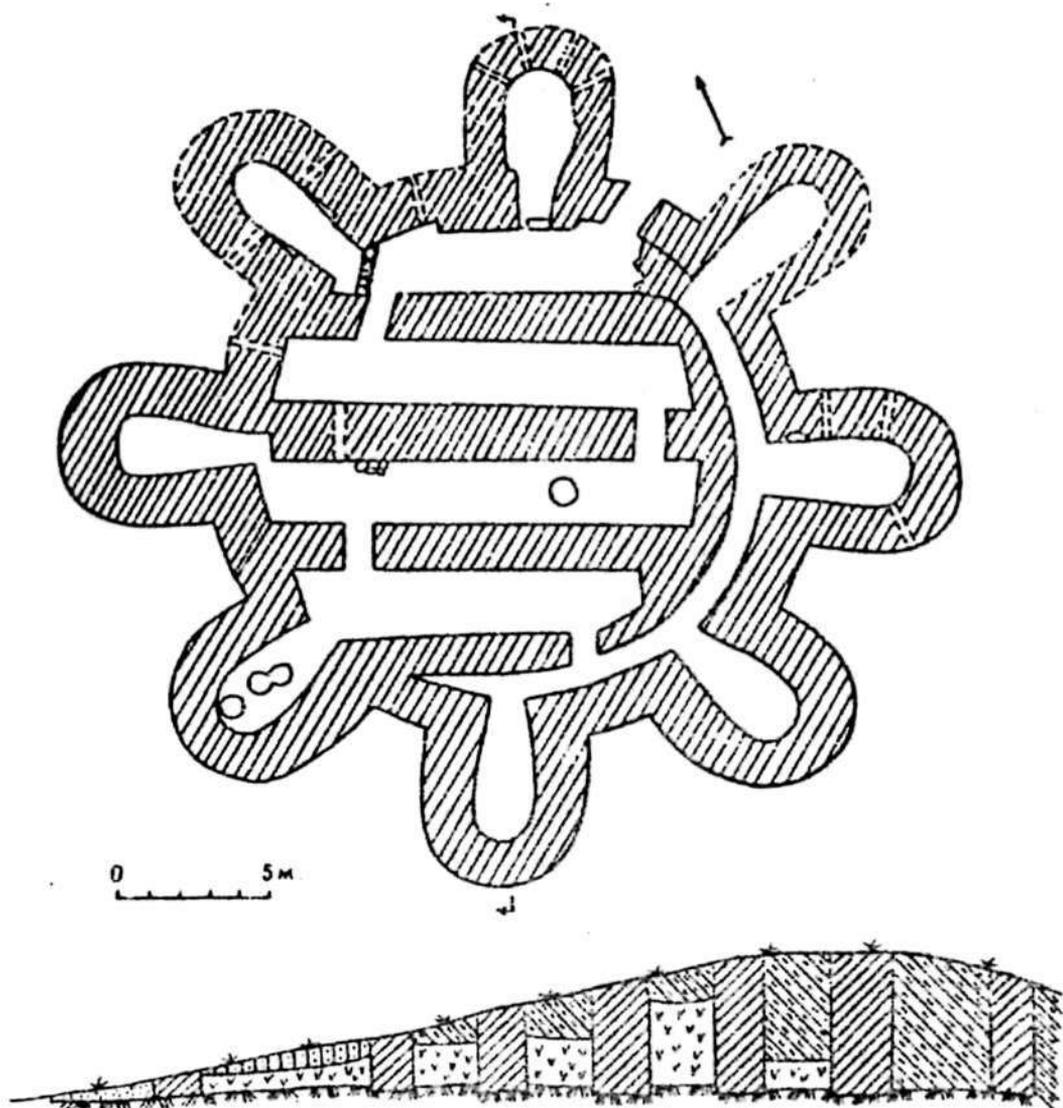

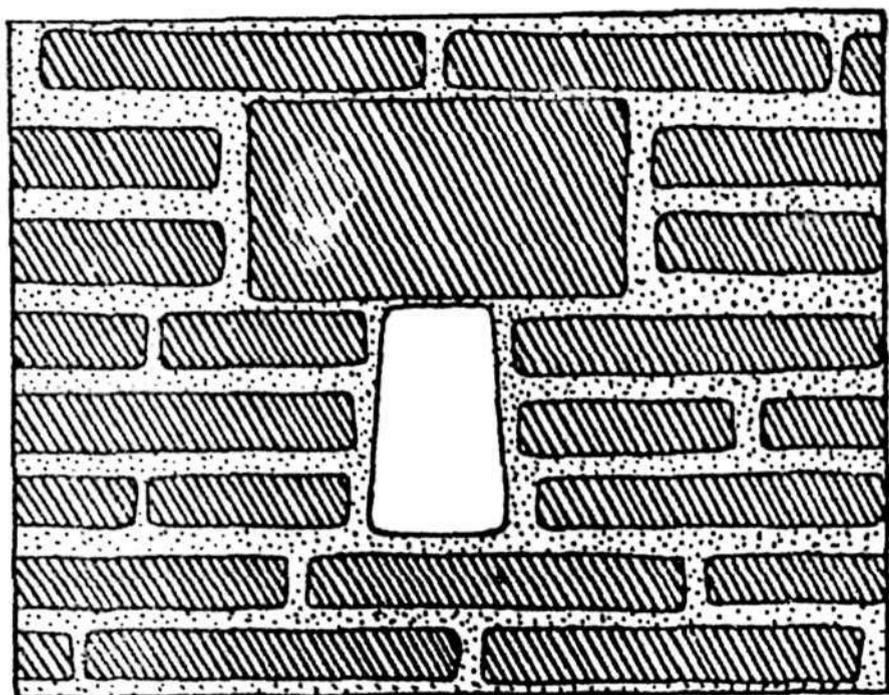
Рис. 1.

План и разрез постройки первого периода
функционирования.

дор, который полукольцом огибает все остальные помещения с востока и заканчивается клиновидным тупиком в юго-западной части постройки. Помещения разделены стенами толщиной 1,5 - 2 м. Толщина внутренней стены коридора неравномерна. Помещения соединены переходами шириной 0,8 - 1,1 м, имеющими коленчатое расположение. Благодаря обводному коридору можно также попасть из помещения 4 в помещение 3, минуя центральные.

Из помещений и обводного коридора имеется доступ в восемь радиально расположенных полуовальных в плане башен. Они несколько разнятся по размерам, но в целом одинаковы по конструкции. Башни выступают за кольцо внешних стен на 4,5-5 м. Ширина их в основании - от 4 (башня 8) до 5,8 м (башня 2). Внутрибашенные помещения узкие, вытянутые, заovalенные. Некоторые из них имеют у входа четко выраженные плечики, что является деталью конструкции. Единственный вход в здание расположен с северо-восточной стороны между башнями 7 и 8. Первоначальная его ширина - 1,1 - 1,2 м.

Постройка возведена из сырцового кирпича, изготовленного из супеси с обильной примесью соломы. Раствор из того же материала. Кладка сильно спрессовалась и контуры кирпичей прослеживаются очень плохо. С большим трудом удалось замерить лишь несколько экземпляров: 66-67x32-34x6,5-10 см. Стены помещений тщательно оштукатурены глиной (иногда с саманом) в несколько слоев. Нижние полы глинобитные, верхние - натоптаные. На разной высоте от нижнего пола в башнях и помещениях расположены прямоугольные или трапециевидные сквозные щелевидные проемы, вероятно вентиляционные отверстия, а не бойницы, т.к. иногда, например, в башне 17 они располагаются очень низко, в 20-40 см от пола. Наиболее хорошо подобное отверстие сохранилось в восточной стене башни 6. Оно расположено на высоте 87 см от нижнего пола. Ширина его нижнего основания 25 см, верхнего - 17 см, высота - 40 см. Перекрытие отверстия состоит из поставленных на ребро сырцовых кирпичей (рис. 2). Еще одна конструктивная особенность постройки: в основании некоторых башен по контуру уложены один-два ряда булыжников, иногда довольно крупных - до 30-40 см в поперечнике. Снаружи этот своеобразный цоколь скрыт толстой глиняной штукатуркой. Постройка возведена на небольшом естественном возвышении и в уровнях полов, особенно между центральными помещениями, имеется значительная разница. Перепад высот иногда достигает 40 см. Стены здания местами слегка заглублены в рыхлую ма-

0 50 CM

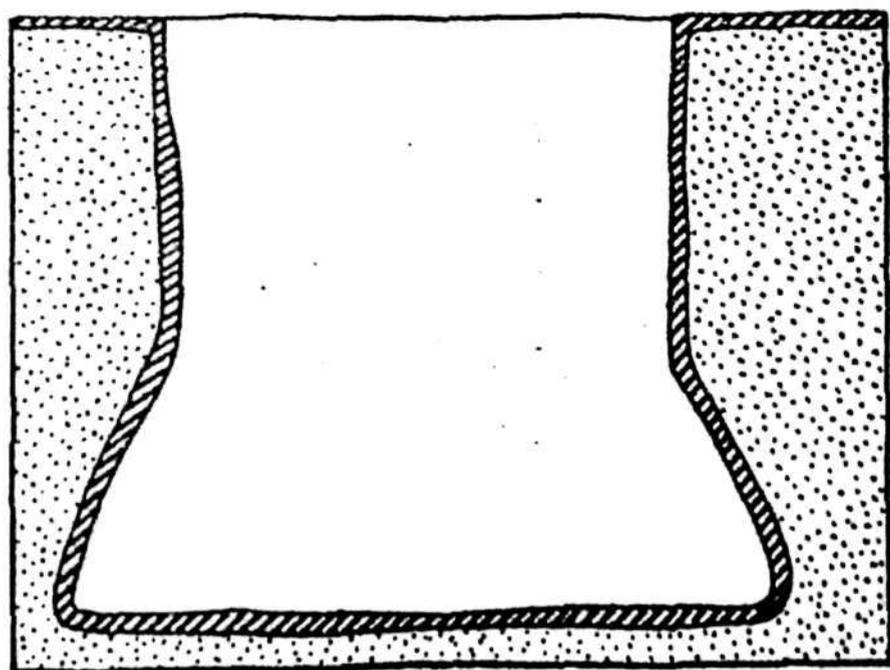

Рис. 2.
Конструкция "бойницы" и разрез хозяйственной ямы в помещении 2.

териковую сунь, но фундаменты отсутствуют. Максимальная сохранившаяся высота стен - 2 м. Следов перекрытия на высоте нет. Учитывая, что в помещении I мусорные прослойки полов достигают толщины 1,5 м, можно предполагать, что первоначальная высота стен была не менее 3,5-4 м. Перекрытие, вероятно, было плоским. Косвенно об этом свидетельствует следующий факт. При раскопках наружного фаса постройки с южной и западной сторон обнаружены прилегающие к стенам слои мусора. Толщина мусорных отложений по мере удаления от стен уменьшается. В этой части постройки выходов наружу не было, поэтому остается предположить, что мусор сбрасывался сверху, с плоской крыши, которая в хорошую погоду, вероятно, использовалась для отдыха и трапез.

Следует отметить, что планировочная идея реализована четко. Стены помещений практически параллельны, углы хорошо сформованы, кольцо внешней стены образует правильный круг; башни равномерно расположены по периметру.

В истории функционирования постройки можно выделить три периода. Первый из них разделяется на два этапа. К первому относится строительство и использование здания в том виде, в каком оно представлено на рис. 1. Первоначально башни, возможно, создавались как элемент фортификации этого сравнительно небольшого изолированного сооружения. Однако вскоре после возведения, а, может быть, с самого начала они стали использоваться как хозяйственные помещения. Особенно отчетливо это устанавливается для башен I, 4, 5-7. В башне I найдено большое количество керамики, в том числе крупных тарных сосудов. Недалеко от входа в северной стене устроен очаг, к сожалению, сохранившийся очень плохо. В башне 4 в нижнем полу обнаружены три круглых ямы, вероятно, следы вкопанных тарных сосудов. Башня 6 при последующем обживании была замурована вместе с содержимым. Раскопками установлено, что она до предела была заполнена крупными тарными сосудами: хумами, корчагами, тазами. Некоторые хумы и корчаги частично вкопаны в пол, другие укреплены с помощью обкладок из обломков сырцовых кирпичей или специальных глиняных подставок. Кроме керамики в башне 6 найдены фрагменты зернотерок, точильные камни, бусы, поделки из сырой глины.

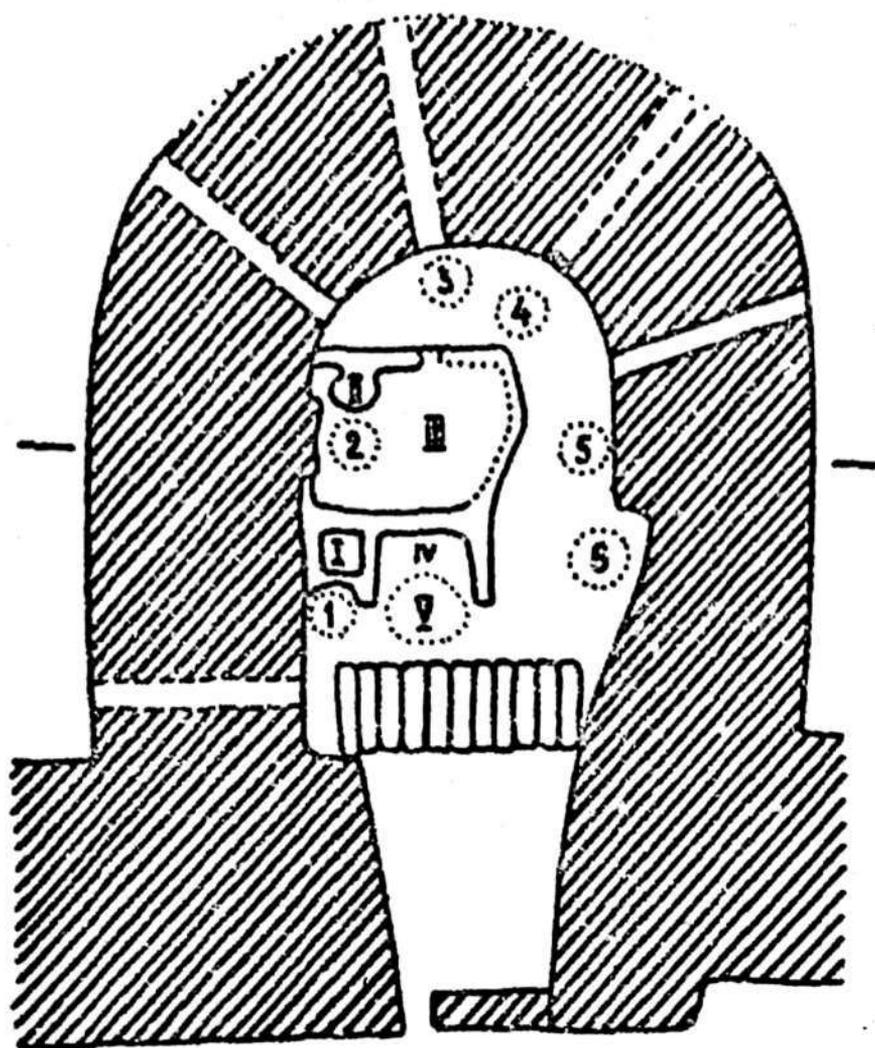
Столь же наглядная картина бытового использования выявлена при раскопках башни 7. Ее конструкция свидетельствует о том, что с самого начала она, видимо, не предназначалась для обороны. Упомянутые выше прямоугольные отверстия в стенах расположены низко над

полом и трудно представить их использование в качестве бойниц. Одно из таких отверстий закрыто изнутри крупным камнем и замазано глиной. Башня 7 отличается от остальных наличием каких-то непонятного назначения микросооружений из глины, обмазанных сверху алебастром. У западной стены имеются разновысокие выступы, фигурные углубления, площадки с бортиками (рис. 3). В средней части башни или на южной окраине этого микросооружения имеется прямоугольный очаг (57х70 см). При раскопках башни найдено несколько археологически целых сосудов, в том числе крупный керамический котел емкостью около 45 л и таз со специальным отверстием в дне.

В центральных помещениях также отчетливо прослеживаются следы длительного бытового использования. Во всех помещениях (за исключением 4-го) и в обводном коридоре над нижним полом расположены мощные мусорные наслоения с обильными находками обломков керамики и костей животных. Эти отложения имеют слоистую структуру и на их образование, вероятно, потребовалось довольно много времени. Наиболее значительная толщина этих мусорных отложений в помещении 1 — до 1,8 м. В помещениях, расположенных южнее, толщина мусорных слоев постепенно уменьшается, достигая в южной части обводного коридора 40–50 см. В средней части помещения 2 в нижнем полу обнаружена хозяйственная яма. Ее устье имеет форму правильного круга диаметром 0,9 м. До глубины 10 см стенки ямы вертикальные, ниже она конусовидно расширяется. Диаметр дна — 1,2 — 1,3 м. Глубина ямы — 1,05 м. Стенки ее тщательно обмазаны глиной с саманом. К моменту раскопок она была заполнена чистой рыхлой землей без находок. Яма, вероятно, предназначалась для хранения зерна. Подобные ямы известны по парфянским поселениям античного периода (П и П и П К О, 1973, с.61).

Второй этап первого периода характеризуется закладкой башен 6–7 и выхода из помещения 4 в обводной коридор. В замурованных башнях на прежних местах остаются находившиеся в них сосуды. В башню 6 сваливается и другая битая керамика. Здесь найдены обломки не менее 150 различных сосудов.

Следы второго периода обживания хорошо выявляются лишь в северной части постройки, которая имеет наилучшую сохранность стен (до 2 м). В данный период башня 6 капитально перестраивается и начинает вновь использоваться. Внешние ее контуры становятся не полуовальными, а полукруглыми. Северо-восточная часть стены помещения 4 перестраивается, вход при этом закладывается, где он располагался в этот период обживания установить не удалось. Основания новых кла-

0 1M

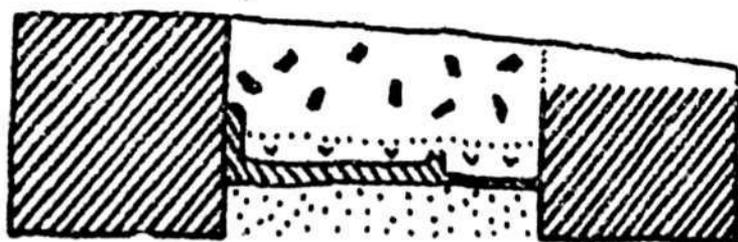

Рис. 3.

Башня 7. План и поперечный разрез:
 I - яма; II - цилиндрическое возвышение; III - площадка с бортиком; IV - очаг; V - зольник; 1 - таз с отверстием в дне; 2 - котел; 3 - корчага с двумя ручками; 4, 6 - корчаги; 5 - чаша.

док находятся на 75–90 см выше первоначальных полов. Ко второму периоду обживания, вероятно, относится слой мусора вперемешку с продуктами разрушения сырцовых стен, залегающий выше слоистых мусорных отложений.

Культурные слои третьего периода обживания сохранились очень плохо, причем только в северной части постройки. В северо-восточной стене помещения 4 вновь восстанавливается наружный выход. Севернее прохода встречаются мусорные линзы и ямы, свидетельствующие о том, что прилегающий с этой стороны участок использовался как хозяйственный двор.

При раскопках находки из слоев разных периодов и даже отдельных мусорных прослоек брались отдельно, но полной уверенности в чистоте комплексов отдельных периодов нет. Верхние слои памятника сильно разрушены, особенно с южной стороны. Глинистые отложения этих слоев смыты водой и выдуты ветром, а находки смешались с содержимым частично разрушенных нижних слоев. Поэтому в материалах из нижних слоев раскопа несомненно присутствует какая-то часть керамики из верхних слоев. Чистые комплексы образуют лишь предметы из непотревоженных нижних мусорных прослоек центральных помещений и материалы из башни 6, которые являются единовременным сбросом бытовой посуды.

Учитывая эти обстоятельства, относительную однородность керамики и сравнительно недолгий срок функционирования постройки, вся совокупность находок из раскопок здания в данной работе рассматривается как единый комплекс, хронологические рамки бытования которого будут определены ниже.

Переходим к анализу находок, основную массу которых составляет керамика. В результате раскопок поселения получена коллекция в 730 единиц керамических сосудов¹, в том числе 57 целых или археологически целых изделий. Керамика Гарры-Кяриза представлена четырьмя фактурными группами. Подавляющее большинство сосудов изготовлено из хорошо отмученной глины и имеет в изломе черепок красно-коричневых тонов. Внешняя поверхность, как правило, без специального ангобного покрытия, светло-серая, белая, желтая или цвета черепка. Красный ангоб применялся для покрытия внутренней поверхности некоторых чаш, иногда в сочетании с лощением. Все сосуды данной группы

¹ За условную единицу принимались только целые сосуды и венчики.

изготавливались на гончарном круге обычно в два приема. Сначала вытягивались тулово и горло, а затем на том же круге в перевернутом виде обрабатывалась придонная часть сосуда. Нижние части крупных сосудов изготавливались в специальных чашевидных подставках, отпечатки которых сохранились на некоторых изделиях. Крупные горшкообразные сосуды монтировались из нескольких изготовленных на круге блоков. Хумы также формовались из отдельных блоков, часть которых изготавливалась без применения круга.

Вторую довольно многочисленную группу (около 8 %) составляет кухонная керамика с обильной примесью шамота в тесте (котлы, жаровни и один вид тазов). Изделия этой группы формовались вручную, но некоторые сосуды, вероятно, подправлялись на гончарном круге. Черепок в изломе, как правило, коричневый. Обжиг не всегда качественный. На внешней и внутренней поверхностях некоторых изделий имеются следы редкого полосчатого лощения.

Третью группу составляет красноглиняная керамика с очень плотным звонким и твердым черепком. Внешняя поверхность гладкая, часто лощеная. Тесто иногда имеет редкую примесь частиц гипса. Не совсем ясно — специальная это добавка или естественная примесь в сырье. Обжиг, как правило, хороший, но встречаются изделия с черной полоской в средней части черепка. Количество керамики этой группы невелико (около 1,5 %), известны узкогорлые кувшины, горшки, чаши.

Еще менее многочисленную группу образует керамика с черным или темно-серым в изломе черепком. Тесто без грубых примесей, хороший обжиг, иногда лощение. Эта группа представлена обломками нескольких кувшинов и чаш.

Для керамики первой группы характерны следующие формы.

Х у м ы — очень крупные толстостенные горшкообразные сосуды с яйцевидным туловом, которое в нижней трети довольно резко сужается к небольшому выпуклому или плоскому донцу. Горловина отсутствует. Венчик обычно имеет форму направленного внутрь уплощенного сверху треугольника. Имеются также хумы с венчиком в виде вытянутого по горизонтали выступающего наружу валика (рис. 4, 3, 4). Хумы изготавливались отдельными блоками, преимущественно вручную. На Гарры-Кяризе I хумы относятся к числу редких форм, их доля в общей массе керамики менее 1 %.

К о р ч а г и — крупные (высота 50-70 см) горшкообразные сосуды. От хумов, помимо меньших размеров и меньшей толщины стенок, они отличаются техникой изготовления и формой венчика. Все корча-

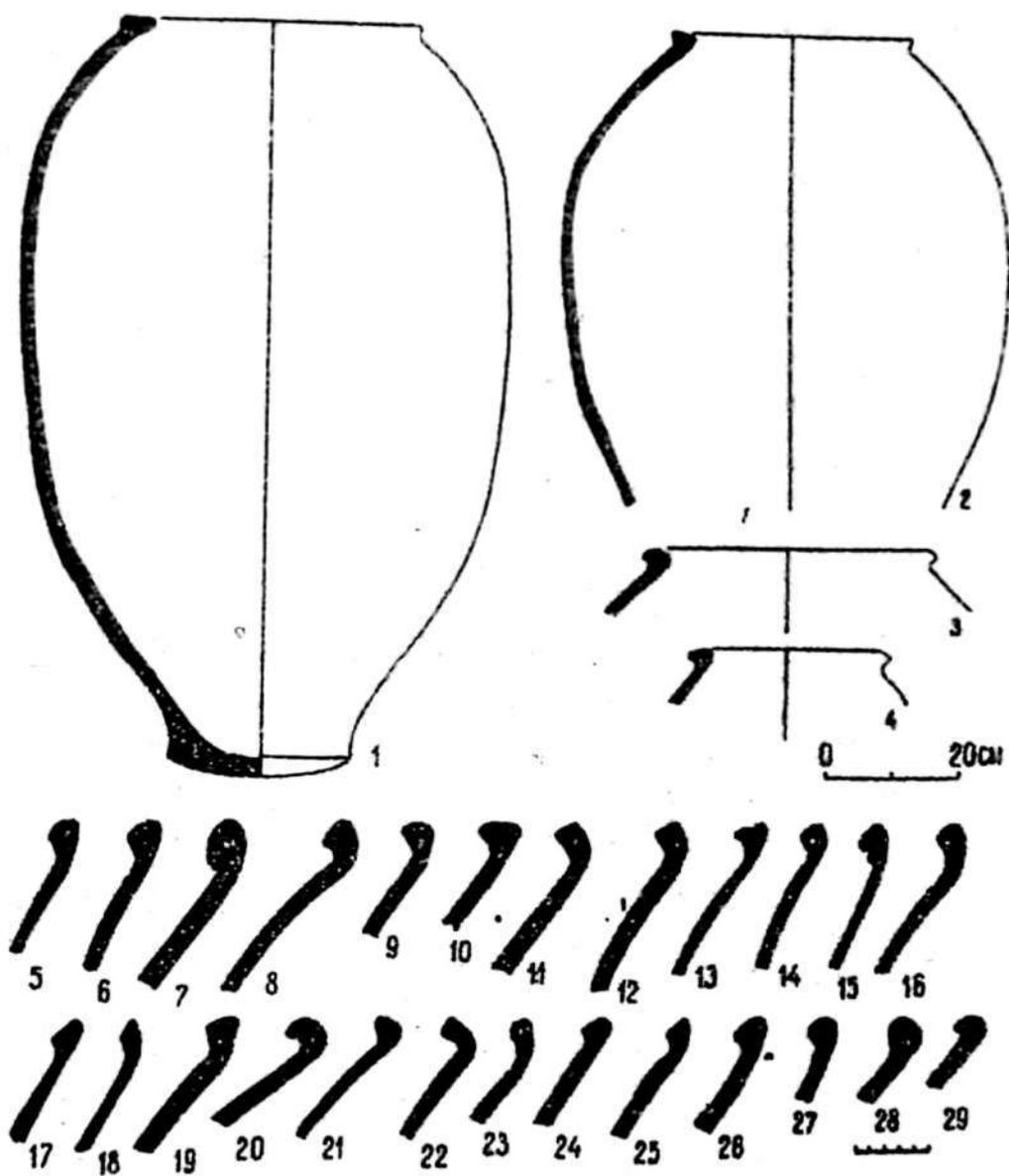

Рис. 4.

Хумы (1-4) и венчики корчаг (5-29).

ги изготовлены на гончарном круге из двух или трех частей. Нижняя часть формовалась в специальных тазообразных подставках. Формы венчиков чрезвычайно разнообразны, преимущественно в виде выступающих наружу подтреугольных или округлых валиков (см. рис. 4). В форме тулова также наблюдаются значительные вариации. Условно можно выделить два основных типа корчаг: 1) с яйцевидной формой тулова, переход от нижней, сформованной в подставке придонной части к наиболее выпуклой части обычно сглажен (рис. 5, 2, 3); 2) корчаги с резким перегибом в нижней трети тулова (рис. 5, 1, 4). Одна из редких разновидностей корчаг — сосуды с двумя вертикальными ручками на плечиках (рис. 6, 11). На одной из корчаг по сырой глине процарапаны тамгообразные знаки, на обложке другой — черной краской нарисован крест (рис. 6, 14).

Горшки средних размеров (высота 20-50 см). Это чрезвычайно обширная и разнообразная по формам группа сосудов. Выделяется несколько разновидностей. Прежде всего необходимо отметить горшки, по форме и технике изготовления идентичные корчагам второй группы (рис. 7, 2-5). Среди них — экземпляры с манжетовидными венчиками (рис. 7, 5; 8, 6, 8). В особый вид следует выделить горшки с плавно отогнутым наружу венчиком и широким низким туловом. Нижняя их часть формовалась в подставке у одних образцов след от подставки сглажен, у других — сохранился в профиле сосуда (рис. 9, 2, 10). Среди горшков средних размеров имеются широкогорлые сосуды с небольшой разницей между наибольшим диаметром тулова и диаметром венчика, к сожалению, целые экземпляры этого типа отсутствуют (рис. 9, 18, 24, 25). Довольно часто встречаются фрагменты горшков с вертикально или почти вертикально поставленной верхней частью стенки, образующей подобие цилиндрической горловины (рис. 9, 1, 15, 27). К числу редких форм горшков относятся сосуды бочковидной формы (рис. 6, 16) и горшки яйцевидной формы с массивными стенками и отверстием в плоском дне (рис. 6, 5).

Мелкие столовые горшочки. Это широкогорлые сосуды с небольшой разницей между наибольшим диаметром тулова и диаметром венчика. Высота меньше наибольшего диаметра тулова, а диаметр венчика значительно превышает диаметр дна. Приостренный или подтреугольный в сечении венчик слегка отогнут наружу (рис. 9, 5-6, 8, 11-14).

Кружки. Небольшие сосуды с плоским дном, шаровидным или

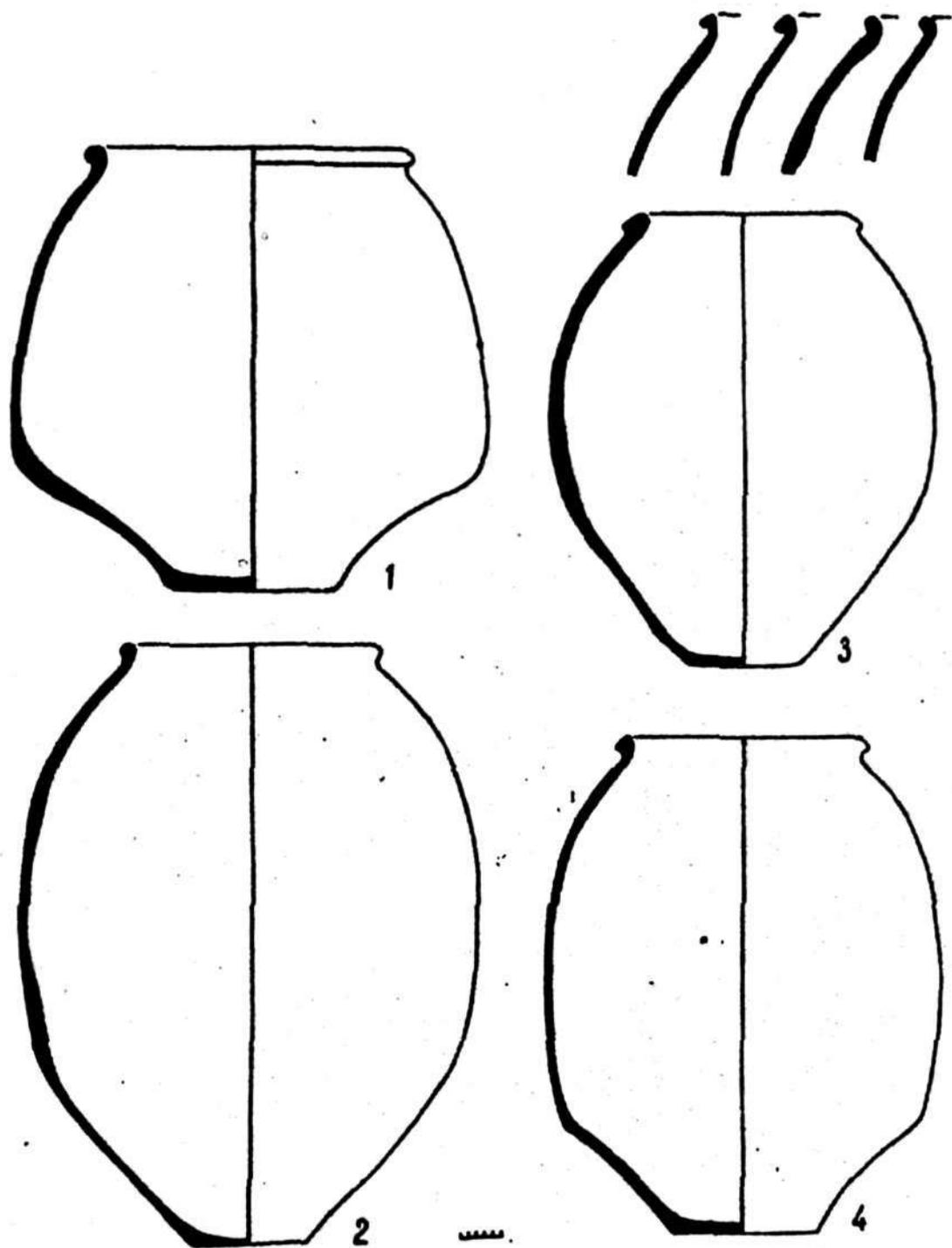

Рис. 5.

Корчаги.

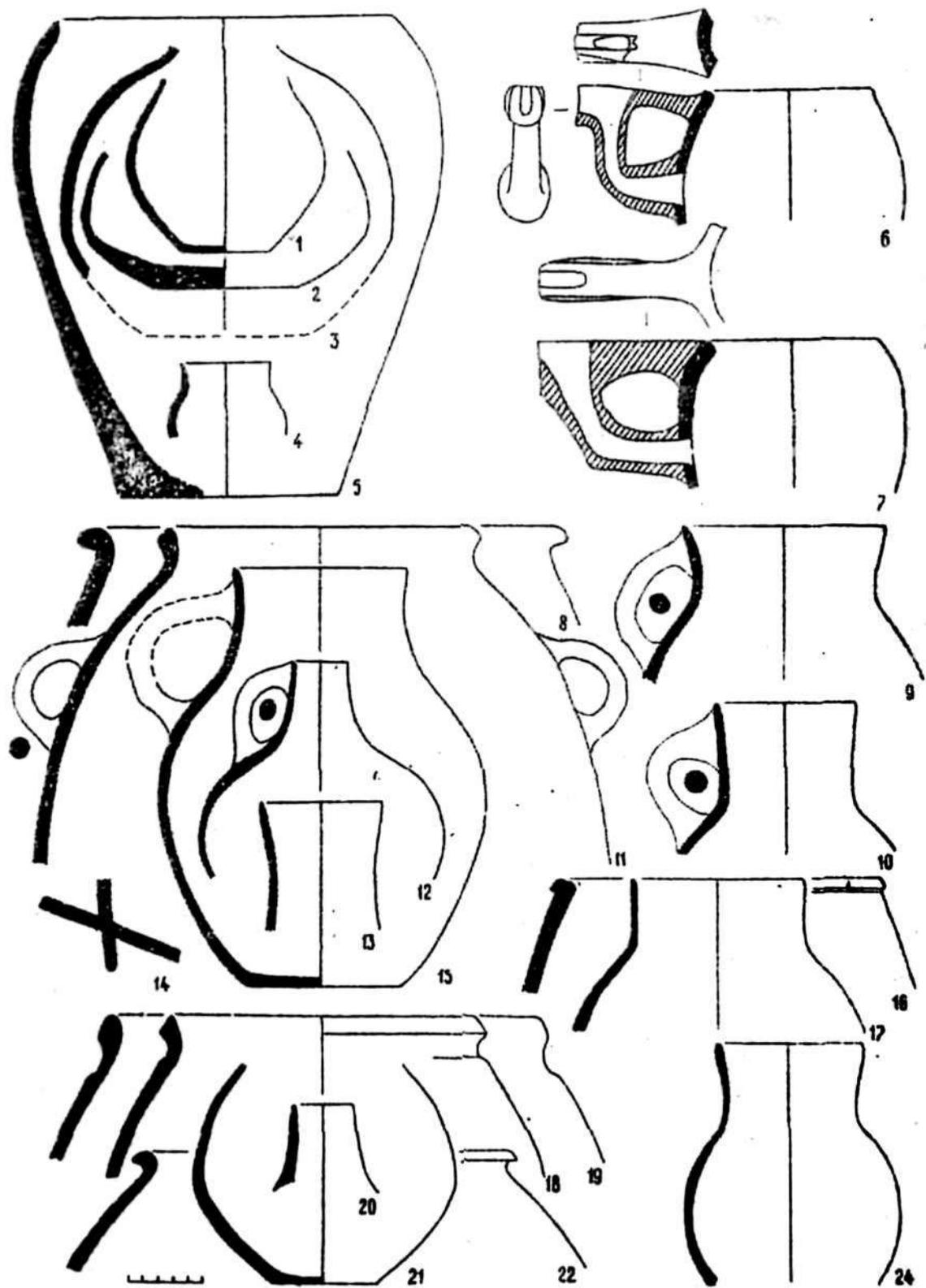

Рис.6.

Кувшины, чайники и прочие редкие формы.

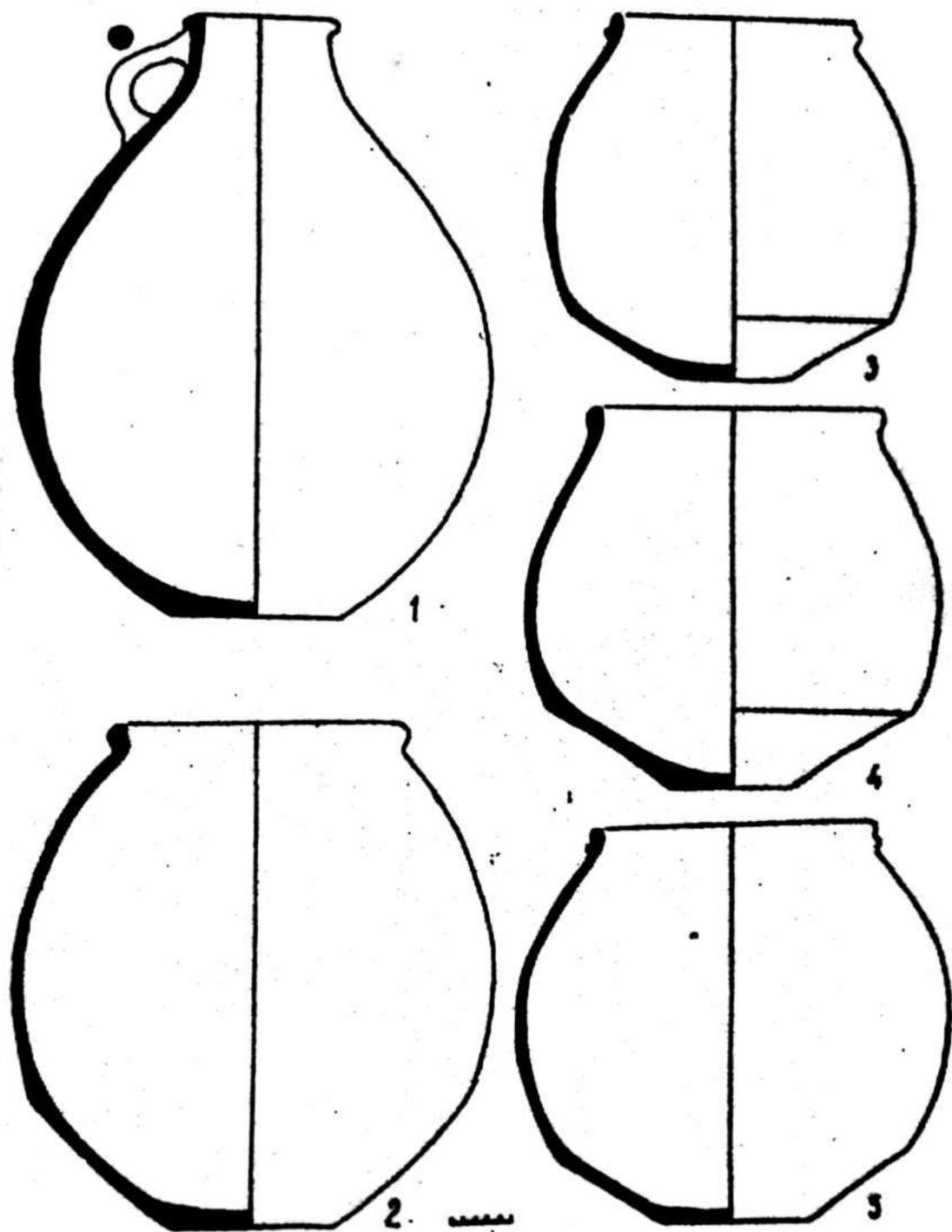

Рис.7.

Кувшины и крупные горшкообразные сосуды.

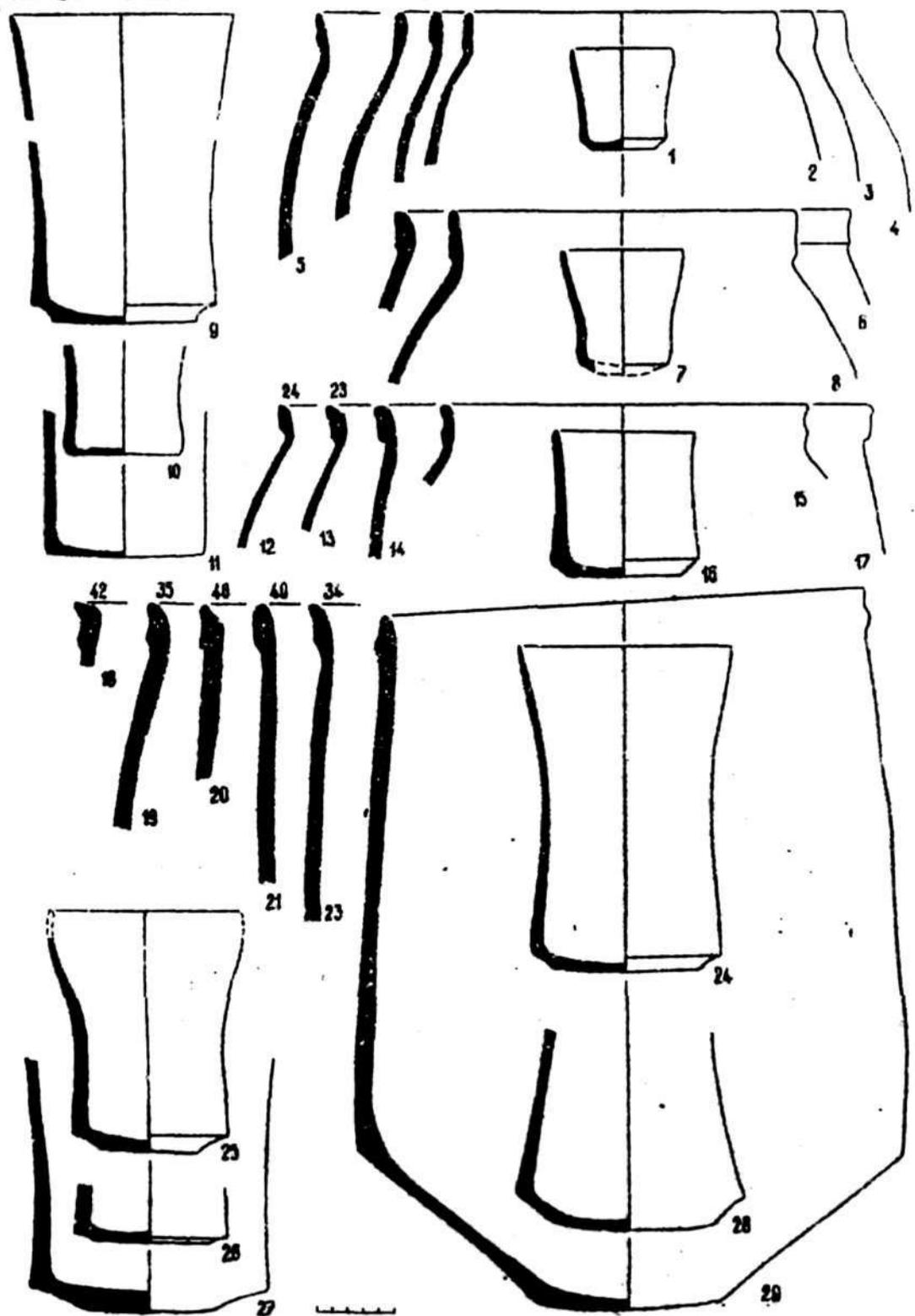

Рис. 8.

Цилиндро-конические сосуды и
горшки с манжетовидным венчиком.

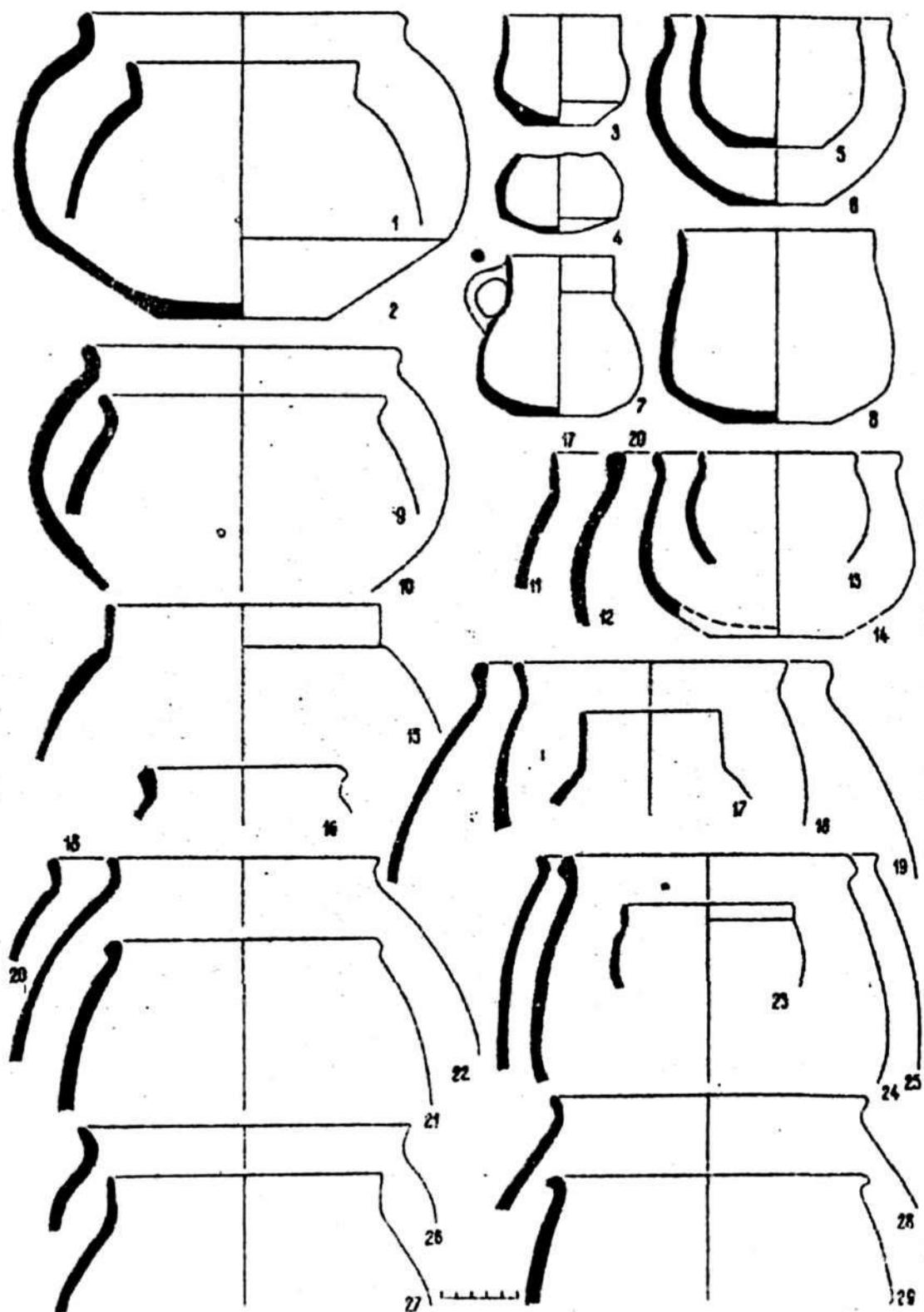

Рис. 9.

Горышкообразные сосуды и пьрки.

каплевидным туловом и невысокой, широкой цилиндрической горловиной. Они снабжены дугообразной, круглой в сечении ручкой, прикрепленной к горловине и плечу (рис. 9, 3-4, 7). Кружки относятся к числу редких форм.

К у в ш и н ы. Полностью восстанавливается форма кувшинов двух типов. Один из них имеет венчик в виде подтреугольного выступающего наружу валика, невысокую, почти цилиндрическую, горловину, плавно переходящую в объемистое бочковидное тулово. Этот тип кувшинов представлен единственным крупным экземпляром (рис. 7, 1). У второго типа - венчик без утолщения (приостренный или скругленный), конусовидно расширяющаяся горловина и тулово яйцевидной или бочковидной формы (рис. 6, 9-10, 15, 24). Все типы кувшинов снабжены дугообразными круглыми в сечении ручками, прикрепленными к верхнему краю горловины и плечу. Вероятно, к числу кувшинов принадлежит стенка со следами прикрепления цилиндрического слива. Количество сосудов этого вида невелико - около 1,5 %.

Ц и л и н д р о - к о н и ч е с к и е б а н к о о б р а з - н ы е с о с у д ы. Среди этого вида сосудов достаточно отчетливо выделяются три типа. Имеются крупные, высотой свыше 40 см, цилиндро-конические сосуды с манжетовидным венчиком. Эти сосуды иногда имеют биконический силуэт. Верхняя часть тулова слегка расширяется книзу и затем переходит в резко сужающуюся придонную часть - подкос (рис. 8, 18-23, 29). На имеющемся целом сосуде подкос равен четверти высоты. Формовка этих изделий, как и корчаг, происходила в специальных тазовидных подставках. Следует отметить, что на Гарры-Кяризе I существуют как бы переходные формы от крупных цилиндро-конических "банок" к горшкам с манжетовидным венчиком (рис. 8, 23, 4, 14).

Второй тип - мелкие цилиндро-конические сосуды. В археологической литературе их часто называют банками с подкосом. Они имеют небольшое плоское дно, низкую скошенную придонную часть и цилиндрическую верхнюю часть тулова. Часто тулово в середине имеет сужение, а его верх конусовидно расширяется, заканчиваясь прямым приостренным венчиком. Сосуды данного типа вытянуты по вертикали (рис. 8, 9, 24), высота их - 15-25 см. Особенность мелких банкообразных сосудов Гарры-Кяриза I - деградация подкоса. Он зачастую лишь намечен, образуя подобие фаски по краю дна, а в некоторых случаях вообще отсутствует (рис. 8, 10, 11).

Третий тип - низкие мелкие цилиндро-конические сосуды (стоп-

ки). От второго типа они отличаются меньшими размерами, приземистостью (диаметр венчика почти равен высоте) и более четко выраженным коническим расширением верхней части тулова (рис. 8, 17). На долю цилиндро-конических сосудов приходится около 10 % всей керамики. Наиболее многочисленны сосуды второго типа - 7 %. Крупных банкообразных сосудов меньше (около 2,5 %), а стопки представлены всего несколькими экземплярами.

Чашевидные сосуды в виде шарового сегмента (рис. 10). Эта обширная группа сосудов примерно одинаковых по форме, но значительно различающихся по размерам. Диаметр их венчиков - 12-48 см. Несколько условно по этому признаку их можно разделить на три категории: чаши - с диаметром до 20 см, миски - с диаметром 20-35 см, тазы - с диаметром венчика свыше 35 см. Многие сосуды данного вида снабжены полукольцевой горизонтально прикрепленной к венчику круглой в сечении ручкой. Известны также полусферические открытого типа сосуды без ручек, обычно это чаши. Во многих случаях по имеющимся фрагментам нельзя установить наличие или отсутствие ручки, что вынуждает рассматривать эту группу сосудов обобщенно. Внутренняя поверхность многих чаш и мисок покрыта красным ангобом, часть из них имеет полосчатое лощение. Сосуды этого вида составляют около 20 % всей керамики.

Среди находок с Гарры-Кяриза I имеется несколько обломков высоких конических поддонов (рис. 10, 6). В тех случаях, когда сохранилось дно резервуара, прослеживается красный ангоб, что дает основание связать эти поддоны с крупными чашами (мисками) в виде шарового сегмента. Конусовидные ножки были довольно высокими, предположительно 10-15 см.

Наряду с тазами, близкими к полусфере, имеются глубокие сосуды, напоминающие по форме усеченные конусы. Некоторые из них имеют слабовыраженный подтреугольный в сечении венчик (рис. 10, 11, 18). Один из целых сосудов данного типа (рис. 10, 18) имеет в дне отверстие, сделанное по сырой глине, что указывает на его специализированное назначение¹. В коллекции имеется еще несколько донец с подобным отверстием.

Значительную группу керамики (около 7 %) составляют чаши

¹ По мнению Л. И. Хлопиной, подобные сосуды использовались при обработке молочных продуктов (Хлопина, 1971).

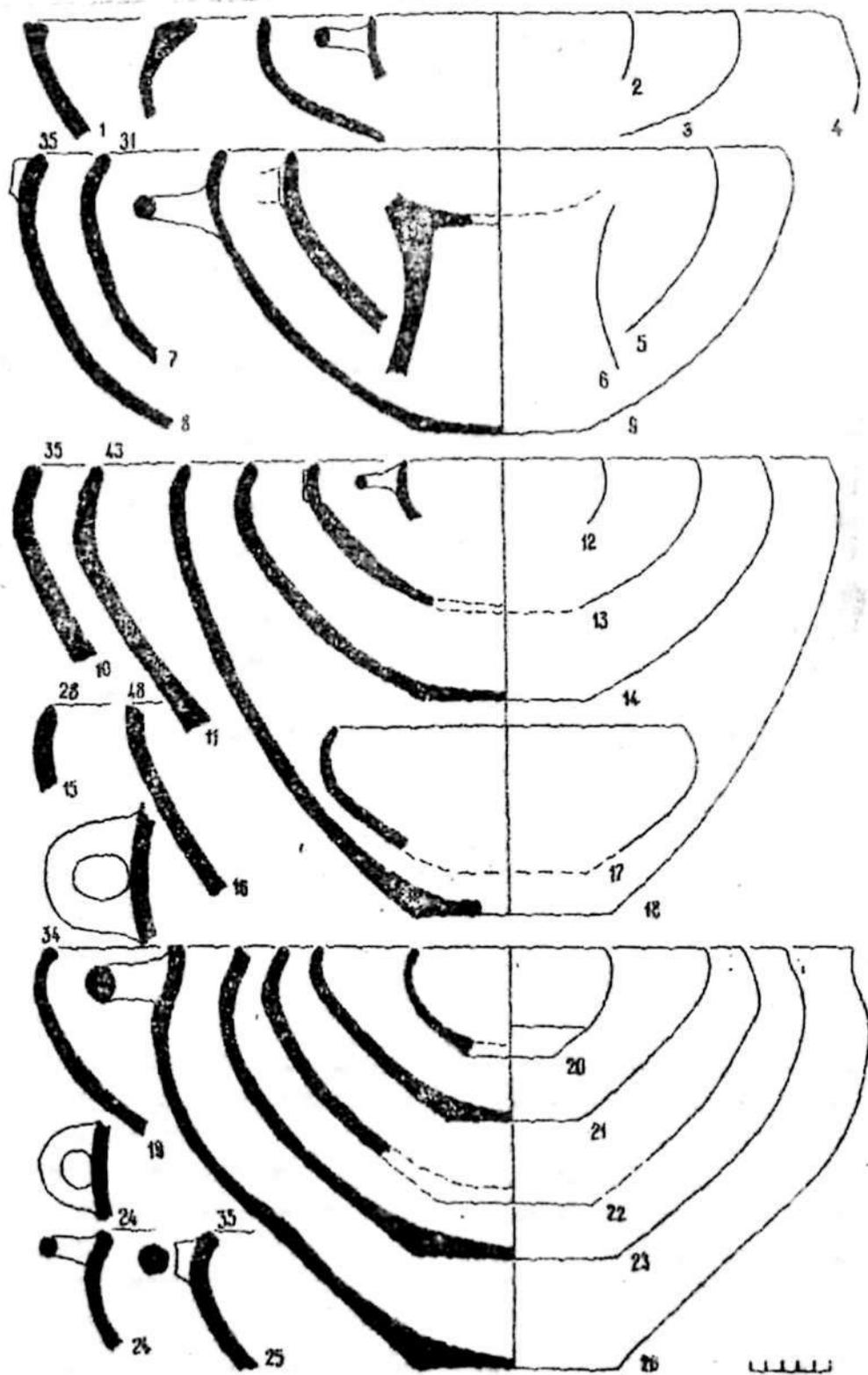

Рис. 10.

Чаши, миски и тазы полусферической формы.

и миски с бортиком. Это сосуды открытого типа с биконической или цилиндро-конической формой резервуара. Бортик бывает поставлен вертикально, развернут наружу или наклонен внутрь. Венчик образован простым скруглением стенки (рис. 11, 5-18). Размеры сосудов этого типа также варьируют в больших пределах. Единичным экземпляром представлена миска с резким перегибом стенки и слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 11, 12).

Подставки (?) в виде песочных часов. Это крупные керамические поделки в виде двух усеченных конусов, соединенных меньшими основаниями (рис. 11, 26). В коллекции с Гарри-Кяриза I целых сосудов нет. Форма реконструирована на основании сопоставления с керамикой Елькен-депе (Марущенко, 1969, табл. 35, 1).

Конические крышки в виде сильно уплощенного конуса, увенчанного небольшим цилиндрическим держак. Стенки прямые или слегка выпуклые (рис. 11, 21-22, 27-29). На долю таких крышек приходится около 1 % всей керамики.

Полусферические крышки. По форме напоминают небольшие глубокие чаши, но снаружи на "дне" имеется полукольцевая ручка (рис. 11, 19-20). По фрагментам венчиков трудно определить, чаша это или крышка, поэтому число изделий данного типа условно определено в 0,5 %.

Чайники. Относятся к числу редких форм. Имеется лишь два крупных фрагмента этих сосудов. Форма их тулова яйцевидна: с широким без горловины венчиком и, вероятно, плоским дном. Сосуды снабжены массивным коленчатым носиком, соединенным с венчиком специальным мостиком (рис. 6, 6-7). Судя по аналогиям, эти сосуды могли быть также снабжены ручкой. Один из имеющихся чайников снаружи покрыт темно-коричневым ангобом, второй - красным.

Жаростойкая керамика второй группы представлена тремя видами сосудов: котлами, жаровнями и тазами. Известно три типа котлов. Первый из них имеет утолщенный отогнутый наружу венчик, равномерно округлое (бочковидное) или яйцевидное тулово и сравнительно небольшое плоское, реже - выпуклое, дно (рис. 12, 12, 18, 22-23).

У котлов второго типа венчик образован простым скруглением края стенки. Невысокая цилиндрическая или коническая горловина иногда несколько "утоплена" в крутые плечики шаровидного тулова (рис. 12, 5).

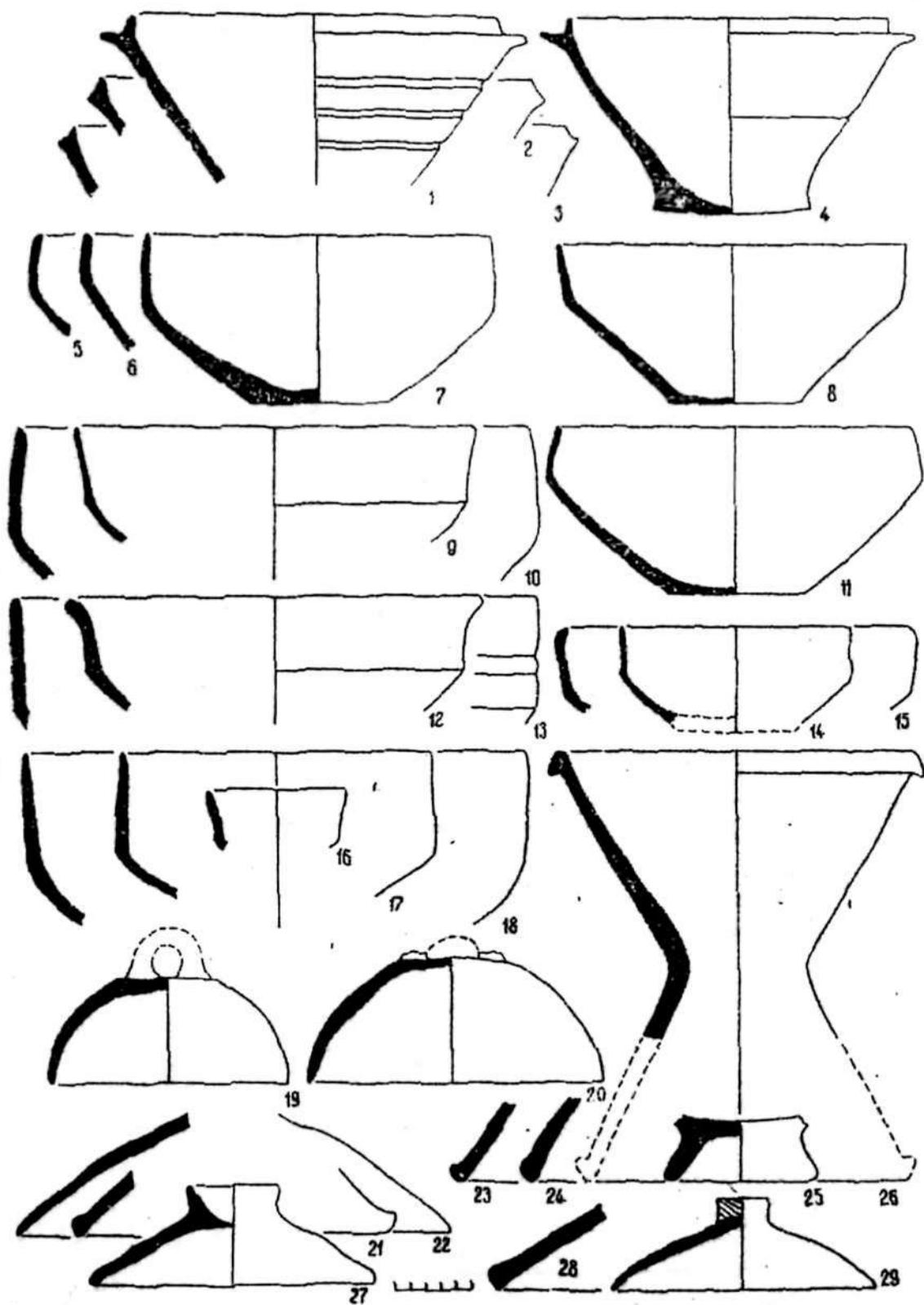

Рис. 11.

Чаши, крышки и биконические подставки.

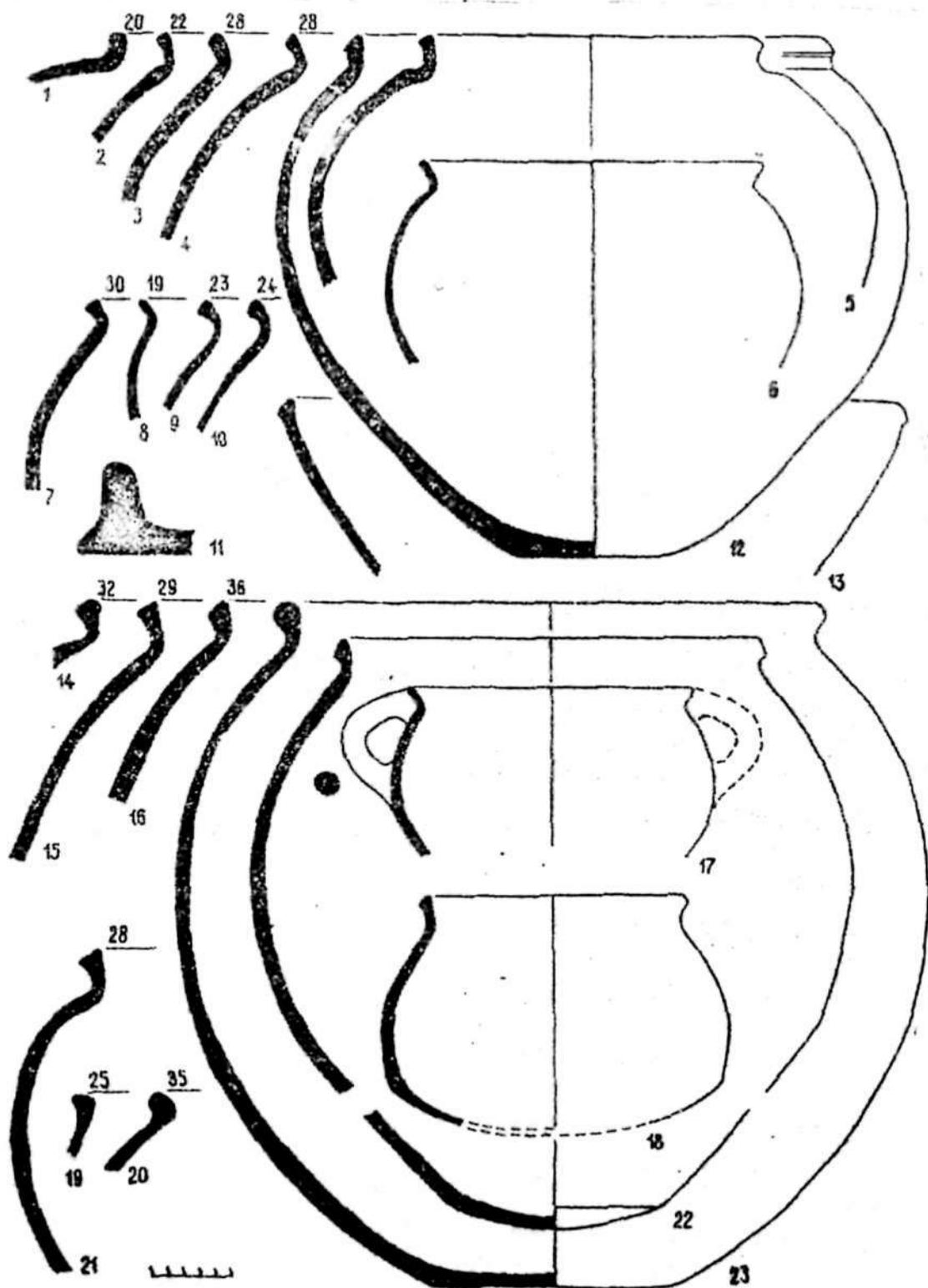

Рис. 12.
Кухонная керамика.

Котлы третьего типа имеют плавно отогнутый наружу венчик и шаровидное тулово. В отличие от котлов второго типа плечики этих сосудов пологие, наибольший диаметр тулова незначительно превышает диаметр венчика. Один небольшой подобный сосуд имеет массивную круглую в сечении ручку (рис. 12, 17). Между этими полярными типами котлов существует множество переходных вариантов. Котлы для приготовления пищи имеют самые различные размеры. От горшочков емкостью в несколько литров до громадных сосудов вместимостью в 45-50 л. В количественном отношении эта группа достаточно многочисленна.

Ж а р о в н и и представлены фрагментом всего лишь одного сосуда обычной для данного вида формы - массивный, большого диаметра диск с невысоким коническим бортиком по краю (рис. 12, 11).

Из теста с примесью шамота изготовлен один таз. Сохранилась лишь его верхняя часть. Конические слабо выпуклые стенки завершаются подтреугольным венчиком (рис. 12, 13). Дно, вероятно, было плоским.

Керамика третьей группы - красноглиняная с плотным черепком - представлена фрагментами горшков, кувшинов и чаш. Форма горшков или широкогорлых кувшинов полностью не восстанавливается. Имеются лишь фрагменты резервуаров: широких уплощенных, шаровидных и бочковидных (рис. 6, 2, 3, 21). Более полно восстанавливается форма узкогорлого кувшина с шаровидным туловом, круто переходящим в высокую коническую сужающуюся кверху горловину; сосуд снабжен дуговидной округлой в сечении ручкой (рис. 6, 12). Поверхность кувшина тщательно залощена. Все эти типы представлены единичными экземплярами.

Более многочисленны (около 1 %) красноглиняные лощеные чаши, форма которых может быть восстановлена полностью. Они имеют плоское дно, почти прямые конические стенки заканчиваются "двурогим" венчиком, один его отросток поставлен вертикально, второй - горизонтально, образуя неширокую полочку у верхнего края сосуда (рис. 11, 1-4). Почти у всех этих чаш посередине тулова проходит врезанная полоса, иногда их две или три.

Керамика четвертой группы - черноглиняная - самая малочисленная. Она представлена несколькими обломками стенок и венчиков. Среди них следует отметить высокую цилиндрическую горловину кувшина (рис. 6, 13) и обломок стенки трипода с частично сохранившейся

ся ножкой – формы, хорошо известной по материалам из Западной Туркмении.

Кроме керамики при раскопках поселения в небольшом количестве найдены другие предметы материальной культуры. Из разных помещений извлечены обломки больших терочных камней из песчаника. Судя по фрагментам, терки были двух типов – узкие ладьевидные и широкие подпрямоугольной формы (рис. 13, 3-5). Находки этого вида обычно определяются как зернотерки. Но на терочном камне, найденном в обводном коридоре, хорошо сохранились следы красной минеральной краски. Вероятно, эти орудия труда использовались для растирания различных веществ. Кроме терок, найдены также куранты. Из мелко – зернистых пород камня изготавливались точильные плитки. В башне 6 найден подпрямоугольный контуров камень (21х13 см) с широкой грубовысеченной ложбинкой в центральной части (рис. 13, 2). Этот камень мог использоваться как молоток или грузик для ткацкого станка. В башне 6 найдены оселки в виде небольших подпрямоугольных брусков с отверстием для подвешивания у одного из торцов. В этой же башне обнаружено около 10 подставок из сырой или слегка обожженной глины в форме массивных угольняков с овальным основанием (рис. 13, 1). В глине содержится обильная примесь шамота, рубленой соломы и других компонентов. Подставки использовались для фиксации стоявших в этой башне корчаг. Здесь же найдены многочисленные поделки из сырой глины, обнаруженные преимущественно в одном из хумов. Большинство из них – сосудики цилиндрической формы с плоским или округлым дном (рис. 14). Помимо сосудиков найдены крышки и поделки в виде дисков, цилиндров (рис. 14, 4, 8-10). Вероятно, это детские игрушки. На полу башни 6 найдено несколько мелких бирюзовых бусин из стеклянной пасты. Интересную находку представляет кусок железной руды, найденный в башне 7.

Четкая, необычная планировка здания наводит на мысль, что перед нами постройка особого назначения, тем более, что близкие по времени круглые сооружения Средней Азии обычно определяются как культовые. Например, Кутлуг-тепе в Северном Афганистане (С а р и а н и д и, 1977, с. 117-121) и Кой-Крылган-кала в Хорезме (Кой-Крылган-кала, 1967, с. 227 и сл.). Вместе с тем, Гарры-Кяриз дает убедительные свидетельства длительного бытового использования построй-

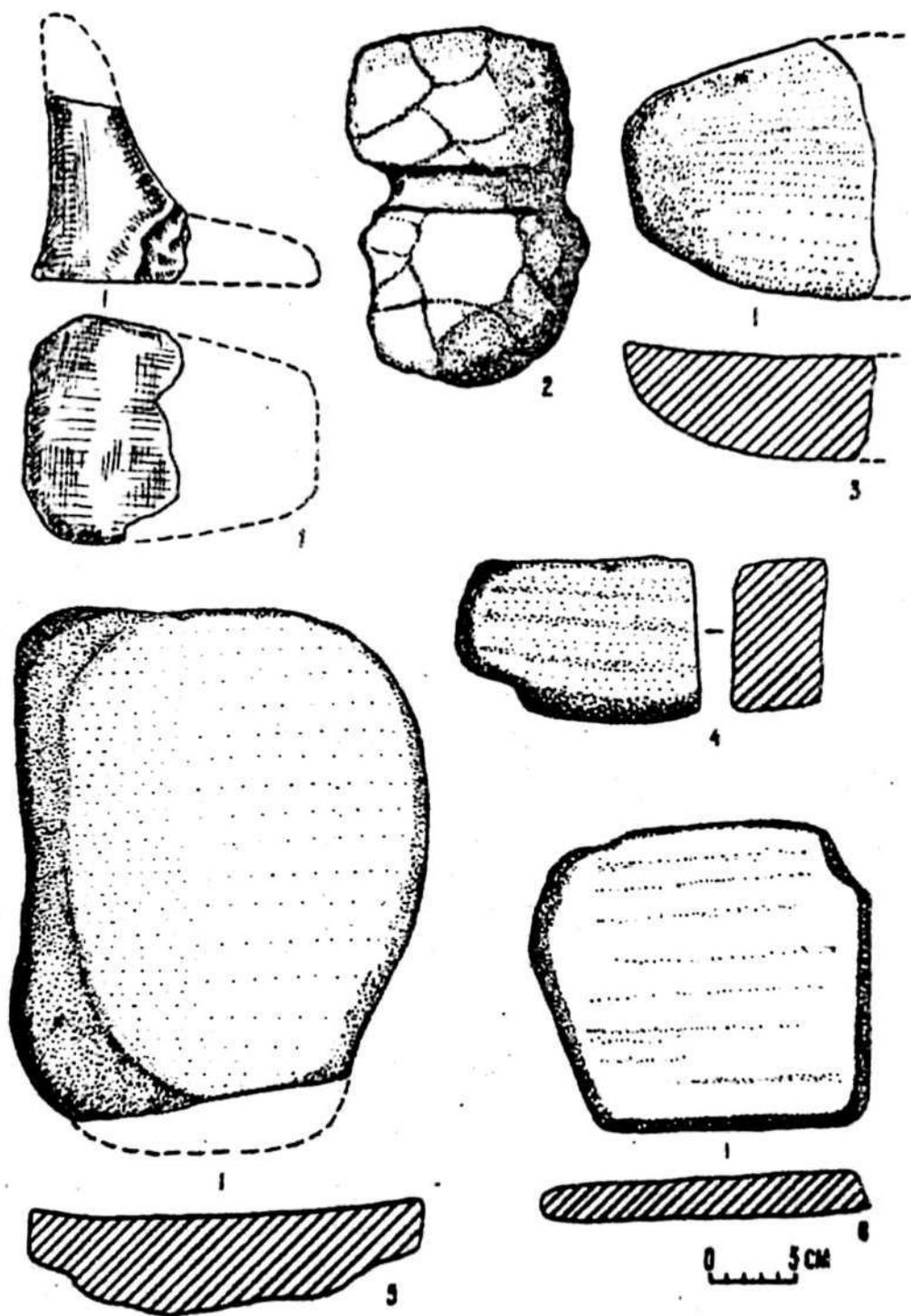

Рис.13.

Глиняная подставка и каменные изделия.

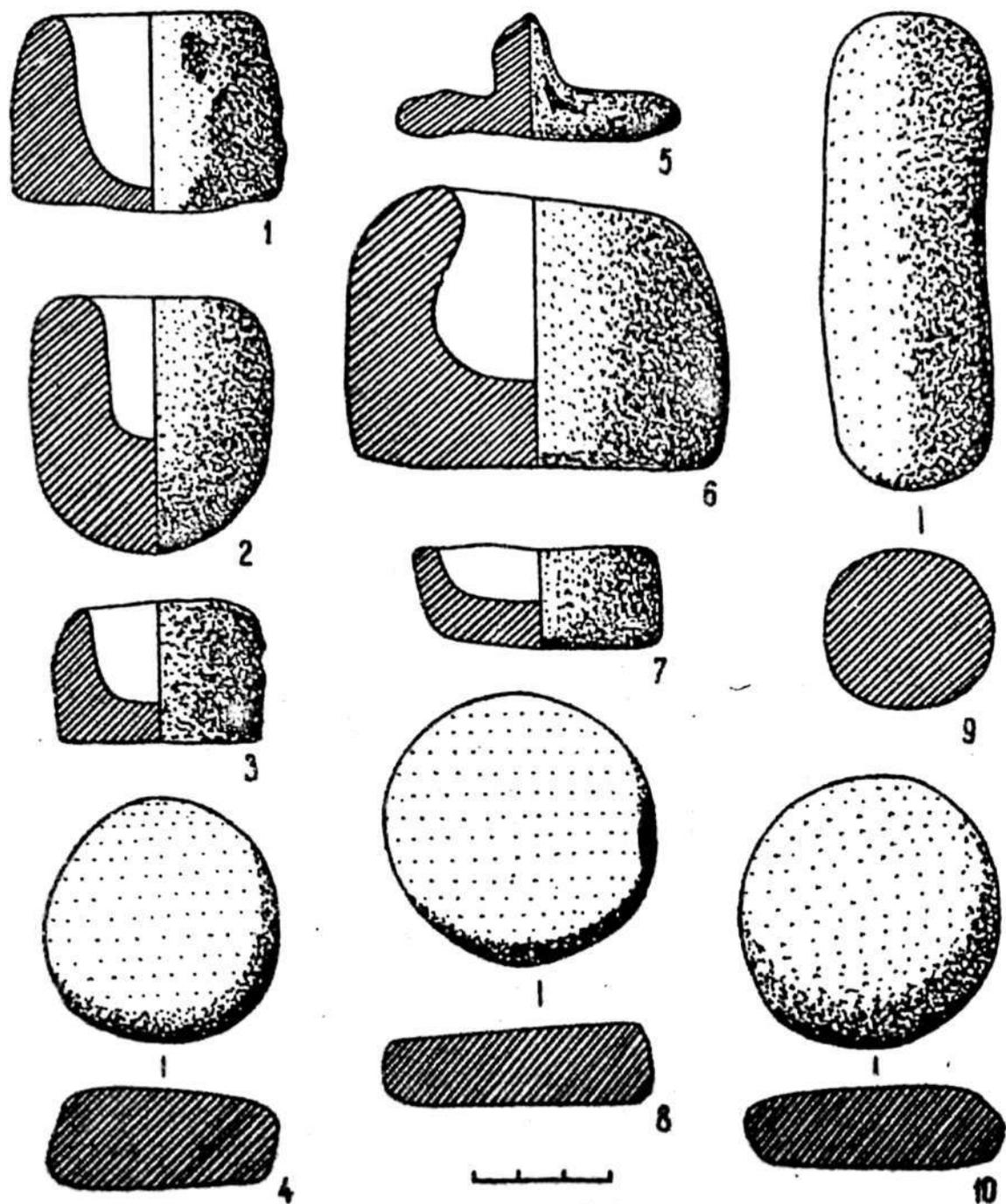

Рис. 14.

Мелкие поделки из сырой глины.

ки: все ее части равноценны, нет какого-либо особо выделенного помещения, алтаря или ниши; во всех помещениях обнаружены мощные, длительно накапливавшиеся слои бытового мусора; следы хозяйственного использования обнаружены также в башнях; в помещении 2 имеется зерновая (?) яма, находки представлены исключительно бытовыми предметами. Следует отметить, что круглые в плане поселения и отдельные постройки не редкость для юга Туркмении. В подгорной полосе Копетдага имеется несколько таких поселений, датированных ахеменидским или парфянским временем: среди них хорошо известное городище Анау (П у г а ч е н к о в а, 1958, с.29); Елькен-дэпе (М а р у щ е н к о, 1959, с.56-58); поселение Султандешт (П у г а ч е н к о в а, 1958, с.19-20); городище Кемелек-дэпе в Дашлинском оазисе к северу от Каушута (П и л и п к о, 1982). В этом же оазисе имеются небольшие округлые в плане поселения ахеменидского и позднепарфянского времени¹. Неправильно округлую планировку имеет парфянский жилой дом на холме Гарры-Кяриз 7 (П и л и п к о, 1975, рис.18).

Все это дает основания полагать, что Гарры-Кяриз I — небольшое укрепление-форт, или жилой дом. Если принять второе предположение, которое, на наш взгляд, наиболее приемлемо, то Гарры-Кяриз I следует рассматривать как жилище небольшой агнатической группы. Общая полезная площадь здания Гарры-Кяриза I составляет около 170 м². Для того, чтобы хотя бы грубо определить численность его обитателей, обратимся к данным по неолитическому поселению Джейтун, застройка которого состояла из однокомнатных домов, принадлежащих малой семье численностью в среднем из 5-6 человек. Основная масса домов Джейтуна имеет площадь 16-30 м² (М а с с о н, 1971, с.103-104). Отсюда средняя жилищная норма на Джейтуне составит около 4 м² на человека. Надо полагать, что в эпоху раннего железа уровень жилищного комфорта был не ниже, чем в эпоху неолита, тем более в среде свободных общинников или обитателей небольшого укрепления. Поэтому, приняв минимальную норму в 5 м² на человека мы можем определить максимальное число жителей Гарры-Кяриза I в 34 человека. В действительности она могла быть и меньшей.

При датировке памятника можно опираться на архитектурные аналогии и анализ керамического материала. Планировка постройки не дает каких-либо точных хронологических ориентиров. Круглые в пла-

¹ Материалы не опубликованы.

не сооружений встречаются в Средней Азии, начиная с эпохи энеолита до средневековья включительно. Более узкими пределами ограничен период использования полуовальных башен. Такие башни, насколько об этом можно судить по опубликованному материалу, появились в Средней Азии в ахеменидский период¹ и продолжали возводиться в эпоху античности. Наиболее важен в плане хронологических оценок формат кирпича. Как установлено раскопками, с III в. до н.э. во всех древнеземледельческих областях Средней Азии входит в употребление кирпич квадратных очертаний (П у ф а ч е н к о в а, 1951). Таким образом, прямоугольный формат сырца рассматриваемого поселения — надежное указание на его сооружение ранее III в. до н.э. Для датировки может иметь значение еще одна архитектурная аналогия. Форма "бойниц" Гарры-Кяриза I характерна для построек VI—IV вв. до н.э. Особенно значительно сходство с вентиляционными отверстиями Кутлуг-тепе в Северном Афганистане, где использован тот же прием перекрытия проемов (С а р и а н и д и, 1977, с.120, рис.57). Сходство между этими памятниками достаточно близко и по другим показателям — круглый план, полуовальная форма башен.

Таким образом, архитектурные аналогии дают основания для датировки Гарры-Кяриза I VI—IV вв. до н.э. Но если верхняя хронологическая граница достаточно надежна, то нижняя — условна.

Попытаемся сопоставить керамику Гарры-Кяриза I с керамической продукцией поселений раннего железного века, расположенных к западу и к востоку от него. Полное отсутствие расписной керамики и лепной (за исключением кухонных котлов), свидетельствует о том, что керамика Гарры-Кяриза I — более поздняя, чем комплексы типа Анау IV А, Елькен II, Яз-1.

Наибольшее сходство керамика Гарры-Кяриза I обнаруживает с комплексами Анау IV и Елькен III. Близкие аналогии находят кумы с подтреугольным уплощенным сверху венчиком, крупные цилиндрико-конические сосуды с манжетовидным венчиком, биконические подставки, чаши с бортиком. На Елькен-деше найдены конусовидные крышки с дисковидным держакон, которые А.А. Маруленко определял как вазы (М а р у л е н к о, 1959, с.106, табл.34,1). Из слоев Елькен III и Анау IV известны кувшиновидные сосуды с круглыми в сечении ручками. Наиболее характерная форма всех этих комплексов — небольшие цилиндрико-конические банкообразные сосуды. Причем, согласно А. А. Мару —

¹

Архитектура первой четверти I тыс. до н.э. практически неизвестна.

щенок, низкие подкосы — признак позднего этапа их развития (Марущенко, 1959, с.68). Следует также обратить внимание на манжетовидные венчики, также характерные для восточной части подгорной полосы Копетдага. На Гарры-Кяризе I форма их уже далека от классически четких образцов раннего и среднего периодов раннежелезного века, и они нередко трансформируются в сплюснутые, вытянутые по вертикали валики (рис.8, 2,3,4,8).

Таким образом, сопоставление с материалами Яз-депе, Елькен-депе и Анау показывает, что датировка Гарры-Кяриза I не выходит за пределы УП-IV вв. до н.э., и даже дает некоторые основания датировать его второй половиной этого периода.

Однако комплекс Гарры-Кяриз I обнаруживает еще одно направление связей. Некоторые формы несомненно несут следы влияния культуры архаического Дахистана, а, может быть, являются прямым импортом с запада. Это, прежде всего, сероглиняные чаши на трех ножках — наиболее характерная форма данной культуры. В материалах из Юго-Западной Туркмении находят близкие аналогии полусферические чаши с ручкой, чайники, полусферические крышки с ручкой (Массон, 1956). Определенное сходство обнаруживают кружки и кувшины (Массон, 1956, рис.9,9; 31,17). Культура архаического Дахистана большинством исследователей датируется концом II — началом I тыс. до н.э. (Марущенко, 1939, с.101; Массон, 1956, с.424-438). Верхняя хронологическая ее граница точно не установлена. Обычно пишут о первой четверти I тыс. до н.э., т.е. ограничивают существование таких комплексов примерно 750 г. до н.э., но в некоторых работах допускается использование керамики данного типа в УП и даже UI вв. до н.э. (Массон, 1959, с.96).

На основании приведенных аналогий керамика Гарры-Кяриза I может быть датирована УП-IV вв. до н.э., что примерно соответствует дате, полученной при анализе архитектурных особенностей постройки. Реальная длительность функционирования постройки была несомненно меньшей, но уточнить ее по имеющимся данным пока не представляется возможным.

Раскопки поселения Гарры-Кяриз I внесли определенный вклад в изучение эпохи раннего железа. Впервые для территории Южной Туркмении полностью выявлена планировка постройки этого времени. Получен представительный комплекс керамики. Ее анализ дал возможность установить, что в эпоху раннего железа Геок-Тепинский и Бахарден-

ский районы находились под одновременным влиянием культур Анау и архаического Дахистана. Гарры-Кяриз в настоящее время – самый восточный (в пределах Туркмении) пункт обнаружения керамики культуры архаического Дахистана.

Раскопки Гарры-Кяриза I не только дали ответ на некоторые вопросы, но и поставили много новых. В частности, нуждается в уточнении функциональное назначение раскопанной постройки. Предстоит еще выяснить, с чем связано обнаружение здесь керамики архаического Дахистана – следствие ли это обмена, или результат непосредственного проникновения ее носителей. В свете раскопок Гарры-Кяриза I заслуживает дальнейшего изучения вопрос о верхней хронологической границе культуры архаического Дахистана. Нуждается в специальном изучении красноглиняная лощеная керамика. При разведывательном обследовании Геок-Тепинского района такая керамика обнаружена на ряде других поселений, но предстоит еще выяснить, является ли она привозной, или это – продукция местных ремесленников.

Л И Т Е Р А Т У Р А

К о й - К р ы л г а н - к а л а - памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. - IV в. н.э. М., 1967.

М а р у щ е н к о А.А. Анау. Историческая справка. - В кн.: Архитектурные памятники Туркмении. М. - Ашхабад, 1939.

М а р у щ е н к о А.А. Елькен-депе (отчет о раскопках 1953, 1955 и 1956 гг.). - Тр. Ин-та истор., археол. и этнограф. АН ТССР, 1959, т.5.

М а с с о н В.М. Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении. - ТУТАНЭ, 1966, т.7.

М а с с о н В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы. - МИА, 1959, № 173.

П и л и п к о В.Н. Памятники парфянского времени в районе Анау (по материалам разведки 1970 г.). - Изв. АН ТССР. Сер.обществ. наук, 1973, № 5.

П и л и п к о В.Н. Парфянское сельское поселение Гарры-Кяриз. Ашхабад, 1975.

П и л и п к о В.Н. Некоторые итоги разведывательного изучения Дашлинского оазиса. - Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук, 1982, №5.

Пугаченкова Г.А. Архитектура среднеазиатской античности. - СА, 1951, № 4.

Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. - ТЮТАКЭ, 1958, т.6.

Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.

Хлопина Л.И. Новый тип посуды эпохи бронзы. - СА, 1971, № 4.

Э.А.Мурадова

РАСКОПКИ НА БЕНГУВАНЕ

Поселения Бенгуванского оазиса сосредоточены в 35 км к северо-востоку от районного центра Кизыл-Атрек и находятся в нескольких километрах южнее возвышенности Бенгуван (Костюченко, Лисицына, Прищепенко, 1972; Чарьева, 1982; Мурадова, 1984).

Объектом раскопок выбрано поселение № 3, находящееся юго-восточнее поселений № 1 и 2 и представляющее холм, вытянутый с запада на восток, высотой около 3 м. На северной половине холма заложен раскоп площадью 375 м², в северо-восточном углу которого пройден стратиграфический шурф (3 x 2 м), прорезавший 4,75-метровую толщу культурных напластований (рис. 1).

В стратиграфическом шурфе было установлено 3 строительных горизонта. К первому, нижнему, принадлежат архитектурные остатки и культурные слои X-V ярусов, ко второму - IV-III, и к третьему - II-I ярусов.

К архитектурным элементам I строительного горизонта относится сырцовая платформа, лежащая на материковом слое, представленном аллювиальными отложениями. Она зафиксирована между началом X и серединой V яруса и имеет толщину 1,5 м. Выше платформы прослежены строительные (бесформенные куски сырцового кирпича, рыхлые сырцовые прослойки, натеки) и культурные остатки (горелая земля, зола, известь, керамика). В восточной и южной стенах шурфа с начала V и

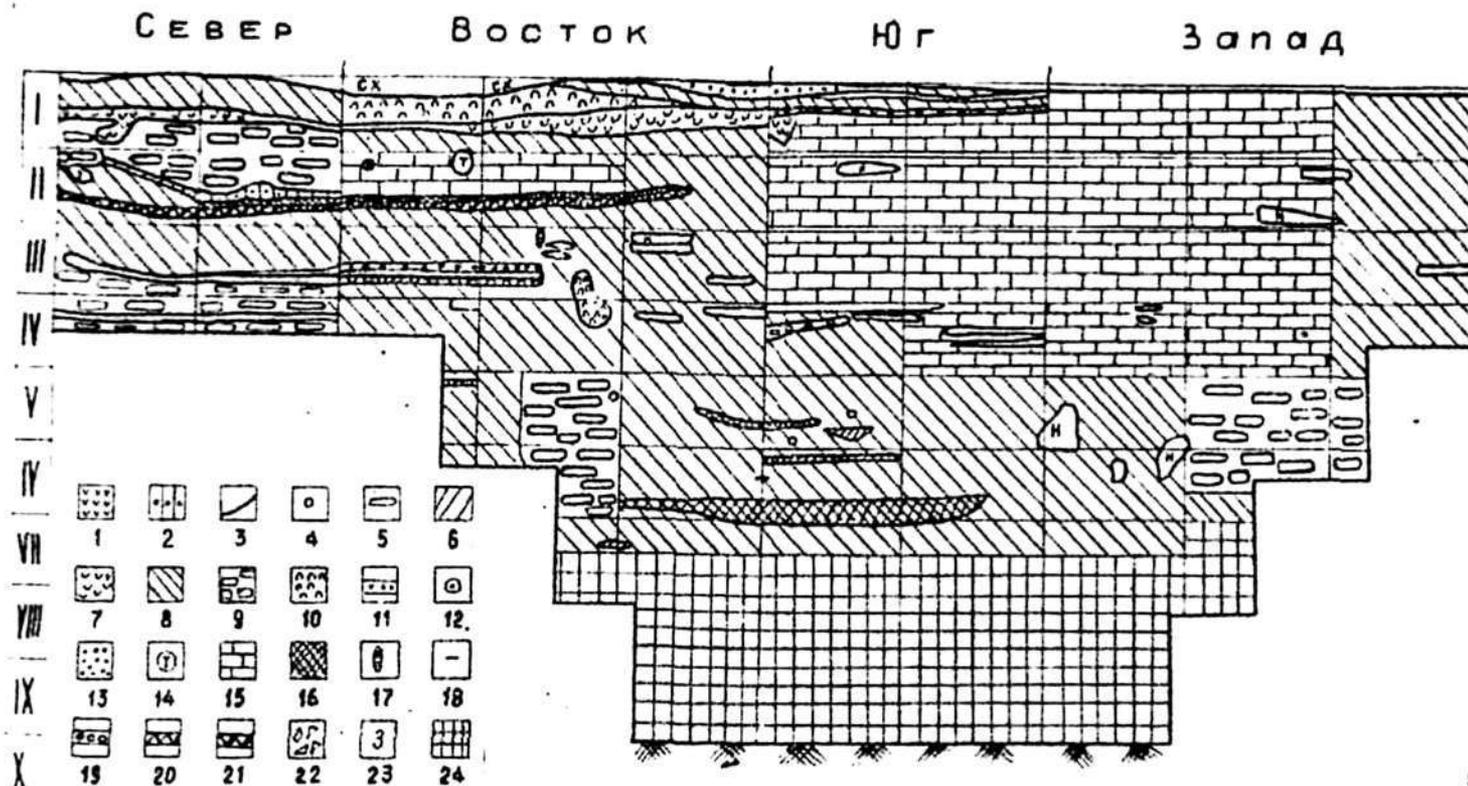

Рис. 1. Стратиграфический разрез шурфа:

1 - зольный слой с известью, угольками, керамикой; 2 - зола с пеплом; 3 - зольный слой; 4 - очаг; 5 - натеки; 6 - горелая земля с угольками; 7 - рыхлое заполнение; 8 - материалы разрушений; 9 - кирпичи; 10 - рыхлое заполнение с известью, керамикой, золой, обломками кирпичей; 11 - зола ярко-фиолетового цвета, угольки; 12 - зольная ямка; 13 - зольно-угольная прослойка; 14 - рыхлое заполнение с золой; 15 - кирпичная кладка; 16 - чередующиеся полосы: горелая земля, зола, зеленая прослойка с включениями кирпича, угольков, извести, керамики; 17 - пепел; 18 - бронзовая поделка; 19 - зольный слой с угольками, горелой землей, костями; 20 - зольный слой ярко-фиолетового цвета; 21 - полы; 22 - фрагменты керамики; 23 - горелая земля; 24 - кирпичная забутовка (платформа).

до середины У I яруса зафиксированы чередующиеся полосы: горелая земля, зола, зеленая прослойка с включениями остатков кирпича, угольков, извести, керамики. В юго-восточном углу середины У I яруса шурфа найден фрагмент бронзовой проколки. В начале У I яруса в южной стене шурфа отмечена горелая земля с угольками. В юго-восточной части У яруса обнаружены зольные слои фиолетового цвета с известью и угольками, в восточной части найдены следы очага, а также большое количество костей животных.

Стена высотой в 2 м, идущая с юго-востока на северо-запад, относится ко II и к III строительным горизонтам. При строительстве применялся сырцовый кирпич - 70x49x8 см. О существовании двух этапов обживания во II строительном горизонте свидетельствуют полы, прослеженные на уровне 0,6 м от основания стены, относящиеся ко II этапу обживания. Полы I этапа обживания не найдены, но это не исключает их наличия. Культурное заполнение IV и III ярусов, состоящее из материалов разрушений с известковыми включениями и без, горелой земли с угольками, пепельных слоев, натеков, обломков кирпичей, костей животных, керамики характеризует интенсивность обживания II строительного горизонта.

К архитектурным остаткам III строительного горизонта принадлежат вышеупомянутая стена и стена, зафиксированная в восточной части шурфа, сохранившаяся на высоту 35-40 см, у подошвы которой прослежены полы. К культурным наслоениям III строительного горизонта относятся материалы разрушений, зольные слои с известью, угольками, зольная ямка, рыхлое заполнение с известью, золой ярко-фиолетового цвета, обломками кирпичей и керамики.

Основной вид находок шурфа - керамика (рис. 2), не имеющая каких-либо фактурно-технологических отличий во всех трех строительных горизонтах и разделенная на 4 группы по фактуре и цвету черепка.

1. С в е т л о - ж е л т а я к е р а м и к а. Цвет черепка в изломе - беловато-желтый, светло-желтый, коричневатожелтый, зеленовато-желтый, желтовато-коричневый, желтый. Цвет ангоба - беловато-желтый, белый, светло-желтый, желтовато-белый, коричневатожелтый. Тесто хорошей отмучки без видимых примесей.

2. К р а с н а я к е р а м и к а. Цвет черепка в изломе - коричневатокрасный, красноватокоричневый, розовый, коричневый, розоватокоричневый, коричневаторозовый. Цвет ангоба - беловато-желтый, коричневый, розовый, коричневатокрасный, розоватокоричневый,

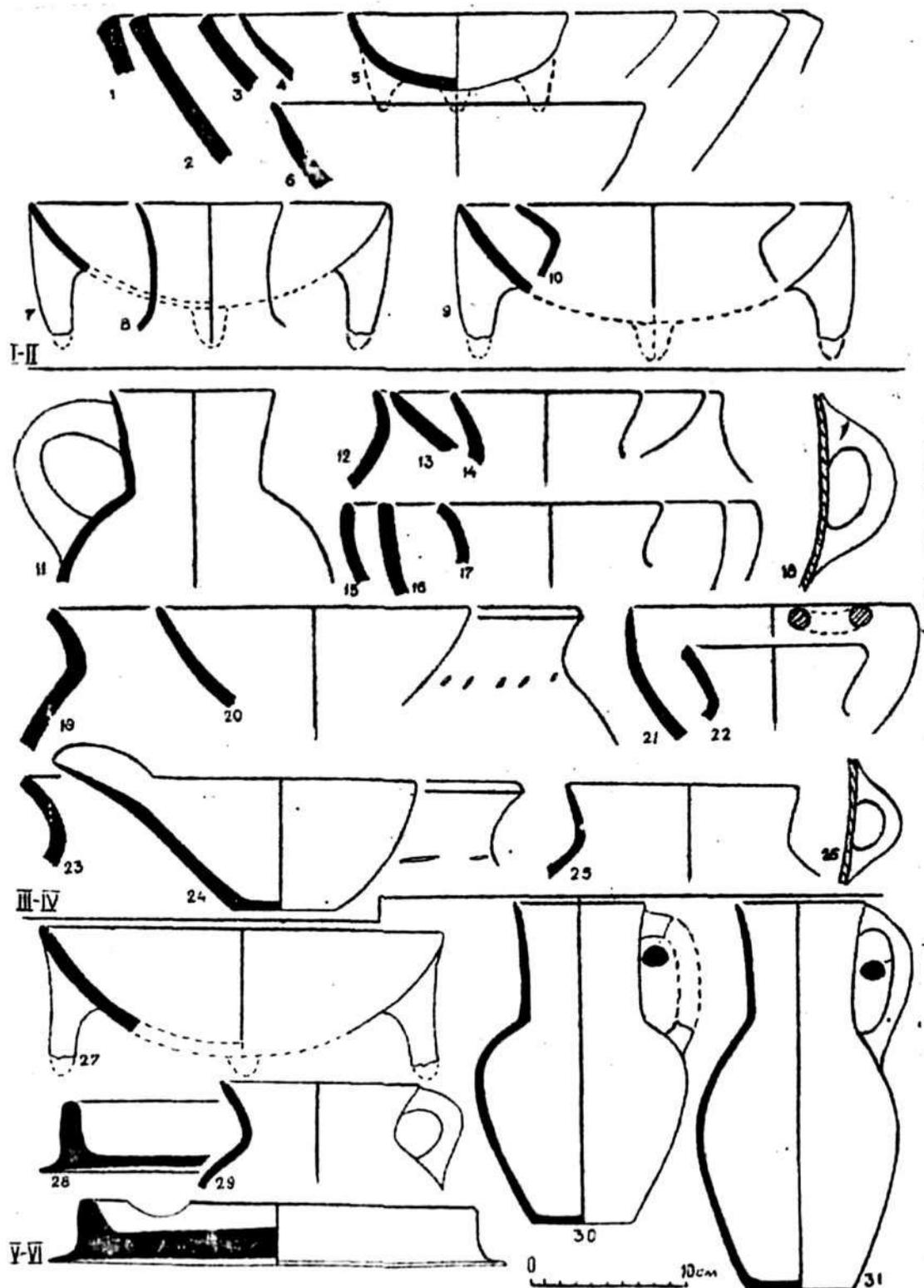

Рис. 2.
Керамика из шурфа.

красный. Некоторые изделия заложены. Тесто хорошей отмучки без видимых примесей.

3. С е р а я к е р а м и к а. Цвет черепка в изломе - серый, светло-серый, темно-серый. Цвет ангоба - серый, темно-серый. Серая керамика, как правило, заложена. Тесто хорошей отмучки, без видимых примесей.

4. К е р а м и к а с п р и м е с ь ю в т е с т е. Цвет черепка в изломе - коричневый. Тесто с примесью шамота (?), кварца (?), известняка (?). Внешняя поверхность сосудов закопчена.

Т а б л и ц а 1

Соотношение групп керамики
в трех горизонтах, %

Керамика	Стратиграфический шурф		
	I строительный горизонт	II строительный горизонт	III строительный горизонт
Светло-желтая	15	24	27,2
Красная	25	27	31,8
Серая	30	27	27,2
С примесью	30	22	13,8

Т а б л и ц а 2

Соотношение форм керамики из шурфа

Формы	Строительный горизонт		
	I	II	III
Кубшины	+	+	+
Триподы	+	+	+
Чаши	+	+	+
Котлы	+	+	+
Горшки	+	+	-
Чаши с горизонтальной ручкой	-	+	-
Гокалы	-	+	+

	2	3	4
Чаши с желобчатым сли- вом	-	+	-
Чаши с перегибом	-	-	+
Тагора	-	-	+
Хумча	-	-	+
Корчага ¹	+	-	-

с.

Понижения и повышения, имеющие место на всем поселении, свидетельствуют о разной сохранности его архитектурных остатков.

Этим обстоятельством и обусловлена сохранность IV строительного горизонта в восточной части раскопа, к которому принадлежит прямоугольное помещение 8 (4,70x3,60 м) (рис. 3), вытянутое по линии запад-восток, стены которого (толщина - 60-80 см сохранились на высоту 20-25 см. К восточной стене этого помещения примыкал очаг, центр которого находился в стене, а сам он выступал вперед. Нахождение пристенного очага выше уровня полов, представляющих собой глиняную промазку с включениями извести, служат доказательством того, что помещение 8 претерпело два этапа обживания и очаг относился к более позднему его периоду. В западной части этого помещения найдена поделка из кости в виде трубки, вдоль внешней поверхности которой вырезаны солярные круги (4 ряда по 6 кругов, из них 22 - одинарные и 2 - двойные). К находкам из помещения 8 относятся колесовидное и биконическое керамические пряслица (рис. 6; 26, 28). В заполнение помещения 8 входили керамика, кости животных, зольные слои, материалы разрушений. Ниже глиняной промазки полов шла сплошная сырцовая забутовка, уровень нахождения которой совпадает с уровнем сырцовой забутовки, прослеженной на всей окружающей помещении 8 площади. Ниже этой забутовки шли строения III строительного горизонта, вскрытые по всей площади раскопа (рис. 3).

В западной части раскопа вскрыт прямоугольный дом с 7 помещениями (дом 1), вытянутый по линии север-юг, южная стена которого продолжается в западном направлении и, образуя нишу, завершается

¹ Корчага - крупный горшкообразный сосуд с ручками, прикрепленными к тулову вертикально. Аналогичное прикрепление ручек характерно для посуды из Шах-тепе (Арне, 1945) и Сумбара (Хлоп и н, 1976; 1983).

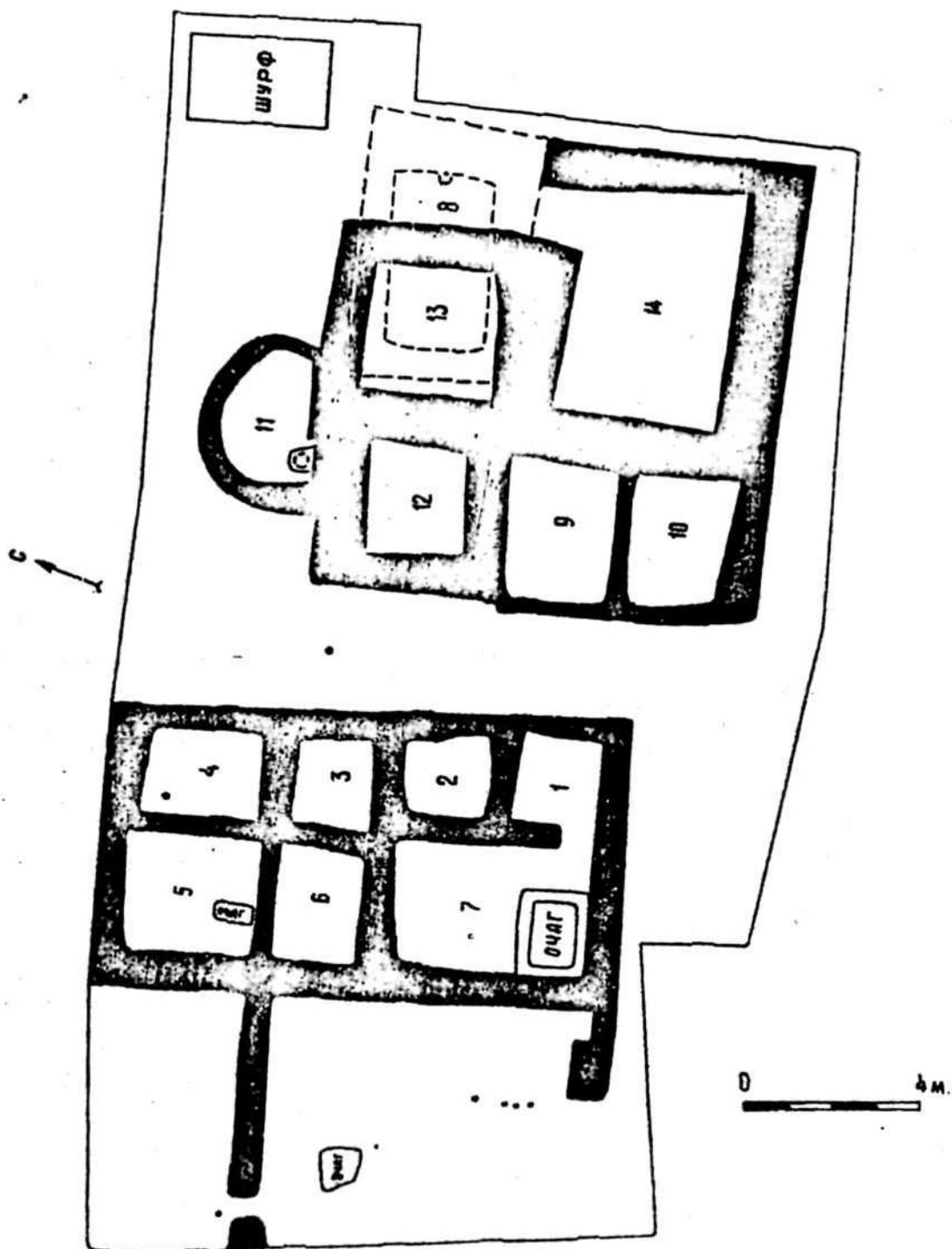

Рис. 3.
План раскопа.

суфой высотой 30-35 см. На расстоянии 0,7 м северо-западнее суфы расчищено 4 очага-лунки, впущенных в пол и идущих цепочкой с юга на север. Это - небольшие полусферические ямки диаметром 10-12 см. Три очажные ямки отстоят друг от друга на 5-6 см, а четвертая - в 40 см севернее от них. Две ямки обожжены, а третья и четвертая - нет.

В 6,60 м к северу от суфы прослежена стена, параллельная суфе, перпендикулярно примыкающая к внешней стене дома 1 и идущая в западном направлении (рис. 3). Длина стены - 4,35 м, ширина - 50-55 см, высота - 30-35 см. Южнее этой стены на расстоянии 1,3 м расчищен очаг неправильных очертаний с перегородкой, возле которого обнаружена зольная яма диаметром около 2 м, заполненная золой и овечьим пометом. В месте завершения этой стены имеется проход, от которого далее на запад идет другая стена, уходящая под дерновый слой. В проходе найден круглый каменный подпятник. Севернее этого прохода находится очажная яма диаметром 13 см. Судя по наличию нишки, суфы, четырех очажных ям, очага неправильных очертаний с перегородкой, заполнению (установлено чередование зольных слоев с материалами разрушений, известковых вкраплений, кусочков угля), площадь, заключенная между суфой и параллельной ей стеной, - часть какого-то двора, условно взятого нами как двор А. Прилегающий ко двору А дом 1 имел два ряда анфиладно расположенных помещений (рис. 3).

Помещение 1, подквадратное в плане, площадью 1,8 х 2,0 м - южное. Проход располагался в западной стене и вел в помещение 7. В юго-восточном углу стоял сосуд хозяйственного назначения (сохранилось тулово хумчи), вкопанный в пол. Прослежено два пола (на уровне 20 см - II пол, на уровне 40 см - I пол)¹, свидетельствующих о двух этапах обживания помещения 1. Сохранившаяся высота стен - 40 см. Из-за большой сырости сохранность стен очень плохая (сырец крошится). При строительстве применялся сырцовый кирпич размером - 7х36-38х8-10 см.

Помещение 2, подквадратное в плане, площадью 1,9 х 1,60 м находится севернее помещения 1. Сохранность стен - 0,47 м. На отметке 40 см прослежены полы, включающие известковые прослойки.

Помещение 3, трапециевидное в плане, площадью 2,10 х 1,60 м расположено севернее помещения 2. Сохранность стен - 57 см.

¹ Здесь и далее отсчет велся от верхней отметки уровня стен помещений.

Полы I этапа обживания - черно-бурые слои в 1,5-2 см выявлены на отметке 50 см. В слоях, примыкающих к южной стене, на уровне 20 см от I пола зафиксированы черно-бурые прослойки толщиной 10 см, длиной 20 см, являющиеся, вероятно, следами очага и позволяющие утверждать, что на этом уровне находились полы II этапа обживания.

П о м е щ е н и е 4, трапециевидное в плане, площадью 1,9 х 2,5 м сосредоточено севернее помещения 3. Сохранность стен плохая. Северная стена сохранилась на высоту 30 см, а западная - 5 см. В северо-западном углу на площади 1,1х0,8 м зафиксировано большое скопление пепла, золы, прожженной земли. После расчистки здесь обнаружен очаг-лунка диаметром 10-12 см, аналогичный очагам-лукам двора А. Прожженные ошлакованные стенки свидетельствуют о его длительном использовании.

П о м е щ е н и е 5, подквадратное в плане, площадью 2,75 х 2,5 м находится западнее помещения 4. Сохранность стен плохая - 5-7 см. В юго-западной части выявлена площадка (0,8х0,35 м) вытянутых очертаний со следами очага.

П о м е щ е н и е 6, прямоугольное в плане, площадью 2,5 х 1,7 м расположено южнее помещения 5. Западная и северная стены сохранились на высоту 17 см, восточная и южная - 22 см. В северной части помещения на отметке 14 см от верхнего сохранившегося уровня стен прослежены зольные слои толщиной 2 см, указывающие на уровень нахождения I пола.

П о м е щ е н и е 7, самое большое по размерам, прямоугольное в плане, площадью 4,2х2,7 м находится южнее помещения 6. Стены разной сохранности. Восточная стена имеет высоту 40 см, северная - 30, западная - 18, южная - 17 см. В юго-западном углу выявлена прямоугольная сырцовая платформа, вытянутая по линии восток-запад, размером 2х1,5 м, на которой расчищены 4 очага-луны, аналогичные очагам-лукам двора А и помещения 4. Два очага со следами использования (обожены) находятся рядом и прилегают к южной стене помещения. Два других очага находятся севернее их на расстоянии 10-15 см и отстоят друг от друга на 15-20 см. Сравнительно небольшие размеры помещений 1,2,3 указывают на их подсобную хозяйственную функцию. Наличие очагов в помещениях 4, 5 и 7 свидетельствует о их жилом характере. Судя по наличию полов, помещения обживались несколько раз. В заполнение входили столовая, кухонная, хозяйственная посуда, зернотерка ладьевидной формы.

В восточной части раскопа вскрыт дом с 6 помещениями (дом 2), вытянутый по линии север-юг и отделенный от дома I проулком. В северной центральной части проулка зафиксированы следы очага, находящегося выше уровня I пола и, вероятно, относящегося ко II этапу обживания.

Дом 2 состоит из ряда помещений (рис. 3). Посередине проходит стена толщиной 90 см, высотой - 50 см, разделяющая западную часть от восточной.

П о м е щ е н и е 9, прямоугольное в плане, вытянутое по линии запад-восток, площадью 3х2,80 м находится в центре западной части дома. Высота сохранившихся стенок - 25-40 см. На восточной стене помещения сохранилась глиняная штукатурка с включениями извести. Удалось зафиксировать полы, представляющие собой глиняную промазку.

П о м е щ е н и е 10, прямоугольное в плане, вытянутое с запада на восток, площадью 3х2,5 м расположено южнее помещения 9. Сохранность стен - 20-35 см.

П о м е щ е н и е 11, сегментовидное в плане, площадью 5,47 м² находится севернее помещения 12. Сохранность стен - 0,5-0,6 м. Стены, сложенные из сырцового кирпича размером 50х32х7 см, имели хорошую штукатурку толщиной 1-1,5 см, состоящую из глины с примесью самана. Следы самана имеют рыжую (красно-желтую) окраску. Швы между кирпичами толщиной 1-1,5 см. Полы помещения 11, относящиеся к I этапу обживания и представляющие собой глиняную промазку с включениями извести, были завалены обломками сырцовых кирпичей, костями животных, керамикой, известью. Выше этих наслоений залегал зольный слой толщиной 10 см, включающий горелую землю, пепел, угольки, керамические черепки. Выше зольного слоя - материалы разрушений, на которые настилались слои с включениями золы, извести. Чередование зольных слоев с материалами разрушений свидетельствуют об интенсивном использовании этого помещения. Видимо, между зольными слоями или промазки полов, характеризующие несколько периодов обживания. Промазки полов, толщиной 5 см, включали замешанную с саманом глину, иногда известь. Очаг в нишке юго-западного угла помещения стоял на рыхлых зольно-мусорных слоях и, вероятно, относился к более позднему периоду обживания. В 0,6 м от юго-восточного угла найден целый сосуд (кувшин) с плавко расширяющимся к устью горлом. Высота кувшина - 25 см. Поверхность - зеленоватая. В заполнении помещения 11 найдено большое количество керамики, костей животных.

П о м е щ е н и е 12, трапециевидное в плане, площадью 2,5х

х 2,2 м находится южнее помещения I1 и вытянуто с запада на восток. Сохранившаяся высота стенок - 0,3-0,4 м. В юго-восточном углу найден сосуд, перевернутый кверху дном. Рядом с ним - чаша.

П о м е щ е н и е I3, трапециевидное в плане, площадью 2,5х х 2,9 м находится восточнее помещения I2. Сохранность стен - 0,2-0,3 м.

П о м е щ е н и е I4, прямоугольное в плане, площадью 5,2х х 3,5 м находится южнее помещения I3. Сохранность стен - 0,3-0,4 м. Из-за плохой сохранности архитектуры северо-восточный угол дома 2 обнаружить не удалось.

Со всей площади раскопа собрана керамика (рис. 4, 5, 6), принадлежащая единому комплексу и отличающаяся стандартизацией форм. По фактуре и цвету черепка она разделяется на 4 группы: светлая, красная, серая и с примесью. Керамика, как ручной, так и гончарной выделки, представлена следующими формами.

К у в ш и н ы фрагментарны. Найдены горла раструбообразной формы с прямым и отогнутым наружу венчиком. Диаметры венчиков - 10-16 см. Тулово раздутое, грушевидное или яйцевидное. Дугообразная ручка круглая или овальная в сечении прикреплена вертикально: одним концом к венчику, другим - к плечу тулова сосуда. Донца - плоские. Цвет черепка в изломе - светло-желтый, коричневато-красный, коричневый, коричневато-желтый, серый. Сосуды, излом черепков которых имеет коричневый и серый цвета, заложены. В основном кувшины изготовлены на гончарном круге. Среди этой группы сосудов один отличается изяществом, тонкостью и качеством изготовления - тонкостенный кувшин с высоким узким раструбообразным горлом, с вертикальной дугообразной ручкой, раздутым сферическим туловом, плоским дном¹. Цвет черепка в изломе - коричневато-красный. Сосуд изготовлен вручную. Внешняя поверхность имеет "ребристость" - следы залащивания. Лощение превосходное. Найден целый кувшин высотой 25 см. Диаметр приостренного отогнутого наружу венчика - 11 см. Тулово - грушевидной формы. Диаметр плоского дна - 9 см. Цвет черепка в изломе - коричневато-желтый. Как изнутри, так и снаружи, сосуд покрыт светло-желтым ангобом. Внешняя поверхность залощена.

Ч а ш и. Широкооткрытые полусферические сосуды с плоским дном. Диаметр приостренного венчика - 14-28 см. Цвет черепка в изломе - красновато-коричневый, светло-желтый, светло-коричневый. Изготов-

¹ К сожалению, из-за фрагментарности стенок сосуд собрать не удалось.

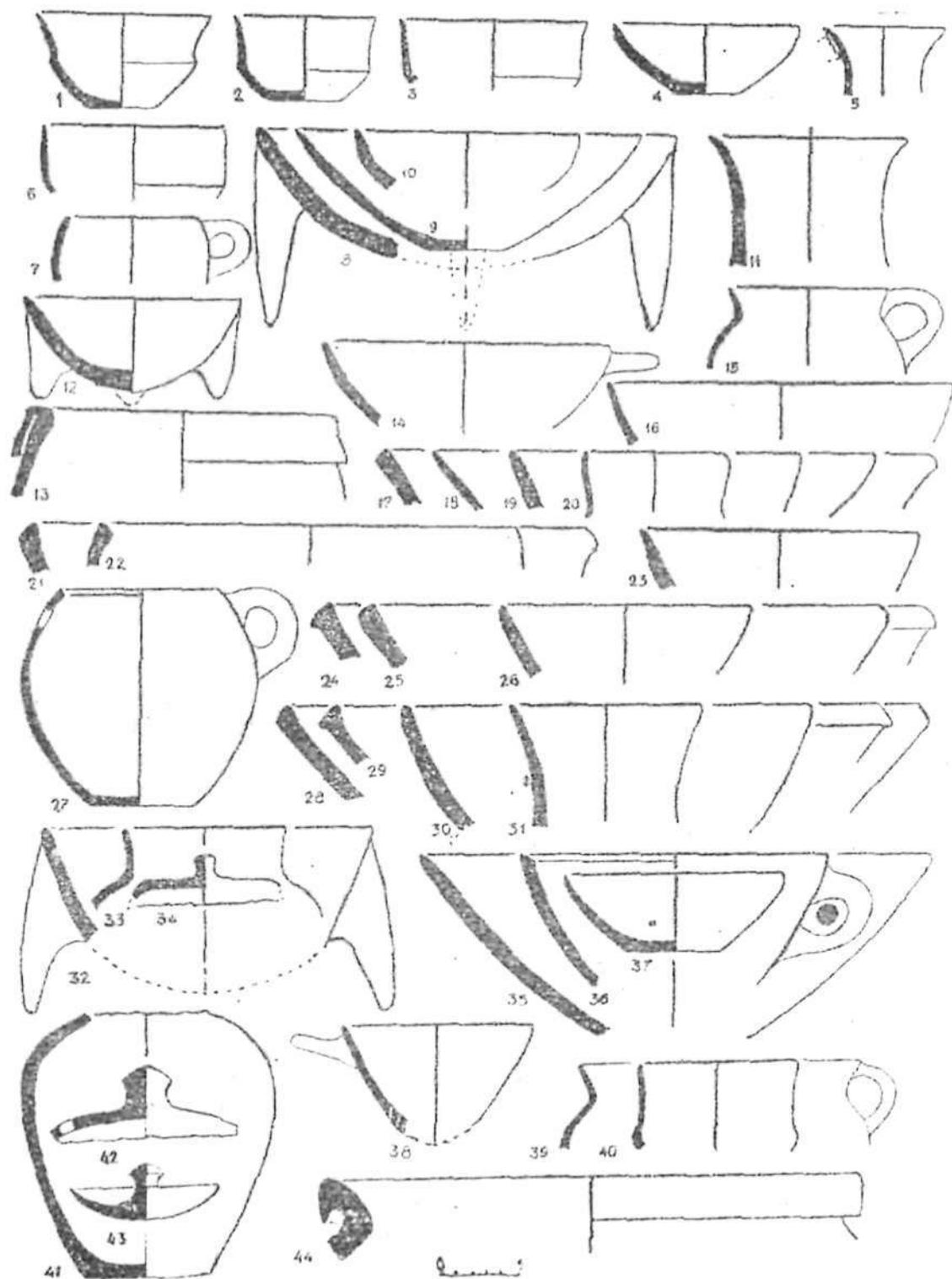

Рис. 4.
Керамика из раскопа.

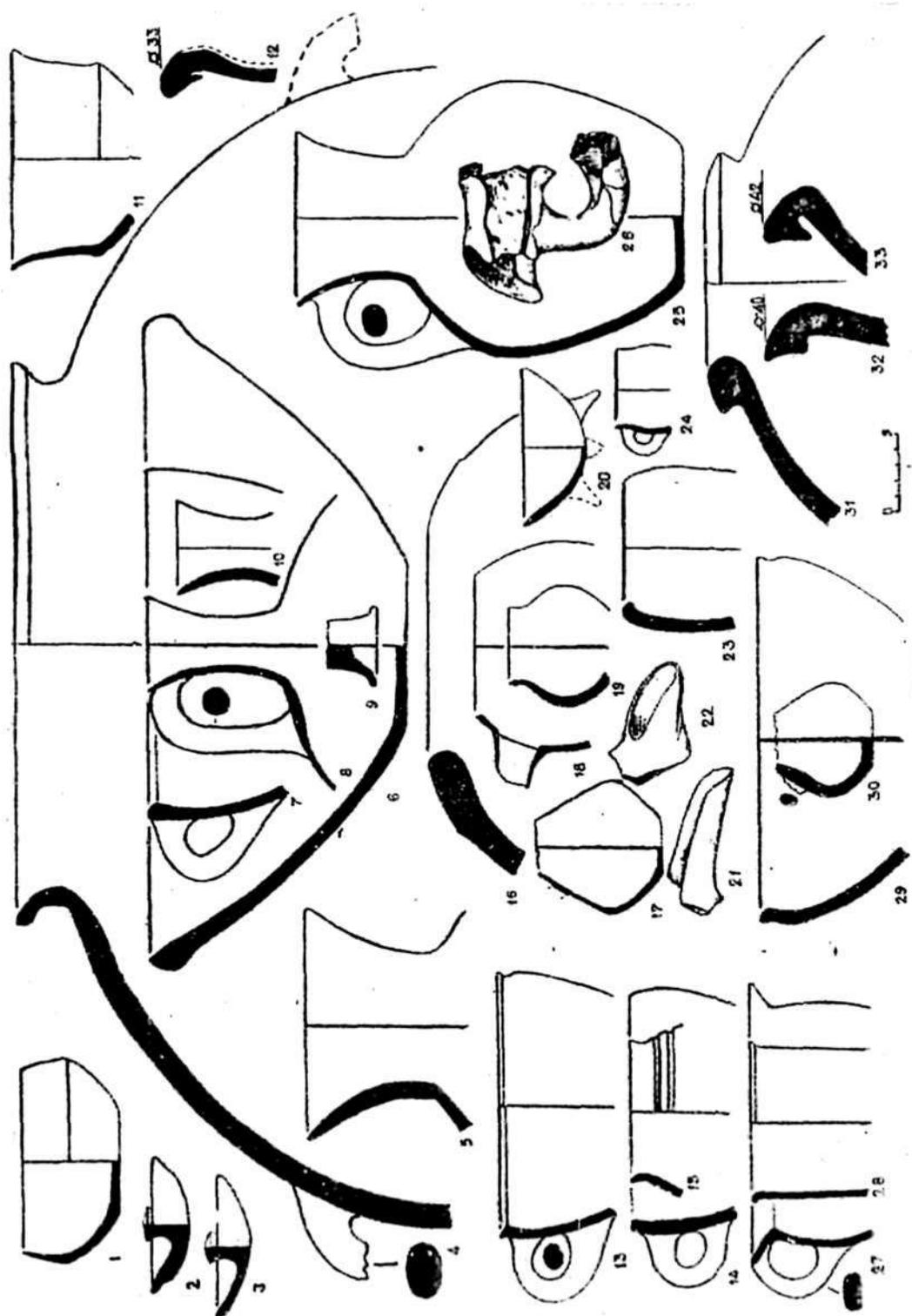

Рис. 5.
Керамика из раскопа.

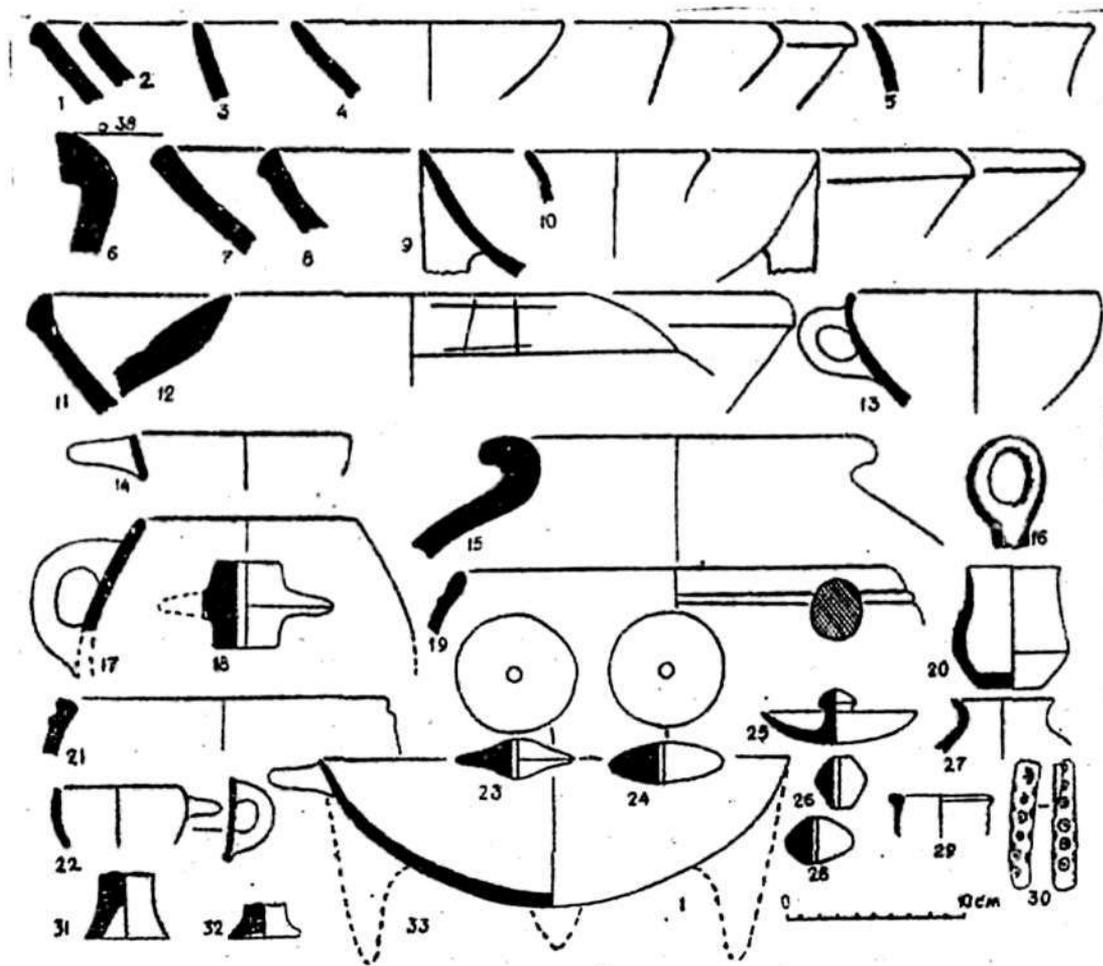

Рис. 6.

Керамика из раскопа.

лены на гончарном круге. Найдена археологически целая чаша. Диаметр приостренного венчика - 22 см. Общая высота сосуда - 7,6 см. Диаметр дна - 5 см. Цвет черепка в изломе - красновато-коричневый. Снаружи ангобное покрытие светло-желтого, местами - розовато-коричневого цветов. Чаша тонкостенная, залощенная с двух сторон, гончарной выделки, неравномерно обожженная.

Т р и п о д ы. Полусферические круглодонные сосуды на трех конусовидных ножках. Диаметры приостренного или утолщенного венчиков - 12-26 см. Цвет черепка в изломе - серый, темно-серый, светло-желтый. Как правило, триподы залощены. Имеются триподы с красновато-коричневым черепком и желтым, беловато-желтым ангобом. Найден трипод с горизонтальной ручкой, прикрепленной к венчику. Диаметр приостренного венчика - 26 см. Ножки не сохранились, но есть следы их прикрепления. Цвет черепка в изломе - серый. Внутренняя поверхность резервуара зачернена. Лощение с двух сторон. Археологически целый миниатюрный трипод с очень короткими утолщенными ножками имеет диаметр венчика 13,5 см. Глубина резервуара - 4,8 см. Цвет черепка в изломе - темно-серый. Внутренняя поверхность залощена.

М и с к и. Чашеобразные сосуды с плоским дном. Диаметры приостренных, подтреугольных в сечении, молоточкообразных венчиков - 26-38 см. Цвет черепка в изломе - красновато-коричневый, коричневатокрасный, желтовато-коричневый, коричневый, светло-желтый, светло-коричневый, коричневатожелтый. Сосуды залощены или покрыты ангобом. Есть фрагменты с беловато-желтым ангобом. Изготовлены гончарным способом.

П и а л а. Миниатюрный полусферический сосуд с плоским дном. Представлен единственным экземпляром. Диаметр приостренного венчика - 12 см, дна - 4 см. Высота сосулика - 4,5 см. Цвет черепка в изломе - светло-коричневый. Внешняя поверхность покрыта светло-желтым ангобом. Изготовлен на гончарном круге.

Ч а ш к и с р у ч к о й. Сохранились фрагментарно. Это небольшие сосудики с вертикальной петлеобразной ручкой, тулово которых имеет форму усеченного шара. Диаметры венчиков - 8-10 см. Цвет черепка в изломе - серый. Применен гончарный круг.

Ч а ш и с п е р е г и б о м - сосуды, верхняя часть которых, конусовидной или цилиндрической формы, резко переходит в нижнюю полусферическую форму. Дно сосудов - плоское. Найдены чаши с перегибом как расширяющиеся, так и сужающиеся к устью. Диаметры

приостренных, прямых или отогнутых наружу венчиков - 9-14 см. Цвет черепка в изломе - светло-желтый, коричневатокрасный, желтоватокоричневый, светло-коричневый, серый. Светло-желтые чаши ангобированы, серые - залощены, зачернены. При изготовлении сосудов использован гончарный круг. Найдены археологически целые формы - диаметр венчика - 11 см, дна - 4, высота - 6 см; диаметр венчика - 9 см, дна - 4,5, высота - 5,5 см; диаметр венчика - 12 см, дна - 6,5, высота - 6,2 см.

Чаши с горизонтальной ручкой. Это - полусферической формы сосуды с плоским дном. Дугообразная округлая или овальная в сечении ручка прикреплена к венчику горизонтально. Диаметры приостренных, загнутых внутрь венчиков - 7, 12, 18 см. Цвет черепка в изломе - коричневатожелтый, светлокоричневый, серый.

Горшок с ручкой. Найден археологически целый сосуд закрытого типа с туловом яйцевидной формы, плоским дном. Петлеобразная округлая в сечении ручка прикреплена вертикально: одним концом - чуть ниже венчика, другим - к тулову. Диаметр косо срезанного вовнутрь венчика - 9,8, дна - 6,5 см. Общая высота сосуда - 13,8 см. На противоположной от ручки поверхности сохранились следы прикрепления слива (?). Цвет черепка в изломе - серый. Внешняя поверхность залощена и имеет зачернение.

Чаши с ручкой. Представлены фрагментарно. Тулово - полусферической формы. Петлеобразная ручка прикреплена к венчику вертикально. Диаметры кососрезанных венчиков - 15, 17, 22 см. Есть экземпляр кососрезанного венчика, имеющего на внешней поверхности желобок чуть ниже венчика. Цвет черепка в изломе - серый. Лощение как изнутри, так и снаружи. Найдена толстостенная чаша с ручкой, прикрепленной чуть ниже венчика вертикально. Диаметр прямого венчика - 15 см. Тулово - полусферическое. Тесто - с примесью шамота, кварца. Цвет черепка в изломе - коричневый. Внешняя поверхность закопчена. Надо полагать, что чаши с ручкой употреблялись как в качестве столовой, так и кухонной посуды.

Сосуды со сливами. Представлены фрагментарно. Фрагмент сосуда с туловом овальной формы с трубчатым, переходящим в желоб сливом имеет кососрезанный венчик диаметром 9 см. Цвет черепка в изломе - красный. Внешняя поверхность - бурая. Изготовлен вручную. Найден крупный широкий желобчатый слив, переходящий

дядий в венчик сосуда открытого типа, видимо, чашеобразной формы. Цвет черепка в изломе - серый. Лощение с двух сторон. Интересен наличием примеси в тесте крупный трубчатый слив, для устойчивости которого прикреплена ручка: одним концом - к низу слива, другим - к тулову сосуда. Слив принадлежал сосуду кухонного назначения. Цвет черепка в изломе - коричневый. Тесто - с примесью шамота, кварцита. Изготовлен вручную.

Т а г о р а. Крупные толстостенные раскидистые сосуды чашеобразной формы, служившие тарой. Характерно сильное расширение стенок к устью. Дно сосудов - плоское. Диаметры подтреугольных в сечении, утолщенных, молоточкообразных, валикообразных венчиков - свыше 38 см. Цвет черепка в изломе - красновато-коричневый, коричневатокрасный, коричневатожелтый, светло-коричневый, темно-коричневый, коричневый, розовато-коричневый. Сосуды с двух сторон покрыты ангобом, некоторые - залощены. На поселении найдена археологически целая тагора. Диаметр подтреугольного в сечении венчика - 40, дна - 10 см. Высота сосуда - 16,8 см. Цвет черепка в изломе - коричневатокрасный. Внутренняя поверхность покрыта красноватозолотым ангобом, внешняя - светло-желтым (местами ангоб - красноватозолотый - результат неравномерного обжига). Способ изготовления - ручной.

К о р ч а г и. Крупные толстостенные горшкообразные сосуды хозяйственного назначения. Представлены фрагментарно: обнаружены горла корчаг. Диаметры крачкообразного и отогнутого наружу венчиков - свыше 30 см. Цвет черепка в изломе - желтоватозеленый, желтый. В У ярусе шурфа найдена корчага. Диаметр отогнутого наружу венчика - 35 см. Тулово - сферическое. Сохранилась одна ручка, прикрепленная к тулову вертикально. Цвет черепка в изломе - коричневатожелтый. Как изнутри, так и снаружи, сосуд покрыт светло-желтым ангобом; изготовлен вручную.

Х у м ч и. Представлены фрагментарно. Это - толстостенные сосуды с низким широким горлом или без него. Тулово - сферическое. Дно - плоское. Диаметры манжетовидных и утолщенных венчиков - 12-15 см. Цвет черепка в изломе - красноватокоричневый, серый. Внешняя поверхность хумчей с серым цветом черепка в изломе залощена.

К о т л ы. Представлены фрагментарно. Это - горшкообразные сосуды с прямым или расширяющимся к устью венчиком, с петлеобразной ручкой, прикрепленной вертикально. Ручная выделка, наличие

примесей в тесте, закопченность свидетельствует о их кухонном назначении. Диаметры венчиков - 10-20 см. Впервые отмечена находка котла с манжетовидным венчиком. Диаметр венчика - 19 см.

С и т е ч к о. Полусферический круглодонный сосуд с горизонтально прикрепленной петлеобразной ручкой. Дно имеет многочисленные сквозные отверстия, предназначенные для сжегивания (?). Диаметры венчиков - 12-18 см. Цвет черепка в изломе - светло-желтый. В кроющем слое поселения найдено археологически целое конусообразное ситечко с глубоким резервуаром с петлеобразной горизонтальной ручкой. Глубина резервуара - 7,5 см. Диаметр венчика - 12 см. Цвет черепка в изломе - светло-желтый. Внешняя и внутренняя поверхности имеют ангоб и лощение. Цвет ангоба - светло-желтый. Ситечко равномерно обожжено. Изготовлено на гончарном круге.

К р ы ш к и. Обнаружены серии крышек: блюдцеобразной, полусферической, куполообразной формы. Археологически целая крышка блюдцеобразной полусферической формы с конусовидной шишечкой-налепом в центре имела диаметр 10 см; ангоб с двух сторон - светло-желтый. Фрагмент куполообразной крышки с конусовидной шишечкой-налепом в центре имел в изломе розовато-коричневый цвет и был покрыт с двух сторон беловато-желтым ангобом. В 3 см от края навершия есть скол со следами обработки и беловато-желтого ангоба, свидетельствующий с том, что здесь было сквозное отверстие, позволяющее циркулировать воздуху в сосуде, которому предназначалась эта крышка. Фрагмент плоской блюдцеобразной крышки с навершием в центре имеет диаметр 8 см. Цвет черепка - красновато-коричневый, внутри - серый спек. Ангоб с двух сторон - красновато-коричневый. Внешняя поверхность превосходно залощена.

М и н и а т ю р н ы е с о с у д ы имеют различные формы.

Миниатюрный тонкостенный сосуд с перегибом стенки сохранился полностью, за исключением сколотого горла. Его высота - 8 см. Нижняя часть тулова полусферической формы резко переходит в верхнюю - конусовидную. На плечике сосуда сохранились следы прикрепления ручки. Судя по всему, сосудик имел высокое узкое горло, к венчику которого был прикреплен другой конец ручки (ручка - вертикальная). Цвет черепка в изломе - светло-желтый. Нижняя часть тулова имеет лощение. На внешней поверхности сохранились следы вращения на круге. Другой миниатюрный сосуд грушевидной формы изготовлен вручную. Горлышко не сохранилось. На плечике имеется часть ручки.

На сколотой части горла сохранились следы вторичного использования сосулика. Лощение - на внешней поверхности. Цвет черепка в изломе - светло-серый. Миниатюрный сосуд округлой формы имеет отогнутый наружу венчик, диаметр которого составляет 5 см. Цвет черепка в изломе - серый. Сосулик ручной выделки, внешняя поверхность залощена. Найдена часть миниатюрной кружки. Диаметр венчика - 5 см. Тулово - округло-цилиндрическое. Ручка прикреплена вертикально к венчику и тулову. Изготовлен вручную. Внешняя поверхность залощена. Цвет черепка в изломе - светло-серый.

Керамический комплекс, представленный на поселении, характеризуется стандартизацией форм и находит многочисленные аналогии на памятниках культуры архаического Дахистана, а также в Северо-Восточном Иране. В Хурвинском могильнике отмечены находки чаш с горизонтальной ручкой, кувшинов, аналогичных бенгуйванским. Репрезентативные формы Бенгуйвана: триподы, чаши с горизонтальной ручкой, тагора с утолщенным венчиком, кувшин, горшок со сливом и вертикальной ручкой, чаша с желобчатым сливом с боковой ручкой-существовали на поселении Тюрнг-тепе в период IV в., относящийся к ЖВ II (К л е з и у, 1982), что указывает на тесную взаимосвязь двух поселений и их синхронность.

Раскопки сравнительно небольшого участка верхнего слоя поселения показали существование элементов регулярной планировки при строительстве сооружений. Надо полагать, что два вскрытых дома принадлежали большесемейной общине.

На поселении отмечены находки ладьевидных зернотерок, свидетельствующие о возделывании зерновых культур. Многочисленные находки костей домашних животных дают основание полагать, что имело место и занятие скотоводством. Южнее, юго-восточнее и западнее поселения зафиксированы валы некогда действовавших каналов, обеспечивавших оазис водой.

Л И Т Е Р А Т У Р А

А г н е Т. Excavations at Shah-Tepe, Iran, 1945.

К л е з и у С. Железный век Тюрнг-тепе и его соотношения со Средней Азией. Дневнейшие культуры Бактрии. - Тез. симпозиума. Душанбе, 1982.

Костюченко В. П., Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В. Бенгюванский оазис поселений времени архаического Дахистана. - Каракумские древности, вып.4. Ашхабад, 1972.

Лисицына Г. Н. О работах в Юго-Западной Туркмении. - В кн.: Успехи среднеазиатской археологии. М., 1972, вып. 1.

Массон В. М. Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении. - Тр. ЮТАКЭ, 1956, т.7.

Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М.-Л., 1964.

Мурадова Э. А. Результаты работ на Бенгюване. - В кн.: Проблемы археологии Туркменистана. Ашхабад: Илим, 1984.

Чарьева Э. А. Исследование в Кизыл-Атрекском районе. - В кн.: Археологические открытия 1981 года. М., 1982.

Хлопин И. Н. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Л., 1983.

Хлопин И. Н. Сумбарские могильники - ключ для синхронизации памятников эпохи бронзы юга Средней Азии и Ирана.

Le plateau Iranien et L'Asie Centrale des origines a le conquête istamique. N 567. Paris, 1976.

Х. Юсупов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ УЗБОЯ И ПРОБЛЕМА ВОДНОГО ПУТИ ИЗ ИНДИИ В КАСПИЙ

Загадочный Узбой, рукав Амударьи, некогда впадавший в Каспийское море, является одним из интереснейших географических объектов Туркменистана. Он появился в пору существования первобытного человека. Благодаря ему были освоены огромные пространства прежде безводной пустыни и создана своеобразная культура. Многих исследователей интересовали вопросы, связанные со временем появления Узбоя, его заселением, принадлежностью культуры его обитателей и др. Их пытались решать специалисты - геологи, геоморфологи, археологи и историки (А.М.Коншин, В.А.Обручев, Л.С.Берг, А.И.Глуховской, А.С.Кесь, В.В.Бартольд, С.П.Толстов и др.). Но несмотря на боль-

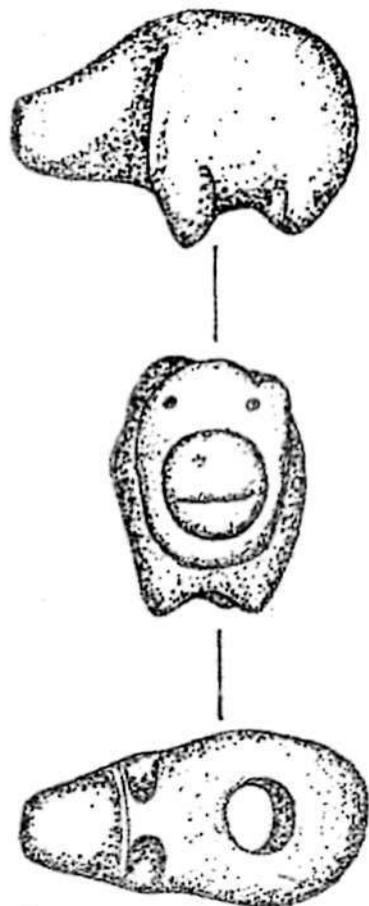
шую работу, сделанную названными авторами, некоторые выводы в их трудах отражали лишь уровень знания (накопление фактов) своего времени. Это относится прежде всего к археологии. Детальное многолетнее исследование пустынных и труднодоступных даже при современной технике берегов Узбоя дает нам основание пересмотреть многие предположения о периодах освоения данной территории. Так, С.П. Толстов относил заселение Узбоя к IV—III тыс. до н.э., а по материальной культуре обитателей Верхнего Узбоя связывал с локальным вариантом кельтеминарской культуры (Толстов, 1958, с.38-56; Низовья Амударьи..., с.292-293, 314; Итина, 1958, с.259-310).

Активное освоение региона происходит на Узбое в IV—III тыс. до н.э., когда он служил путем переселения и культурных связей между тремя важными регионами — низовьями Амударьи, Прикопетдагом и Прикаспием. Но это, вероятно, не первый этап существования первобытного человека на Узбое. Есть все основания предполагать, что человек проник в этот район гораздо раньше. По мнению П.И. Борисковского, это — эпоха мезолита (Борисковский, 1947, с.3-8). Мезолитическим был определен возраст коллекций А.А. Марущенко, собранных А.Ф. Ганялиным в 1952 г. между урочищами Куртышбаба и Джамал-Тоголок¹. Сборы последних лет, давшие многочисленный интересный материал со вновь открытых стоянок (на Верхнем Узбое в 1976 г., на Нижнем — в 1977-1983 гг.), типологический, морфологический и трасеологический анализы которого, а также аналогии с материалами из слоев памятников Прикаспия (Джебел, Дамдамчешме) позволили отодвинуть время заселения как Верхнего, так и Нижнего Узбоя в ранний неолит, финальный мезолит (Коробокова, Дусупов, 1976, 1977; Белова, 1982).

Археологические памятники эпохи бронзы и начала I тыс. до н.э. представлены несколькими развешенными стоянками, на которых наряду с одиночными целыми сосудами и обломками керамики, представлены кремневые наконечники стрел. Для эпохи первобытности Узбоя большой интерес представляет уникальная находка: небольшая скульптура каменного навершия палицы — медведя (рис.1), сделанная из зеленоватого серпентина (плотного камня). Она была найдена Гаражой —

¹ Отчет А.Ф. Ганялина хранится в архиве Отдела археологии Института истории им.Ш. Батyroва АН ТССР, ф.2, д.1.

Скульптура медведя (Гичгельды - Узбой).

участником географической экспедиции, возглавляемой В. Н. Куниным, в 1937 г. близ колодца Гичгельды (Верхний Узбой), на склоне возвышенности, где было туркменское (начало XIV - XV вв.) кладбище Мазарлык (Куниным, 1952, с. 197-200). Хотя эти случайные и немногочисленные находки не могли служить достаточным материалом для всесторонней характеристики жизни племен, населявших берега Узбоя и сопредельных с ним районов, однако в решение проблемы Узбоя они внесли определенный вклад (Итина, 1958, с. 260).

На основании исследования археологических памятников С. П. Толстов пришел к выводу, что во II тысячелетии до н. э. сток по Узбою уменьшается, а в период с первой половины I тысячелетия до н. э. окончательно прекращается, а сведения античных авторов относятся к Аральскому рукаву Аму-

дарьи (Толстов, 1948, с. 297-298, 306-307). Однако после обнаружения и обследования некоторых памятников (крепость Игды, караван-сарай Талайханата, Акяйла и др.) он допускал возможность кратковременного обводнения Узбоя в последующее время, а именно в конце IV - начале V в. н. э., после разрушения хорезмской ирригационной системы в результате распада рабовладельческого государства и после захвата Хорезма Тимуром в конце XIV в. н. э.¹ В обоих случаях прорыв воды произошел в результате разрушения ирригационных систем Хорезма и прекратился после их восстановления (Тол-

¹ С. П. Толстов в некоторых работах средневековое обводнение Узбоя связывал не только с разрушением ирригационных систем Хорезма Тимуром, но и с монгольским завоеванием (Толстов, 1958, с. 127; 1962, с. 236).

с т о в, 1958, с.257-258; 1962, с.233-235,267; Низовья Амударьи... с.23-24, 33, 319-323). Но этому противоречат не только исторические источники (данное противоречие С.П.Толстов относил за счет неосведомленности авторов и архаизации отмеченных в их сочинениях явлений), но и археологические памятники, обнаруженные в 70-80-х гг.

Сведения о низовьях Аракса - Окса - Амударьи (Узбой) отражены в работах древних авторов почти тысячелетнего периода от Геродота до Аммиана Марцеллина.

Геродот в рассказе о походе Кира II на массагетов сообщает, что Кир переправлялся через реку Аракс... Одно единственное устье Аракса течет по открытой местности (впадая в Каспийское море)¹ (Геродот, 1972, с.75). Если признать, что поход Кира на массагетов шел через Узбой, а это в свете современных данных наиболее вероятно (Пьянков, 1964, 1975; Юсупов, 1976), то Узбой был обводнен (функционировал) во второй половине VI в. до н.э.

На основании сведений последующих (древних) авторов о впадении Окса - Амударьи в Каспий и мнения исследователей по этому вопросу, а также в свете новых археологических открытий, сделанных в 70-е гг. на Узбое, нами сделана попытка подтвердить функционирование Узбоя в античное время (Юсупов, 1976). Что же касается сведений древних авторов, свидетельствующих о поступлении индийских товаров в Европу через Окс - Амударью, ввиду сложности и запутанности их, в литературе имеются различные, часто противоречивые, точки зрения. Попытаемся рассмотреть исторические сведения, проанализированные специалистами (В.В.Бартольд, И.В.Пьянков и др.) в свете новых археологических открытий, сделанных в последние годы на Узбое и в Присарыкамьшской дельте Амударьи сотрудниками Отдела археологии Института истории им.Ш.Батырова АН ТССР совместно с Присарыкамьшским отрядом Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР, возглавляемым Б.И.Вайнберг.

Страбон, опираясь на свидетельство участника похода Александра Македонского Аристобула об Амударье - Оксе, пишет о ней как о большой судоходной реке, по которой индийские товары возят до Гирканского

¹ Составителями данного сборника дается справка в примечании о том, что реку Аракс Геродот описывает по двум источникам, один из которых - скифско-эллинический; р.Аракс впадает с востока в Каспийское море (в настоящее время высохшее устье Амударьи - Узбой) (Геродот, с.508).

моря, а затем переправляют их в Евксинское (Черное) море. То же самое сообщают Страбон, Эратосфен со слов Патрекса и Плиний со слов Варрона (Б а р т о л ь д, 1965, с.27-31; Низовья Амударьи..., с.6). Аналогичное сведение имеется у Полибия, который, описывая местность, где живут анасиаки, указывает, что Окс впадает в Гирканское море, что это судоходная река, он удивляется при этом, каким образом кочевники переправлялись через Окс - Амударью со своими лошадьми, отправляясь сухим путем в Гирканию. Один из рассказов он считал правдоподобным, а другой невероятным, хотя не невозможным. Во втором рассказе говорится, что именно в местности выше (по течению реки) есть большие глыбы камня, к которым низвергается (река), их она силой течения выдалбливает, разрывает и протекает небольшое пространство под землей на (некоторой) глубине, потом снова показывается. Варвары, знакомые с местностью, по этому промежуточному месту проходят в Гирканию со своими лошадьми (Б а р т о л ь д, 1965, с.30; Низовья Амударьи..., с.6).

Если мнение А.Геррмана, сделанное на основании анализа сведений древних авторов о том, что по Узбою в древности протекала вода, что Кир переправился через Узбой около урочища Игды, что оттуда массагеты заманили его на Балхан, В.В.Бартольд считал спорным, то попытка доказать существование в древности водного пути из Бактрии до Черного моря (по Амударье, Узбою, Каспию, Куре и Риону) решительно им опровергнута (Б а р т о л ь д, 1965, с.297-299).

В.В.Бартольд в этих сведениях видел некоторые несоответствия: 1) вместе с указанием на то, что Гирканский рукав Окса - Амударьи судоходен, имеется сообщение о громадном водопаде при впадении Окса в море, который должен исключить возможность судоходства; 2) приведенные цифры расстояния между устьями Окса и Яксарта не соответствуют расстоянию между устьями Узбая и Сырдарьи, а приблизительно соответствуют расстоянию между устьями Амударьи и Сырдарьи по восточному берегу Арала. На этом основании В.В.Бартольд не решился утверждать, что Амударья в ту эпоху действительно впадала в Каспийское море, несмотря на согласное свидетельство древних авторов (Б а р т о л ь д, 1965, с.15-31).

С.П.Толстов, повторяя те же замечания к приводимому Полибием описанию о переправе "анасиаков" через реку сухим путем, отмечает, что Полибий, видимо, рисует примерно такую же картину Нижнего Узбая, которая существует и теперь - картину системы длинных озер

со значительными сухими перемычками между ними (Низовья Амударьи..., с.6 и сл.)¹.

Археологические памятники Присарыкамьшской дельты Амударьи и Узбоя начали всесторонне изучаться в 50-х гг. сотрудниками Хорезмской археолого-этнографической экспедиции под руководством С.П. Толстова. Был сделан вывод, как отмечено выше, что Узбой прекратил существование в первой половине I тыс. до н.э. - IV в. н.э. Данный вывод был сделан на основании того, что собственно античных памятников - оседлых поселений или следов ремесленного гончарного производства - на всем протяжении Узбоя не было обнаружено, а найденная малочисленная ремесленная керамика, обломки лепной "варварской" керамики, бронзовые трехперые втульчатые наконечники стрел скифского типа, датированные III-V вв. до н.э., отнесены к кочевникам-скотоводам (Низовья Амударьи..., с.23-24, 316-319).

Исключение составила крепость Игды, обследованная ими в 1954, 1956 гг. и датированная на основании керамических материалов концом античности IV-V вв. н.э. При этом отмечено сходство строительных материалов и фортификации с хорезмской античной архитектурой (Низовья Амударьи..., с.323; Толстов, 1962, с.236).

В 50-х гг. сотрудниками Хорезмской экспедиции были обследованы многочисленные археологические памятники в Присарыкамьшской дельте Амударьи, относящиеся к I тыс. до н.э. - середине I тыс. н.э. (безымянное крупное поселение Куусай 2, Куузелигыр, Калалыгыр I-2, Мангыркала, Гяуркала, Кангакала, Бутентаукала, Куняуз и др.). И хотя эти памятники имели важное значение для решения проблемы функционирования Узбоя в античности, с этой точки зрения материалы к сожалению, не были рассмотрены и был сделан вывод, что третий этап жизни Амударьи (второй этап - вторая половина II тыс. - начало I тыс. до н.э.) (Низовья Амударьи..., с. 24) характеризуется сокращением, осолонением и постепенным высыханием Сарыкамьша или, что ирригационная сеть античного периода захватывает почти всю территорию как Присарыкамьшья, так и района Южно-Акчадарьинского рукава, а разме-

¹ Если бы Узбой имел такую же картину, как теперь, как предполагает С.П. Толстов, то непонятно удивление Полибия, каким образом апасиаки переправлялись сухим путем через реку, когда можно было бы переходить в любом сухом месте. Какая речь может идти о водопаде, о подъемном течении реки и о судоходстве, если не функционировал Узбой? С другой стороны, на каких источниках (воды) могли существовать апасиаки, если русло Узбоя было безводным?

щение античных памятников показывает вместе с тем, что в начале нашей эры в Присарыкамьшской дельте еще продолжали функционировать некоторые протоки, но они до Сарыкамьша не доходили (Низовья Амударьи..., с.24-25). Также говорится, что многочисленные находки грубой "варварской" лепной керамики на протоках Даудана и Туныдарьи говорят о том, что поселения древних кочевников-скотоводов ранней античности были разбросаны по всей площади Присарыкамьшской дельты, в это время (в УП-IV вв. до н.э.) еще довольно сильно обводненный район, пересеченный протоками. Характер размещения античных памятников и оросительных сооружений архаического периода (УП-У вв. до н.э.), свидетельствует о том, что как основные русла, так и большинство боковых протоков Даудана и Дарьялка в этот переходный период были обводнены, хотя и в меньшей степени, чем в эпоху первобытности (Низовья Амударьи..., с. 180)¹. Таким образом, с одной стороны, всю воду разбирали на орошение, а с другой, - была еще сильно обводнена дельта. Одновременное существование нескольких крепостей на каждом протоке Присарыкамьшской дельты Амударьи не оставляет сомнения, что в Сарыкамьш в древности поступало достаточно воды. Это подтверждается выявленными в последние годы новыми археологическими памятниками на территории древней Присарыкамьшской дельты Амударьи, поселений Канга 2 и 3, Кузсай 2, Атсыз и другими памятниками раннежелезного² и раннеантичного периода (В а й н б е р г, Д у р д ы е в, Ю с у л о в, 1971; В а й н б е р г, 1972-1973, 1975, 1977, 1979 - 1981^а), существование которых связано с функционированием протоков Присарыкамьшской дельты Амударьи. Причем поселение Канга 3 расположено у устья Туныдарьи - Кангадарьи при впадении в

¹ Б.В. Андрианов, характеризуя памятники полуседлых скотоводов, отмечает, что подобные временные поселения скотоводов были широко разбросаны в Присарыкамьшской дельте, которая в УП-VI вв. до н.э. представляла собой сильно обводненный, пересеченный протоками, обильный заливыми лугами и озерами дельтовый район, напоминающий описание Геродота по поводу реки Аракс, которая в устье разделялась на 40 рукавов, из которых один "течет по открытой местности в Каспийское море с востока", а другие "падают в болота и лагуны" (А н д р и а н о в, 1969, с.148-151).

² Заслуга Б.И. Вайнберг - в выявлении и обследовании целой серии памятников железного века левобережного Хорезма (Северная Туркмения), результат ее кропотливой работы.

Сарыкамыш на правом берегу русла на юго-восточном пологом мысу Кангагыра, что не оставляет никаких сомнений о поступлении в IV–II вв. до н.э. по этим руслам в Сарыкамыш амударьинских вод. Следует отметить, что это — дельта самых южных протоков, отмиравших в первую очередь (Низовья Амударья..., с. 180; В а й н б е р г, 1979, с. 8.). Аналогичное явление можно наблюдать и по руслу Атсыз, протекавшему между Кангагыром и Тарым-кая, на берегах которого в последние годы сотрудниками Хорезмской экспедиции выявлены многочисленные памятники V–II вв. до н.э. и первых веков н.э. (В а й н б е р г, 1971–1973, 1975, 1977, 1979, 1981, 1981^a; отчет Б.И. Вайнберг о работе Присарыкамышского отряда Хорезмской экспедиции за 1980–1981 гг.).

Выявленные в последние годы археологические памятники Присарыкамышской дельты Амударьи наряду с ранее известными памятниками этого же района имеют немаловажное значение для решения проблемы функционирования Узоя в I тыс. до н.э. К тому же некоторые из этих памятников относятся к железному веку, которому посвящен настоящий сборник, поэтому небезынтересно вкратце их охарактеризовать.

П о с е л е н и е К у з с а й 2 в 13 км северо-восточнее крепости Шасенем, в нескольких километрах от возвышенности Куюсайгыр (Сакарчага). На местности поселение определяется по россыпи керамики, костям животных, фрагментам камней. Расположено оно на южном берегу древнего протока Южного Даудана, различающегося в виде слегка возвышающейся такырной полосы. Впервые оно было открыто и обследовано в 1953 г. археолого-топографическим отрядом Хорезмской экспедиции и датировано V–VI вв. до н.э., так называемой "варварской" керамикой (А н д р и а н о в, 1969, с. 151). В 1970–1971 гг. поселение обследовано археологическим отрядом Хорезмской экспедиции под руководством Б.И. Вайнберг (В а й н б е р г, 1971–1972, 1975, 1977, 1979).

Интенсивные скопления керамики позволили исследователям приблизительно определить основную площадь поселения, вытянутого в широтном направлении в пределах около 12 га (приблизительно 250–300х450 м). На месте интенсивных скоплений керамики и костей обнаружен только размытый культурный слой, но под участками "чистого" такыра найден нетронуемый культурный слой. В результате раскопок вскрыто более 600 м². Полностью раскопан дом площадью около 100 м², округлый в плане. Установлено, что жилище имело наземную конструкцию, стены либо харкасные (сохранились два ряда столбовых ямок на рас-

стоянии 40–50 см друг от друга), либо в виде плетня (ряд близко расположенных ямок). Выделены два периода в жизни дома, связанные с ремонтом пола и очага, располагавшегося в центре жилища. Очаг имеет прямоугольное очертание размером 1,8 x 1 м. Общая толщина культурных отложений в центре дома – 60 см. Наибольшая концентрация находок костей животных, посуды и других предметов хозяйственного инвентаря (железные ножи, пробойник, фрагменты бронзовых изделий, костяное долото, глиняные прясла, каменные зернотерки и терочники и т.д.) отмечены в южной части дома у входа и особенно вблизи очага. Здесь же встречены фрагменты жаровен и изделий типа светильника.

В 2 м к северо-востоку от описанного дома вскрыли незначительную часть края соседнего жилища, имевшего стены в виде частокола (плетня). К домам примыкают большие площади с незначительными остатками культурного слоя, хозяйственными ямами. Расчищено несколько очагов и скоплений печины, в районе которых встречены медные шлаки. Керамический комплекс своеобразен и не имеет аналогий. Основной набор форм: хумы с валикообразным венчиком или прямым краем, горшки и кувшинообразные сосуды различных размеров и на невысоком поддоне и без него, венчики чаще всего отсутствуют, горловина прямая, плечики покатые или с резким переходом к шаровидному или яйцевидному тулову, цилиндрической формы сосуды с округлым и плоским дном, открытые чаши на небольшом поддоне, круглодонные и плоскодонные сосуды с цилиндрическим носиком и ручкой и т.д. (рис. 2). Вся керамика ручной выделки, преобладает красное покрытие, изредка отмечается розоватый ангоб. Представлены также сосуды, сделанные на гончарном круге и хорошо известные по южно-туркменистанским комплексам типа Яз II и архаического Дахистана. Среди материалов – около 50 бронзовых наконечников стрел, среди которых преобладают двухлопастные втульчатые (рис. 3). Обильны следы меднолитейного производства, обработки бирюзы. Найдены серьги гвоздевидного типа и в виде согнутой проволоки с утолщенными концами, ромбические подвески из бирюзы и лазурита, бусы из этих материалов и сердолика, белого камня, раковин, костяные гребни, ядра для пращи. Бронзовые наконечники стрел, гвоздевидная серьга и сосуды из комплексов Яз II и архаического Дахистана позволили датировать памятник УП–УІ вв. до н.э. (Валянберг, 1971–1972, 1975, 1977, 1979). На основании раскопок этого поселения и могильников Тумеккичижик и Тарыккая I выделена курсайская культура раннего железного века.

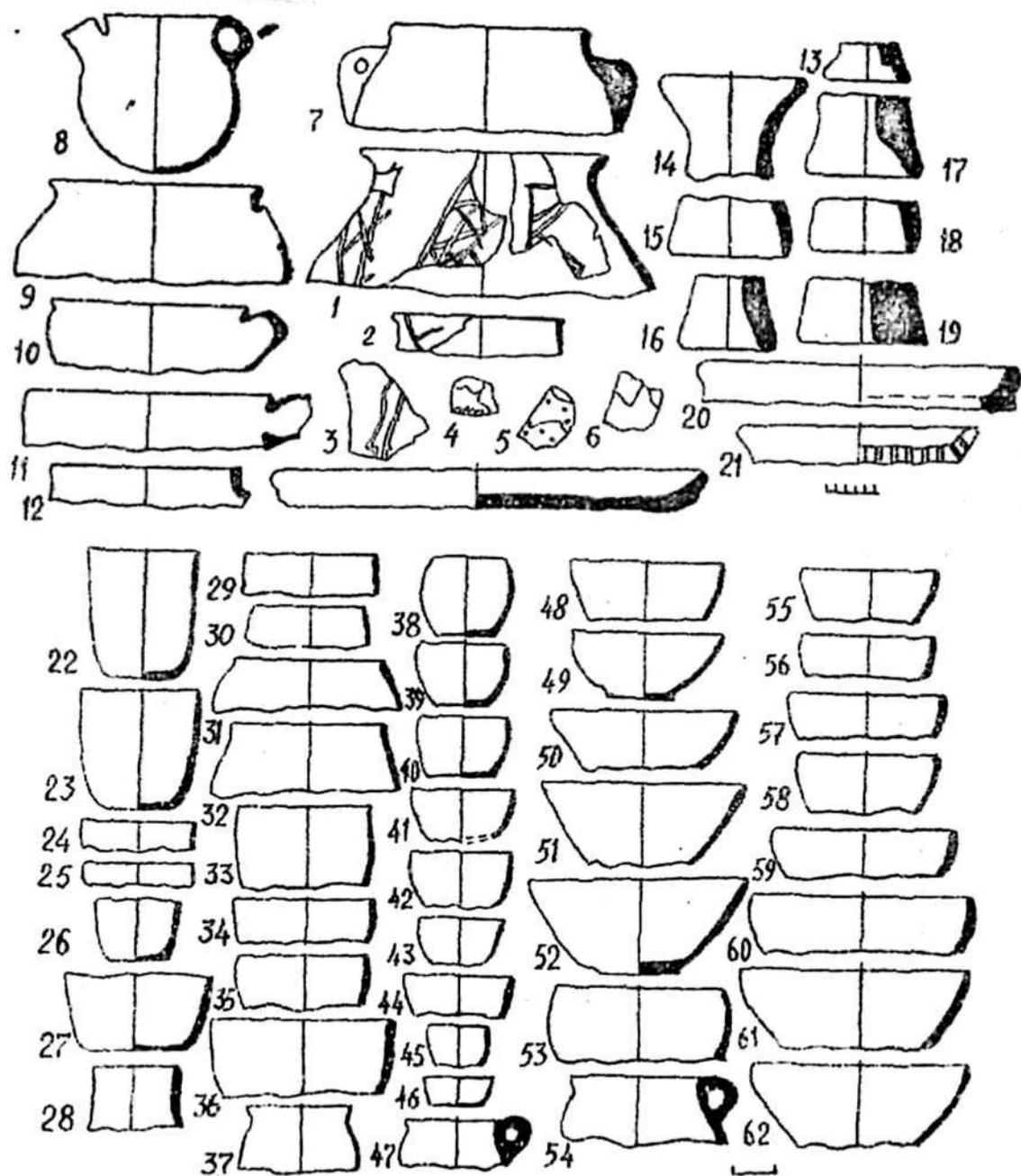

Рис. 2.

Керамика с поселения Куюсай 2.

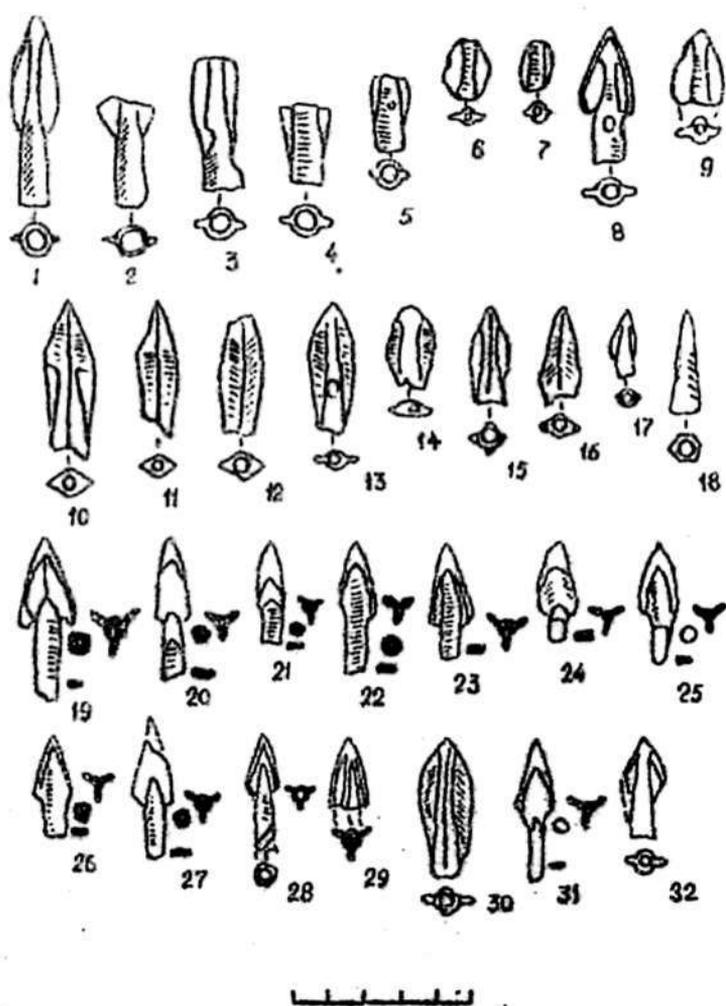

Рис. 3.

Бронзовые наконечники стрел с поселения Курсай 2.

Поселение Канга ²¹ расположено приблизительно в 2 км южнее античной крепости Канга, на одном из восточных, выступающих останцев мысов одноименного кыра. Это типичная крепость-убежище. Доступ на возвышенность возможен только с западной стороны, соединяю-

¹ Поселение было открыто и обследовано в 1970 г. отрядом Хорезмской экспедиции АН СССР (Б.И. Вайнберг) и Отделом археологии Института истории им. Ш. Батырова АН ТССР (Д. Дурдыев и Х. Сулов).

щейся узкой грядой с основным массивом Кангагыра. Именно с этой стороны территория поселения отгорожена невысоким (в настоящее время) широким валом и оплывшим рвом. Ширина вала-около 9 м, высота - 1-1,5 м. Сохранившиеся в некоторых местах известняковые плиты позволяют предполагать, что "вал" был облицован. Другие стороны возвышенности имели крутые склоны без специальных защитных сооружений. На краях северной и северо-западной частей поселения образовались неглубокие впадины. Именно на этом участке отмечен пологий подъем. Площадь поселения имеет подтреугольную планировку и представляет собой типичное убежище с использованием естественных преград. Культурный слой невелик, его остатки размыты и подъемный материал сильно фрагментирован. Основная масса керамики грубая, ручной лепки с обильной примесью песка, дресвы или толченых раковин и имеет костровой обжиг. В небольшом количестве представлены фрагменты столовой посуды, изготовленной из хорошо отмученной глины с примесью шамота. Эти материалы по форме и фактуре аналогичны материалам из остальных поселений Присарыкамьшской дельты Амударьи, датированным VI-V вв. до н.э. (В а й н б е р г, Д у р д ы е в, Ю с у п о в, 1971). На памятнике обнаружено много обугленных остатков дерева, отпечатки камыша в обожженной глине и остатки горелого камыша, позволившие предполагать, что поселение оставлено в результате какого-то бедствия. На восточном крае возвышенности в результате раскопок выявлено несколько хозяйственных ям, в которых наряду с керамикой найдены кости животных, рыб и клык кабана. На некоторых обломках по горлу или плечикам нанесен орнамент в виде косых линий - насечек, что позволило Д.Дурдыеву датировать материал из хозяйственных ям X-III вв. до н.э. и высказать предположение, что поселение как удобное естественное убежище обживалось периодически и долго в X-III и в VI-V вв. до н.э.

Расположение Канга 2 на самом высоком мысу свидетельствует о полноводности Кангадарьи, во всяком случае в VI-V вв. до н.э.

Крупное раннеантичное поселение Канга 3 открыто в 1961 г. археологическим отрядом Отдела археологии Института истории им.Ш.Батырова АН ТССР на самом юго-восточном пологом мысе Кангагыр, на стыке Ишекангыра и Кангагыра, где проходит русло Кангадарьи в сторону Сарыкамьша. Поселение состоит из двух частей: северо-восточной и юго-западной. Расстояние между ними - около 300 м. В обоих случаях сохранились следы планировки из сыр-

да (пахсы) и камня. Культурный слой невелик (очень рыхлый). Подземный материал — керамика как круговая (хорезмийская), так и лепная (куусайского облика). Керамику дополняет большое количество бронзовых трехлопастных втульчатых наконечников (около 30 экз.) стрел IV—II вв. до н.э.

Поселение на юго-западном мысе возвышенности Тарымкая открыто в 1974 г. археологическим отрядом Хорезмской экспедиции АН СССР под руководством Б.И.Вайнберг. Это типичное убежище со стеной, отсекающей естественный мыс. Часть его предназначалась для скота. Раскопом зафиксированы стратиграфические горизонты и хозяйственная яма, расчищено четыре помещения. В материале преобладают керамика куусайского типа, хорезмская античная посуда, более десятка бронзовых наконечников стрел и их фрагментов. Все они трехгранные и трехлопастные втульчатые, известные по комплексам У—IV и IV—II вв. до н.э. (В а й н б е р г, 1979, с.25—27). Поселения с аналогичными находками были обнаружены Присарыкамьшским отрядом Хорезмской экспедиции (Б.И.Вайнберг) вдоль левого берега древнего русла Атсыз у подножья Тарымкая. В районе между возвышенностями Тарымкая и Кангагыр обнаружена целая серия поселений. Усадьбы располагаются на расстоянии в 50—100 м. На ряде поселений различается планировка (В а й н б е р г, 1979, с.27).

Крупное поселение кангагырского времени (IV—II вв. до н.э.) выявлено в последние годы в 23 км юго-западнее Шасенем под юго-восточным мысом — обрывом Гяургыр (Аман-Даг), у подножия самой западной гряды песка, идущей с возвышенности к такыру, получившее название — Хатыб (Раскопки 1979 г.; Д с у п о в, 1980, с.73) и Гяур 3 (Раскопки Хорезмской экспедиции 1980 г.; В а й н б е р г, 1981, с.464).

В центре на площади 170х150 м расположена компактная застройка, обнесенная мощной пахсовой стеной (около 6 м в основании). В ней выделяется круглое в плане здание из сырцового кирпича, сохранившееся на высоту до 2 м. Диаметр здания — 24 м по внешнему контуру. С севера к нему примыкает подковообразное в плане помещение (6х5 м). Внутренние стены здания в виде хорд или их отрезков делят его на пять помещений с большим прямоугольным залом в центре (9,6х7,1 м) и сегментовидными помещениями по сторонам. За-

фиксированы два "стратиграфических периода"¹, причем существенных изменений в планировке и функциях здания не наблюдается. Строение погребено от пожара и поэтому в ряде помещений верхний культурный слой насыщен обильными находками. Получена яркая коллекция керамики; гончарная хорезмская посуда раннекангюйского комплекса и лепная посуда, представлявшая еще один неизвестный до этого этап кюсайской культуры Хорезма. В его окрестностях на площади около 4 км² выявлен комплекс одновременных поселений, состоящих из нескольких сильно разрушенных домов-усадеб, большинство которых включает прежде всего большой прямоугольный дом, часто с остатками каменных баз для опорных столбов перекрытия. Все постройки связаны с естественными протоками русла Туныдарьи. Канал Черменяб пересек постройки поселения, частично разрушив их, что позволяет датировать его более поздним временем².

Итак, в большом количестве выявленные и обследованные в последнее десятилетие археологические памятники в зоне Южного Давдана, относящиеся к I тыс. до н.э., показывают, что сток в Сарыкамыш происходил и в это время. Памятники кюсайской культуры в настоящее время известны лишь в южной части Присарыкамья (В а й н б е р г, 1979, с.8), эти поселения располагались непосредственно по берегам боковых протоков русла Южного Давдана (Низовья Амударьи..., с.179; В а й н б е р г, 1979, с.81), что не оставляет никакого сомнения в том, что в I тыс. до н.э. (с III в. до н.э.) не только по Южному Давдану в Сарыкамыш поступало достаточно мно-

¹ В 1981 г. Б.И.Вайнберг раскопала аналогичное здание на крепости Калалыгыр 2, где удалось установить, что нижний слой - засыпка цоколя, так что практически круглое здание Гяуркала 3 - однослойное.

² Б.В.Андрианов отмечает, что оросительная сеть гяуркалинского оазиса, занимающего свыше 3 тыс. га, неоднократно перестраивалась и выделяет ряд этапов, третий из которых падает на расцвет городищ Гяуркала 1, 2, когда было создано основное магистральное русло канала Черменяб, объединившее короткие самостоятельные системы на всей обширной территории. В кангюйское время были объединены шахсенемский и кюсайский участки общей протяженностью в 50 км; в куланский период - шахсенемский и гяуркалинский участки (А н д р и а н о в, 1969, с.161-168). К моменту создания русла канала Черменяб поселение, видимо, уже пришло в упадок и запустение.

го воды, но и остальные дельты Даудана и Дарьялыка функционировали, т.к., по мнению геоморфологов (А.С.Кесь), осушение дельты началось с юга (Низовья Амударьи..., с.180). Об этом свидетельствует и тот факт, что окрестности северо-западных античных городов и крепостей, как отмечали исследователи, орошались из небольших каналов, бравших начало непосредственно из Дарьялыка или Даудана (А н д р и а н о в, 1969, с.151-168). Топографическое положение большинства городов-крепостей на останцовых возвышенностях или на обрывах Устюрта вблизи русел свидетельствует об обводнении протоков Присарыкамьшской дельты и в частности Дарьялыка и Северного Даудана (Низовья Амударьи..., с.191-193; Т о л с т о в, 1958, с.20-22).

Ссылаясь на работу А.Г.Глуховского, Л.С.Берг отмечает, что "нужно слускать по Куныдарье 70 куб.саж.воды ежесекундно в течение 15-17 лет. При этом по Узбою будет стекать 43 саж. ежесекундно" (Б е р г, 1908, с.90). Развивая исследования предшественников, А.С.Кесь также пришла к выводу, что для заполнения Сарыкамьша и образования стока воды в Узбой требовалось 15-17 лет при пропуске воды по Куныдарье 680 м³/с, при этом по Узбою течение будет лишь 125 м³/с (К е с ь, 1939, с.107).

До П в. до н.э., как показывают археологические памятники, сток в Сарыкамьш шел по всем протокам Присарыкамьшской дельты, что должно было обеспечивать полноводность Сарыкамьша регулярный сток в Узбой. Это подтверждается и археологическими памятниками, выявленными за последнее время на Узбое (Ю с у п о в, 1976). Здесь же в последние годы вместе с другими ранее известными памятниками исследовалась крепость Игды, воздвигнутая на далекой северной границе Парфянского государства. Игдыкала расположена в стороне от лобых (разновременных) караванных троп, что подчеркивает особое ее назначение - контроль водного пути по Узбою.

В результате раскопок получен ценный керамический материал. В богатом и разнообразном комплексе представлены кумы, хумчи, кувшины разных размеров, по форме и фактуре находящие близкие аналогии в основном в материалах из парфянских памятников подгорной полосы Копетдага I в. до н.э. - I в. н.э.

Особый интерес представляют обследованные многочисленные погребальные памятники скотоводов, базировавшихся на берегах реки (IV в. до н.э. - IV в. н.э.) и крупное разветвленное поселение на

северо-западном берегу Келькора с так называемой "варварской" лепной керамикой. По берегам Узоя известны находки целых сосудов, да-тируемых архаическим и античным временем (Ю с у п о в, 1976). По-гребальные памятники — это, как правило, каменные наземные склепы с многократными захоронениями на древнем горизонте (без засыпки землей). С последних веков до н.э. в них появляются и массовые со-суды — костехранилища типа оссуариев. Многократность использования склепов, особенности погребального обряда говорят о постоянном на-селении у берегов Узоя. Особое место занимает культовый комплекс на берегу Узоя — Ичянлыдепе (У-П вв. до н.э.) (В а й н б е р г, Ю с у п о в, 1981, с.29-31), расположенный в центре крупнейшего могильника скотоводов — Дордульского. В комплексе находок с Ичян-лыдепе имеются гончарные сосуды как из соседних областей Средней Азии, так и, очевидно, из закавказских ремесленных центров, что позволяет сделать заключение о значительной заселенности Узоя с середины I тыс. до н.э. до поздней античности и о функционирова-нии Узоя в это время.

В 1982 г. на Нижнем Узое, на северо-западном берегу Келько-ра, почти у истока Актама, на его левом берегу выявлено развей-ное поселение-стойбище, давшее вместе с керамикой (обломками кру-говых лепных сосудов), трехлопастные бронзовые втульчатые и желе-зные черешковые наконечники стрел, несколько зернотерок, точильные камни или камни для обработки кожи. Недалеко от этого поселений, около 1 км в юго-западном направлении, на северо-западном берегу Келькора, в 300 м от берегового вала выявлен сильно разрушенный могильник¹ с захоронением в меридиональных ямах и в сосудах оссу-арного типа. Поселения и могильник по керамическому материалу и наконечникам стрел аналогичны памятникам древних скотоводов Узоя IV-П вв. до н.э. Функционировать описанное поселение могло только при условии обводнения Узоя.

Что же касается первых веков н.э., то южные протоки дельты левобережной Амударьи перестают функционировать. Это подтверж-дает, как справедливо подчеркнули исследователи, что в кушанский пе-риод отдельные звенья системы Черменяба объединяются в единую сис-

¹ В смывах восточного конца такыра от некоторых погребений в котловинах выдувания найдены мелкие сосуды уже в перемещенном виде.

тему (Низовья Амударьи..., с.192-193)¹. Именно в связи с усыханием и отмиранием самых южных протоков Даудана и Туныдарьи для обеспечения водой юго-западных районов Присарыкамьшской дельты в I в. н.э. было предпринято строительство грандиозного канала Черменяб (В а й н б е р г Б. И. Отчет о работе Присарыкамьшского отряда Хорезмской экспедиции в 1961 г.). Однако обводнение Дарьялика и Северного Даудана подтверждается наличием слоев первых веков н.э. в таких памятниках, как Девкескен, Бутентаукала I и II, Каладжикбаба, Курганкала и Мангыркала, обеспечивавшихся водой только из естественных русел и расположенных на периферии дельты, вблизи Сарыкамьша. Руслу эти имели сток в Сарыкамьшское озеро (В а й н б е р г, 1961, с.125), достаточный для обводнения Узбоя. Это подтверждается наличием крепости Игды и других памятников первых веков н.э. на Узбое (П с у п о в, 1976; 1979).

В связи с функционированием Узбоя в античности интересными представляются результаты изучения видового состава растительных остатков, содержащихся в горизонтах торфоподобной массы новокаспийских отложений за историческое время. Относя формирование этих масс к XI-V вв. до н.э., С.К.Самсонов связывает их образование со стоком пресных вод по Узбою. При этом он отмечает продолжение стока пресных вод по Узбою еще некоторое время, примерно до I в. н.э., что подтверждается временем формирования Узбоя, русловых гряд, впадины Келькор и другими факторами (С а м с о н о в, 1963, с.105-108).

Обмеление Присарыкамьшской дельты Амударьи и поворот основного стока Амударьи в Аральское море, очевидно, происходит около V в. н.э. Это подтверждается и заключением С.П.Толстова о практически полном отсутствии на всем пространстве огромной Присарыкамьшской дельты афригидских памятников (Низовья Амударьи..., с.194, 196). Б.И.Вайнберг отмечает, что после V в. н.э. территория Присарыкамьшской дельты заустевает на несколько веков (В а й н б е р г, 1961, с.127)². Аналогичное явление - отсутствие археологических па-

¹ Нельзя согласиться, что Черменяб выводился из главного русла Амударьи, так как в данном случае он должен был пересечь обводненное русло Северного Даудана (на нем стоит Мангыркала, датированная первыми веками н.э. - IV-V вв. н.э.).

² Исключения составляют отдельные пункты, связанные, скорее всего, с холодцами и караванными путями, например, Шахсенем, где встречена в подьемке монета III в. н.э.

мятников У-ХП вв. н.э. - наблюдается и на Узбое (Ю с у п о в, 1976, 1980, 1980^а).

Итак, на современном уровне знаний можно сделать вывод, что с УП в. до н.э. до IV-V вв. н.э. функционировала Присарыкамьшская дельта Амударьи, обеспечивался высокий уровень стояния воды в Сарыкамьше и существовал сток по Узбою (Ю с у п о в, 1976).

В Присарыкамьшской дельте, несмотря на тщательные поиски, памятников эпохи бронзы не обнаружено. Между эпохой неолита (энеолита) и кюсайской культурой (с УП в. до н.э.) существует лакуна. Вероятно, в это время основной сток Амударьи шел по Акчадарьинским руслам. После обводнения Присарыкамьшской дельты с УП в. до н.э. начинается сток в Сарыкамьш. Данными об обводнении Узбоя в УП в. до н.э. мы не располагаем, но в VI в. до н.э. сток по руслам Присарыкамьшской дельты был, бесспорно, достаточным для обводнения Узбоя, так как Кир в своем походе на массагетов переправляется через эту водную преграду.

Таким образом, современные археологические данные полностью подтверждают сведения античных авторов об обводнении Узбоя, что заставляет нас с доверием отнестись и к их сообщению о водном торговом пути из Индии в Каспий. О древних взаимоотношениях народов Средней Азии и Индии исследователи отмечали неоднократно. Среди археологических материалов с Узбоя, свидетельствующих о среднеазиатско-индийских контактах, имеются и экземпляры бус из полудрагоценных камней (рис 4, 1-3), найденные в курганных памятниках Узбоя - Акяйла I (Гаплангыр) и Мелегоч 4 (Чолингыр), датированных IV-V вв. до н.э. Аналогии подобным бусам известны из кургана Тузгыр Присарыкамьшской дельты Амударьи и на памятниках степных племен бассейна Жанадарьи - древнего русла Сырдарьи (Чирик-Рабат, курган 1), датированных У-П вв. до н.э. (Т р у д н о в с к а я, 1979, с.83-85). Водопады вряд ли были столь серьезным препятствием, так как около них суда обносили по берегу. Именно с одним из таких наиболее трудных "волоков" и связано расположение Игдыкала - крепости парфян и ранних сасанидов, контролировавшей узбойский участок пути. Возникновение этого торгового пути есть основание относить к позднеахеменидской эпохе (У-IV вв. до н.э.), с этого времени на берегах Узбоя появляется значительное население. Возможно, часть данного пути использовалась для связи между северными сатрапиями позднеахеменидской державы (Хорезм, массагеты, Закавказье).

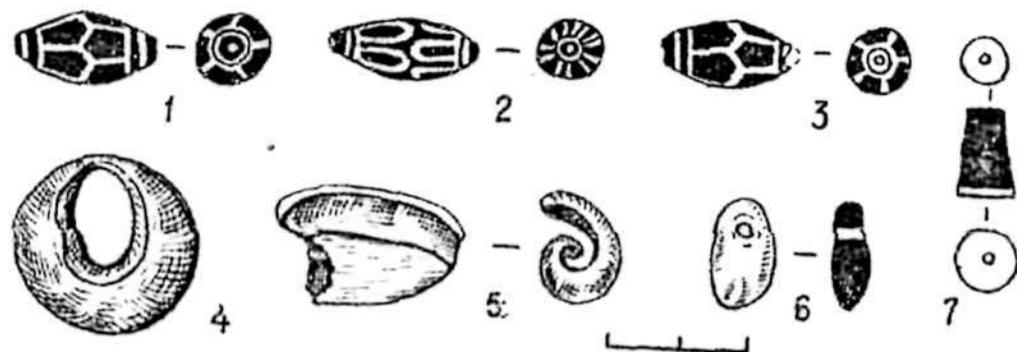

Рис. 4.

Бусы и раковины из курганных памятников Узбоа.

ЛИТЕРАТУРА

А н д р и а н о в В.В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969.

Б а р т о л ь д В.В. Соч., т.3. М., 1965.

Б е л о в а Л.А. Новые стоянки каменного века на Нижнем Узбое.- Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук, 1962, № 1.

Б е р г Л.С. Аральское море. Опыт физико-географической монографии. Спб., 1908.

Б о р и с н о в с к и й П.И. Палеолитические местонахождения в Туркмении. - КСИИМК, 1947, вып. 18.

В а й н б е р г Б.И., Д у р д ы е в Дж., Ю с у п о в Х. Разведочные работы в Северной Туркмении. - АО, 1970, 1971.

В а й н б е р г Б.И. Новая культура раннего железного века в левобережном Хорезме. - АО, 1971, 1972.

В а й н б е р г Б.И. Могильник туркмен-кичижек в Северной Туркмении. - АО, 1972, 1973.

В а й н б е р г В.И. Кухсайская культура раннего железного века в Присарыкамшской дельте Амударьи. - УСА, 1975, вып. 3.

В а й н б е р г В.И. Памятник раннего железного века в Се-

верной Туркмении. - ИД, 1977, вып. 5.

В а й н б е р г Б.И. Памятник курсайской культуры. - Тр. ХАЭЭ, 1979, т. II.

В а й н б е р г Б.И. Памятники курсайской культуры. - В кн.: Кочевники на границах Хорезма. М., 1980.

В а й н б е р г Б.И. Скотоводческие племена в древнем Хорезме. Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981.

В а й н б е р г Б.И., Ю с у п о в Х. Культурный комплекс древних скотоводов на Узбое. - Тез. докл. конф. "Культурные взаимодействия народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье". М., 1981.

В а й н б е р г Б.И. Поселение Гяур 3. - АО, 1980, 1981.

Г е р о д о т История. М., 1972.

Г л у х о в с к о й А.И. Пропуск вод реки Аму-Дарьи по старому ее руслу в Каспийское море. Спб., 1893.

Д у р д м е в Д. Канга 2 - поселение эпохи поздней бронзы. (В печати).

И т и н а М.А. Памятники первобытной культуры Верхнего Узбоя. - Тр. ХАЭЭ, 1958, т. 2.

К е с ь А.С. Русло Узбоя и его генезис. - ТИГ, 1939, т. 30.

К о н ш и н А.М. Разъяснение вопроса о древнем течении Амударьи по современным геологическим и физико-географическим данным. ЭРГО по общ.-геогр., т. 33, 1. Спб., 1897.

К о р о б к о в а Г.Ф., Ю с у п о в Х. Открытие новых стоянок каменного века на Верхнем Узбое. - Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук, 1976, № 5.

К о р о б к о в а Г.Ф., Ю с у п о в Х. Хозяйство неолитических племен Верхнего Узбоя. - Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук, 1977, № 5.

К у н и н В.Н. Каракумские записи. М., 1952.

Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой. - МХЭ, 1960, вып. 3.

О б р у ч е в В.А. Закаспийская низменность. Записки РГО по общей географии, т. 20, № 3. Спб., 1890.

П ь я н к о в И.В. К вопросу о маршруте похода Кира II на массагетов. - ВДИ, 1964, вып. 3.

П ь я н к о в И.В. Массагеты Геродота. - ВДИ, 1975, вып. 2.

С а м с о н о в С.К. Палеогеография Западной Туркмении в новокаспийское время. М., 1963.

- Страбон География. М., 1964.
- Толстов С.П. По следам древнехорезмской цивилизации. М., 1948.
- Толстов С.П. Работы ХАЭЭ АН СССР в 1949-1953 гг. - ТХЭ, 1958, т.2.
- Толстов С.П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955-1956 гг. - СА, 1958^а, № 1.
- Трундовская С.А. Об одной редкой серии индийских бус в Юго-Восточном Приаралье. - В кн.: Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
- Дсупов Х. О городе Балхан и гавани ал-Бухайре. - Изв. АН ТССР, Сер. обществ. наук, 1975, № 1.
- Дсупов Х. Узбой в античное время в свете новых археологических данных. - Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук, 1976, № 6.
- Дсупов Х. Игдикала - парфянская крепость на Узбое. - В кн.: Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
- Дсупов Х. Еще раз о столице Кидаритов. - Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук, 1980, № 2.
- Дсупов Х. Обводнение Узбоя в средние века. - В кн.: Новые исследования по археологии Туркменистана. Ашхабад, 1980^а.
- Дсупов Х. Разведка вдоль трассы второй очереди Имлынского обводнительного канала. - Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук, 1980^б, № 5.

Т.Н.Заднепровская, Д.А.Заднепровский

ОСНОВНАЯ СОВРЕМЕННАЯ СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
ПО АРХЕОЛОГИИ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА
СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА (1959-1982 гг.)

В настоящей библиографии представлена основная литература по раннежелезному веку Средней Азии и Казахстана, начиная с 1959 г., когда вышла книга В.М.Массона "Древнеземледельческая культура Маргианы". В ней опубликованы результаты изучения в 1954-1956 гг. Яз-депе, ставшего эталонным памятником, и обобщены итоги предшест-

вующих исследований культуры раннего железного века всей Средней Азии, начиная с первых работ американской экспедиции Р. Пампелли на холмах Анау в начале XX столетия.

Следует отметить, что с начала 70-х гг., как легко можно убедиться, значительно увеличивается количество публикаций и, следовательно, возрастает интерес к памятникам эпохи раннего железа.

На территории древней Маргианы и Парфии комплексы поры Анау IУа и Яз I к настоящему времени изучены в следующих четырех оазисах:

1. В низовьях Мургаба - на основном памятнике Яз-Депе (52, 62), а также на древних протоках в глубине пустыни (51).

2. В земледельческих оазисах на северных склонах Копетдага, кроме Анау также в Елькен-депе (48, 50), Яшиллы (Яшиллы 45), Улуг-депе (54, 55) и на ряде небольших поселений (40, 44, 46).

3. На территории архаического Дахистана (9, 41, 49, 63) и в долине Сумбара (64).

4. На среднем течении Амударьи в районе Чарджоу - на Одей-депе (53).

Данные, накопленные после 1959 г., сведены и проанализированы в кандидатской работе Г. Гутлыева (1974) (43). В настоящее время эти исследования продолжаются. Памятники последующего - ахеменидского периода (Яз II) выявлены на небольших поселениях и исследованы на развалинах древнего Мерва. Основные результаты изложены в ряде работ (56-60), а также в кандидатских диссертациях З. Усмановой (1969) (56) и М. И. Филанович (1974) (61).

На землях Северной Бактрии синхронные памятники выделены в культуру Кучук-тепе (кучукскую культуру), опорными пунктами которой являются Кучук-тепе (67, 68, 70, 72, 74, 76), Миршаде (77, 95), Кызылча (106) и др. Сведения о них обобщены в кандидатской диссертации А. Сагдуллаева (1978, 104). К более позднему времени относятся городище Кызыл-тепе (101) Тахти-Сангин или Каменное городище (88, 89), Пшак-тепе (75, 80), Болдай-тепе (82), Тамошотепе (65, 66) и др. Опубликованы сводки памятников ахеменидской поры (94, 97-100). В Южной Бактрии на территории Афганистана аналогичный комплекс выявлен на Тилля-тепе (108) и на новых материалах рассматриваются вопросы генезиса и распространения комплексов Яз I в целом (109, 6, 73, 84). Особое значение для изучения культуры древней Бактрии имеют материалы Амударьинского клада (69, 85-87). По археологическим материалам Бактрии исследуются также проб-

лемы истории орошения (91), палеогеографии (78, 79) и палеоантропологии (83).

На территории Согда культуры поздней расписной керамики поры Яз I и Кучука представлены Чиракчинским поселением (112) и небольшими памятниками в долине Кашка-Дарьи (107, 118), а также единичными находками на Ер-Кургане (119, 120). Наиболее важное значение имеет открытие ранних слоев Афрасиаб I на городище Афрасиаб — столичном центре Согда (111, 114 — 115, 121, 125—128), позволяющее составить представление о характере древнейшего поселения (Мараканды), а также в Бухаре (110). Объектом больших стационарных исследований служит многослойное крупнейшее городище Ер-Курган (113, 119—120). Слои ахеменидской поры выявлены также на ряде поселений Бухарского оазиса (123). В обобщающих работах по истории орошения Зеравшана и Бухарского оазиса рассматривается вопрос о древнейших этапах ирригации края (91, 116, 117).

В Ферганской долине широко исследованы поселения Чуст (155, 171—178), Дальверин (140, 143—151), Ошское поселение (154), Ашкалтепе (139) и др., которые характеризуют начальный этап истории земледельческого населения края. Эти памятники чустской культуры по местной периодизации относятся к периоду поздней бронзы и синхронны памятникам раннежелезного века южных областей Средней Азии (32, 70, 73, 152). Результаты многолетних исследований их обобщены в докторской диссертации Ю.А.Заднепровского (1978) (152). Стоянки синхронного населения иной культуры изучены в Кайрак-Кумах на северо-западе Ферганы (156). Опорные поселения эпохи раннего железа (ахеменидской поры): городище Эйлатан (142, 144, 158—159) на востоке и Нур-тепе (119 — 120, 157) на западе и др. (136). Могильники земледельцев этого периода раскопаны в Южной Фергане (133 — 135, 137), на северо-западе (163 — 169) и на востоке, результаты изучения их отражены в публикациях.

К рассматриваемому периоду в Ташкентском оазисе относятся поселения бургулюкской культуры, близкие чустским памятникам Ферганы и комплексу Кучук на территории Северной Бактрии (181—186).

На территории древнего Хорезма выявлены памятники амирабадской культуры эпохи поздней бронзы — IX—VIII (X—VIII) вв. до н.э., синхронные рассматриваемым комплексам раннежелезного века. В правобережном Хорезме наиболее изучено поселение Якке-Парсен 2 и др. (194—196, 200). К более позднему времени VII—VI вв. до н.э. относятся кузсайская культура в Присарыкамьшской впадине Амуларьи.

Здесь изучены поселения с наземными жилищами и землянками, а также курганные захоронения (188-189, 193). Эти поселения сосуществовали с поселениями архаической культуры, представленными крупнейшим городищем Кюзелигыр в левобережном Хорезме (190, 196). К середине I тыс. до н.э. относится полностью исследованная усадьба Дингильдже в правобережном Хорезме (192). Широкомасштабные исследования остатков древней ирригации в Хорезме - образцовые в среднеазиатской археологии (187, 193, 196).

Неразрывное сосуществование земледельческого населения с кочевниками и скотоводами отмечается повсеместно в Средней Азии и на протяжении раннежелезного века. Учитывая специфику культуры последних, литература о саках и других номадах выделена в отдельный раздел. В публикациях отражены материалы, добытые в основных центрах кочевого мира - в Семиречье (238, 239, 242-248) и на Тянь-Шане (255, 259, 264, 266), в Приаралье и Прикаспии (268-279, 281-285) и в Ташкентском оазисе (223), в Алае (141, 144, 237) и на Памире (227-236), а также в долине Зеравшана, в Согде (225-226) и в долине Сумбара в Юго-Западной Туркмении (280). Особое внимание уделялось изучению сакского искусства "звериного стиля" (204-206, 240-241, 243, 246, 251-253, 258) и вопросам идеологии, отраженным в художественных изделиях (206, 212-215, 220). Опубликованы палеоантропологические исследования (8, 209, 256, 279), характеризующие физический облик кочевого населения и составляющие важный источник изучения вопросов этногенеза.

В первом Общем отделе помещены работы, посвященные итогам археологического изучения, и соответствующие разделы трудов по истории Среднеазиатских республик, наиболее важные научно-популярные книги, а также работы по общим проблемам истории и археологии эпохи раннего железа.

Общие вопросы

1. Акишев К.А. Археология в Казахстане за советский период. - СА, 1967, № 4, с. 62-78.
2. Акишев К.А. Археология Казахстана. Основные направления и итоги. - СА, 1978, № 1, с. 5-14.
3. Аскаров А. Еще раз о древних путях на юге Узбекистана. - ОНУз, 1982, № 7, с. 46-49.

4. А т а г а р р ы е в Е.А., Б е р д ы е в О.К. Археологическое изучение Туркменистана за годы Советской власти. - СА, 1967, № 3, с. 124-141.
5. В и н н и к Д.Ф. Пятьдесят лет советской археологии в Киргизии. - СА, 1967, № 4, с. 79-92, ил.
6. В о р о б ь е в а М.Г. Проблема "Большого Хорезма" и археология. - В кн.: Этнография и археология Средней Азии. М., 1979, с. 38-42.
7. Г а ф у р о в Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история /АН СССР, ИВ. М.: Наука, 1972. - 664 с., ил., карт.
8. Г и н з б у р г В.В., Т р о ф и м о в а Т.А. Палеоантропология Средней Азии /АН СССР, ИЭ. М.: Наука, 1972. - 372 с., ил., карт. Библиогр.: с. 344-364.
9. З а д н е п р о в с к и й Ю.А. К истории оазисного расселения в первобытной Средней Азии. - КСИА, 1981, вып. 167, с. 23-29, карт.
10. З а д н е п р о в с к и й Ю.А. Преемственность и инновации в развитии культуры (По материалам древней Ферганы). - В кн.: Преемственность и инновации в развитии древних культур. Л., 1981, с. 95-98.
11. И т и н а М.А. Проблемы археологии Хорезма: К 40-летию Хорезм. экспедиции. - СА, 1977, № 4, с. 41-52, портр. Рез. фр.
12. И с т о р и я С а м а р к а н д а. Т. I. /АН УзССР, ИИА; СамГУ. Ташкент: Фан, 1969. - 484 с., ил. Библиогр.: с. 409-458.
13. К у з ь м и н а Е.Е. В стране Кавата и Афрасиаба /АН СССР. М.: Наука, 1977. - 144 с., ил.; 9 л. ил. (Сер. "История мировой культуры"). Библиогр.: с. 127-131.
14. Л и в ш и ц В.А., З е й м а л ь Т.И. Древнейшие государственные образования. Памятники материальной культуры. - В кн.: История таджикского народа. Т. I. М., 1963, с. 150-168, ил.
15. Л и т в и н с к и й Б.А. Таджикистан и Индия (Примеры древних связей и контактов). - В кн.: Индия в древности. М., 1964, с. 143-165, ил. Библиогр.: с. 159-165.
16. Л и т в и н с к и й Б.А. Археологические открытия в Таджикистане за годы Советской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии. - ВДИ, 1967, № 4, с. 118-137.
17. Л и т в и н с к и й Б.А. Археология Таджикистана за годы Советской власти. - СА, 1967, № 3, с. 106-123, ил., карт.

18. Литвинский Б.А. Проблемы истории и истории культуры древней Средней Азии в свете новейших работ советских ученых (1967-1977). - ВДИ, 1977, № 4, с. 73-92. Рез. англ.
19. Массон В.М. а) Племена и народности Туркменистана в VI-IV вв. до н.э. - В кн.: История Туркменской ССР. Т.1, кн.1. Ашхабад, 1957, с. 57-73.
20. Массон В.М. б) Разложение первобытнообщинного строя и зарождение древней государственности. - В кн.: История Туркменской ССР. Т.1, кн. 1. Ашхабад, 1957, с.48-56.
21. Массон В.М., Окладников А.П. Первобытно-общинный строй на территории Туркменистана (От каменного века до раннежелезного века.). - В кн.: История Туркменской ССР. Т.1, кн.1. Ашхабад, 1959, с. 19-60.
22. Массон В.М. а) На пороге раннеклассового общества. Оазисы юга Средней Азии в первой трети I тыс. до н.э. - В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. Л., 1966, с.179-192, ил.
23. Массон В.М. б) Страна тысячи городов /АН СССР. М.: Наука, 1966. - 148 с., ил., карт. (По следам исчезнувших культур Востока).
24. Массон В.М. Узловые проблемы археологии Средней Азии. - КСИА, 1970, вып. 122, с.9-15.
25. Массон В.М. Земледелие и аграрный строй Туркменистана в эпоху развития рабовладельческих отношений. - В кн.: Очерки истории земледелия и аграрных отношений в Туркменистане. Ашхабад, 1971, с.33-78.
26. Медведская И.Н. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана. - СА, 1972, № 3, с. 76-89, ил., карт, Рез. фр.
27. Мухамеджанов А.Р. Развитие археологической науки в Узбекистане в годы Советской власти. - СА, 1967, № 4, с.93-102.
28. Народы Туркменистана в эпоху рабовладельческого строя и его кризиса /С.А.Вязигин, В.М.Массон, М.Е.Массон, Ф.Я.Косыке. - В кн.: История Туркменской ССР. Т.1, кн. 1. Ашхабад, 1959, с.61-163.
29. Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. История искусства Узбекистана с древнейших времен до середины XIX в. /Ин-т искусствоведения М-ва культуры УзССР. М.: Искусство, 1965. - 688 с., ил.
30. Рахманова Р.М. Средняя Азия V-IV вв. до н.э.

и поход Александра Македонского: Автореф. канд. дис. /ЛГУ, Ист.фак. Л., 1964. 22 с.

31. Романова Е.Н., Семенов А.А., Тимофеев В.И. Радиоуглеродные даты образцов из Средней Азии и Казахстана Лаборатории ЛОИА АН СССР. - УСА, 1972, вып. 2, с.57-62. Библиогр.: с.62.

32. Сагдуллаев А.С. Заметки о раннем железном веке Средней Азии. - СА, 1982, № 2, с.229-234. Библиогр.: с.234.

33. Ставиский Б.Я. Средняя Азия под властью ахеменидов (VI-IV вв. до н.э.). - В кн.: История таджикского народа. Т. I. М., 1963, с. 189-235, ил.

34. Ставиский Б.Я. Между Памиром и Каспием (Средняя Азия в древности) /АН СССР. М.: Наука, 1966. - 327 с., ил., карт. (По следам исчезнувших культур Востока). Библиогр.: с.319-322.

35. Ставиский Б.Я. Искусство Средней Азии. Древний период, VI в. до н.э. - III в. н.э. М.: Искусство, 1974. - 256 с., ил., карт. (Очерки истории и теории изобразительных искусств). Библиогр.: с. 246-248.

36. Толстов С.П., Жданко Т.А. Основные этапы этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. - В кн.: Народы Средней Азии и Казахстана. Т. I. М., 1962, с. 38-114, ил., карт.

37. Тревер К.В. Экономика и культура в период зарождения рабовладельческого общества (VI-IV вв. до н.э.). - В кн.: История Узбекской ССР. Т. I. Ташкент, 1967, с. 61 - 89.

38. Ходжайев Т.К. Антропологический состав населения Средней Азии в эпоху раннего железа и античности. - Античная культура Средней Азии и Казахстана. ТД ВНС. Ташкент, 1979, с. 10-11.

39. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии /Гос. Эрмитаж; Авт. предисл. А.П.Окладников. М.: Наука, 1980. - 328 с., ил. Библиогр.: с. 290-311.

Земледельческие оазисы

Маргиана и Парфия

40. Гутляев Г. Работы на поселении раннежелезного

века Яссы-депе у Баба-Дурмаза. - КД, 1970, вып. 3, с.64-71, ил.
Библиогр.: с.71.

41. Г у т л ы е в Г. Раскопки на холме Чялык (Чыглык-депе). - КД, 1972, вып. 4, с.47-55, ил. Библиогр.: с. 55.

42. Г у т л ы е в Г. Памятники раннего железа. - ПТ, 1973, № 1, с. 28-29. Рез. англ.

43. Г у т л ы е в Г. Памятники Южного Туркменистана эпохи поздней бронзы и раннего железа: Автореф. канд. дис. /АН СССР. ИА. М., 1974. - 19 с.

44. Г у т л ы е в Г. Раскопки поселения раннежелезного века Яссы-депе в Каахкинском р-не. - КД, 1977, вып. 5, с. 18-24, ил.

45. Г у т л ы е в Г. Стратиграфический шурф Яшылы-депе у Гяурса. - В кн.: Новые исследования по археологии Туркменистана. Ашхабад, 1980, с.21-34, ил. Библиогр.: с.34.

46. Г у т л ы е в Г. Раскопки Гараой-депе. - В кн.: Новые археологические открытия в Туркменистане. Ашхабад, 1982, с.33-47, ил. Библиогр.: с. 46-47.

47. Д ь я к о н о в И.М. [Рец. на кн.]: В.М.Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. М.-Л., 1969. - ВДИ, 1960, №3, с.196-203.

48. К а ч у р и с К.А. Раскопки на Елькен-депе в Южной Туркмении. - АО, 1966 (1967), с. 335-336, ил.

49. К о с т ы ч е н к о В.П., Л и с и ц ы н а Г.Н., П р и щ е п е н к о Л.В. Бенгуванский оазис поселений времени архаического Дахистана (Комплексная палеогеогр., археол. и палеоэтноботан. характеристика). - КД, 1972, вып. 4, с. 55-65. Библиогр.: с.65.

50. М а р у щ е н к о А.А. Елькен-депе. (Отчет о раскопках 1953, 1955 и 1956 гг.). - ТИИАЭ АН ТССР, 1959, т.5, с.54-109, ил.; 1 л. ил.

51. М а с и м о в И.С. Новые памятники раннежелезного века Мургабского оазиса. - В кн.: Новые археологические открытия в Туркменистане. Ашхабад, 1982, с. 20-33, ил., карт. Библиогр.: с.33.

52. М а с с о н В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы /АН СССР, ИИМК. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. - 216 с., ил. - (МИА; № 73).

Рец.: Дьяконов И.М. См. № 47.

53. П и л и п к о В.Н. Древнее городище Одей-депе на среднем течении Аму-Дарьи. - КД, 1979, вып. 8, с. 27-54, ил. Библиогр.: с. 54.

54. С а р и а н и д и В.И. Исследование слоев раннежелезного века на Улуг-дэпе. - АО, 1970 (1971), с. 433-434.
55. С а р и а н и д и В.И. Раскопки 1970 г. на Улуг-дэпе. - УСА, 1972, вып. 1, с. 53-55. Библиогр.: с. 55.
56. У с м а н о в а З.И. Эрк-Кала - городище Старого Мерва поры античности и раннего средневековья (К истории развития древних городов Средней Азии): Автореф. канд. дис. /ТашГУ. Ташкент, 1969. - 22 с.
57. У с м а н о в а З.И. Особенности древней фортификации Мерва. СНТ /ТашГУ, 1978, № 556, с.15-24. Библиогр.: с.22-24.
58. У с м а н о в а З.И., Ф и л а н о в и ч М.И. Археологические комплексы Эрк-Калы и Гяур-Калы - основа периодизации городской культуры античного Мерва. - Античная культура Средней Азии и Казахстана. ТД ВНС. Ташкент, 1979, с. 26-31.
59. У с м а н о в а З.И. Новые данные к истории сложения городского центра на территории Мерва. - В кн.: Проблемы античной истории и культуры. Т. 2. Бриван, 1979, с. 415-420, ил.
60. Ф и л а н о в и ч М.И. К стратиграфии Гяур-Калы Старого Мерва. - Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук, 1973, № 1, с.60-64, ил. Библиогр.: с.64. Рез. англ.
61. Ф и л а н о в и ч М.И. Древний Мерв в свете изучения стратиграфии городища Гяур-Кала: Автореф. канд. дис. /ТашГУ, каф. археологии Средней Азии; АН УзССР, ИА. Ташкент, 1974. - 32 с.
62. Х л о п и н а Л.И., Х л о п и н И.Н. К происхождению комплекса Яз-тепе I Южного Туркменистана. - СА, 1976, № 4, с. 200-203, ил. Рез. англ.
63. Х л о п и н И.Н. К уточнению хронологии культуры архаического Дахистана. - КСИА, 1981, вып. 167, с.95-99, ил.
64. Х л о п и н а Л.И. Стратиграфия поселения раннего железного века Южной Туркмении Пархай-тепе (По материалам керамики). - Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук, 1981, № 2, с. 75-82, ил. Библиогр.: с.82. Рез. англ.

Древняя Бактрия

65. А б д у л л а е в А.А. Раскопки городища Тамашотепе в 1974 г. - АРТ, 1974, вып. 14 (1979), с. 123-133, ил.

66. Абдуллаев А.А. Отчет о раскопках Тамшоттепа в 1973 г. - АРТ, 1973, вып. 13 (1977), с.35-46, ил. Библиогр.: с. 45-46.

67. Альбаум Л.И. Поселение Кучук-тепе в Узбекистане. - Материалы сессии, посвящ. итогам археол. и этногр. исследований 1964 г. в СССР (Тез. докл.). Баку, 1965, с. 59-60.

68. Альбаум Л.И. К датировке верхнего слоя поселения Кучук-тепе. - ИМКУз, 1969, вып. 8, с.69-79, ил.

69. Аму-Дарьинский клад: Каталог выставки /ГЭ; Британ.музей; Авт. вступ. статьи и сост. Е.В.Зеймаль. Л.: Искусство, 1979. - 95 с., ил., карт. Библиогр.: с. 89-94.

70. Аскарров А.А. Бронзовый век Южного Узбекистана (К проблеме развития локальных очагов древневост. цивилизаций): Автореф. докт. дис. /АН СССР, ИА. М., 1976. - 44 с. - Список работ авт.: 12 назв.

71. Аскарров А.А. Расписная керамика Джар-Кургана. - В кн.: Бактрийские древности. Л., 1976, с.17-19.

72. Аскарров А.А., Аминов В., Рахманов У. Новые данные о поселении Кучук-тепе. - ОНУз, 1978, № 11, с. 51-56, ил.

73. Аскарров А.А. К вопросу о происхождении культуры племен с расписной керамикой эпохи поздней бронзы и раннего железа. - В кн.: Этнография и археология Средней Азии. М., 1979, с.34-37.

74. Аскарров А.А., Альбаум Л.И. Поселение Кучук-тепе/АН УзССР, ИА. Ташкент: Фан, 1979. - 112 с., ил. Библиогр.: с.86-89.

75. Аскарров А.А. Раскопки Пшактепа на юге Узбекистана. - ИМКУз, 1982, вып. 17, с. 30-41, ил.

76. Батыров Б.Х. Останки млекопитающих из раскопок поселения Кучук-тепе юга Узбекистана. - ТСамГУ, 1977, вып.324, с.15-25, ил. Библиогр.: с.25.

77. Беляева Т.В., Хакимов З.А. Древнебактрийские памятники Миршаде. - В кн.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973, с. 35-51, ил.

78. Валиев А. Древнейшие этапы формирования антропогенных ландшафтов Сурхандарьинской котловины. - Бактрийские древности. Л., 1976, с.114-118. Библиогр.: с.118.

79. В а л и е в А. Античный этап развития антропогенных ландшафтов юга Узбекистана. - ИМКУз, 1982, вып. 17, с. 41-47.
80. Д у к е Х.И. Пшактепе - памятник культуры Северной Бактрии. - ОНУз, 1974, № 12, с. 36-38, ил.
81. За п п а р о в Ш.Х., Р т в е л а д з е Э.В. Раскопки древнебактрийского поселения Талашкан-тепе I. - В кн.: Бактрийские древности. Л., 1976, с. 19-24, ил. Библиогр.: с. 24.
82. З е й м а л ь Т.И. Древнеземледельческое поселение Болдай-тепе. - МКТадж, 1971, вып. 2, с. 80-101, ил.
83. К и я т к и н а Т.П. Материалы к палеоантропологии Таджикистана /АН ТаджССР, ИИ. Душанбе: Дониш, 1976. - 188 с. Библиогр.: с. 179-186.
84. К у з ь м и н а Е.Е. К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии ("Бактрийский мираж" и археол. действительность). - ВДИ, 1972, № 1, с. 131-147. Рез.англ.
85. К у з ь м и н а Е.Е. Семантика изображения на серебряном диске и некоторые вопросы интерпретации Амударьинского клада. - В кн.: Искусство Востока и античность. М., 1977, с. 16-25, ил.
86. К у з ь м и н а Е.Е. Золотая пластина с птицами из Амударьинского клада. - КСИА, 1979, вып. 159, с. 16-21, ил.
87. К у з ь м и н а Е.Е. О двух перстнях Амударьинского клада с изображением царя. - СА, 1979, № 1, с. 35-46, ил. Рез.англ.
88. Л и т в и н с к и й Б.А., П и ч и к я н И.Р. Археологические открытия на юге Таджикистана. - ВАН, 1980, № 7, с. 124-133, ил.
89. Л и т в и н с к и й Б.А., П и ч и к я н И.Р. Бактрия: новые находки археологов. - ААС, 1981, № 12, с. 57-58, ил.
90. М а с с о н В.М. Проблема древнего города и археологические памятники Северной Бактрии (Перспективы исслед.). - В кн.: Древняя Бактрия. Л., 1974, с. 5-13. Библиогр.: с. 12-13.
91. М у х а м е д ж а н о в А.Р. К истории орошения Северной Бактрии и Древнего Согда. - Древнейшие культуры Бактрии: Среда, развитие, связи. Тез. I сов. - фр. симпозиума. Душанбе, 1982, с. 41-43.
92. Н е г м а т о в Н.Н. Древняя Бактрия и историко-культурные области среднеазиатского междуречья. - Древнейшие культуры Бактрии: Среда, развитие, связи. Тез. I сов. - фр. симпозиума. Душанбе, 1982, с. 51-53.

93. П и д а е в Ш.Р. Открытие нового памятника середины I тыс. до н.э. - ОНУз, 1973, № 11, с. 77-82, ил.
94. П и д а е в Ш.Р. Материалы к изучению древних памятников Северной Бактрии. - В кн.: Древняя Бактрия. Л., 1974, с. 32-42, ил. Библиогр.: с. 41-42.
95. П у г а ч е н к о в а Г.А. Новый памятник древнебактрийской культуры. - УСА, 1972, вып. 1, с. 47-49, ил. Библиогр.: с. 49.
96. П у г а ч е н к о в а Г.А. Новые данные о художественной культуре Бактрии. - В кн.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973, с. 78-128, ил.
97. Р т в е л а д з е Э.В., Х а к и м о в З.А. Маршрутные исследования памятников Северной Бактрии. - В кн.: Из истории антич. культуры Узбекистана. Ташкент, 1973, с. 10-34, ил., карт.
98. Р т в е л а д з е Э.В. Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана. - В кн.: Древняя Бактрия. Л., 1974, с. 74-85, карт. Библиогр.: с. 85.
99. Р т в е л а д з е Э.В. К характеристике памятников Сурхандарьинской обл. ахеменидского времени. - СА, 1975, № 2, с. 262-265, карт.
100. Р т в е л а д з е Э.В. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана. - Бактрийские древности. Л., 1976, с. 93-103, ил. Библиогр.: с. 103.
101. С а г д у л л а е в А.С., Х а к и м о в З.А. Археологическое изучение городища Кызыл-тепе (По итогам работ 1973-1974 гг.). - Бактрийские древности. Л., 1976, с. 24-30, ил. Библиогр.: с. 29-30.
102. С а г д у л л а е в А.С. К эволюции древних поселений Южного Узбекистана. - САУз, 1976, № 9, с. 31-34, ил. Библиогр.: с. 34.
103. С а г д у л л а е в А.С. Древнеземледельческие поселения предгорий Байсунтау. - В кн.: История и археология Средней Азии, Ашхабад, 1978, с. 30-36.
104. С а г д у л л а е в А.С. Культура Северной Бактрии в эпоху поздней бронзы и раннего железа (По материалам памятников района Шурчи-Байсуна) : Автореф. канд. дис. /Ин-т искусствоведения М-ва культуры УзССР. Л., 1978, - 17 с.
105. С а г д у л л а е в А.С. Раскопки памятников ранне-

железного века в Северной Бактрии. - УСА, 1979, вып. 4, с. 85-86.

106. Сагдуллаев А.С. Раскопки древнебактрийской усадьбы Кызылча 6 (По итогам работ 1974-1976 гг.). - СА, 1980, №2, с. 228-235.

107. Сагдуллаев А.С. Новые исследования памятников эпохи раннего железа в Бактрии и Согде. - Древнейшие культуры Бактрии; Среда, развитие, связи. Тез. I сов. - фр. симпозиума. Душанбе, 1982, с. 83-84.

108. Сариянди В.И. Раскопки Тилля-тепе в Северном Афганистане /АН СССР, ИА; ИА М-ва культуры Афганистана. М., 1972. - 96 с., ил. (Материалы к археолог. карте Сев. Афганистана, вып. I). Рез. англ.

109. Сариянди В.И. Восточнохорасанская культура расписной керамики Афганистана. - КСИА, 1973, вып. 136, с. 17-22, ил.

Согд и столица его Мараканда. Бухара.

110. Ахраров И., Усманова З.И. Новые данные к истории Бухары. - В кн.: История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978, с. 98-106, ил.

111. Бурякова Э.Ю. Далазарское поселение в Самарканде. - Античная культура Средней Азии и Казахстана. ТД ВНС Ташкент, 1979, с. 65-66.

112. Дукее Х.И. Чиракчинское поселение. - ИМГУз, 1982, вып. 17, с. 19-29, ил.

113. Исамиддинов М.Х. Стратиграфия древнейших слоев Еркургана. - ИМГУз, 1982, вып. 17, с. 60-77, ил.

114. Кабанов С.К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб. - Афрасиаб, 1973, вып. 2, с. 16-84, ил.

115. Кабанов С.К. Периодизация раннеантичной культуры Согда (VI-III вв. до н.э.) (По материалам раскопок на городище Афрасиаб). - Античная культура Средней Азии и Казахстана. ТД ВНС Ташкент, 1979, с. 54-56.

116. Мухамеджанов А.Р. История орошения низовьев Заравшана (с древнейших времен до нач. XX в.) /АН УзССР, ИА. Ташкент: Фан, 1972, - 376 с., ил. На узб. яз. Библиогр.: с. 361-373.

117. Мухамеджанов А.Р. История орошения Бухарского оазиса: (С древнейших времен до начала XX в.). /АН УзССР, ИА Ташкент, 1978. - 296 с., ил., карт.
118. Сагдуллаев А.С. Древние поселения Кашкадарьи. - САУз, 1979, № 7, с. 34-37, ил., карт. Библиогр.: с. 37.
119. Сулейманов Р.Х., Туребеков М. Этапы развития фортификационной системы Еркургана. - ИМКУз, 1978, вып. 14, с. 60-65, ил.
120. Сулейманов Р.Х. Основные этапы развития городища Еркурган. - (Античная культура Средней Азии и Казахстана) - ТД ВНС. Ташкент, 1979, с. 11-12.
121. Тереножкин А.И. Вопросы периодизации и хронологии древнейшего Самарканда. - СА, 1972, № 3, с. 90-99, ил. Рез. фр.
122. Туребеков М. Оборонительные сооружения ранних поселений и городов Согда (УП-VI вв. до н.э. - УП в. н.э.): Автореф. канд. дис. /МГУ, Ист. фак. Кафедра археологии. М., 1981, 24 с.
123. Ураков Б. Культура Бухарского оазиса второй половины I тыс. до н.э. и первой половины I тыс. н.э. (На основе изучения керамич. комплексов): Автореф. канд. дис. /МГУ. Ист. фак. Кафедра археологии. М., 1982, - 22 с.
124. Усманова З.И. К вопросу о ранней античной керамике древней области Кеш. - ИМКУз, 1973, вып. 10, с. 52-57, ил.
125. Филанович М.И. К характеристике древнейшего поселения на Афрасиабе. - Афрасиаб, 1969, вып. 1, с. 206-220, ил.
126. Филанович М.И. К истории сложения городских укреплений Афрасиаба. - Афрасиаб, 1973, вып. 2, с. 85-94, ил.
127. Шишкина Г.В. Северные ворота древнего Самарканда. - В кн.: История и культура народов Средней Азии (Древность и средние века). М., 1976, с. 99-104, ил. Библиогр.: с. 104. Рез. англ.
128. Шишкина Г.В. Самарканд во второй половине I тысячелетия до н.э. (Античная культура Средней Азии и Казахстана) - ТД ВНС. Ташкент, 1979, с. 12-13.

Архаическая Фергана.

129. Беляева Т.В. К открытию древнего поселения на территории Ленинабада. - В кн.: История и археология Средней Азии.

Ашхабад, 1978, с. 41-48, ил.

130. Б е л я е в а Т.В. Новые данные о древней культуре на Средней Сырдарье. - Древнейшие культуры Бактрии: Среда, развитие, связи. Тез. I сов.-фр. симпозиума. Душанбе, 1982, с.87-88.

131. В и н н и к Д.Ф. Оседло-земледельческие поселения Киргизстана в У в. до н.э. - У в. н.э. - В кн.: История Киргизской ССР. Т. 1. Фрунзе, 1968, с. 89-100, ил.

132. Г о р б у н о в а Н.Г. К вопросу о расписной керамике в Ферганской долине. - СГЭ, 1961, вып. 21, с. 41-44, ил. Рез.англ.

133. Г о р б у н о в а Н.Г. Кунгайский могильник. - АСГЭ, 1961, вып. 3, с. 171-194, ил.

134. Г о р б у н о в а Н.Г. К истории Ферганы в эпоху раннего железа (По материалам Ак-Тамского и других могильников). -СА, 1962, № 4, с. 37-48, ил.

135. Г о р б у н о в а Н.Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа. -АСГЭ, 1962, вып. 5, с. 91-122, ил., карт.

136. Г о р б у н о в а Н.Г., К о з е н к о в а В.И. Сым-тепе - поселение в Фергане. - АСГЭ, 1974, вып. 16, с. 94-104, ил. Рез. англ.

137. Г о р б у н о в а Н.Г. Раскопки курганов в Ферганской обл. - УСА, 1975, вып. 3, с. 29-33, ил. Библиогр.: с. 32-33.

138. Г о р б у н о в а Н.Г. Итоги исследования археологических памятников Ферганской обл. (К истории культуры Ферганы). -СА, 1979, № 3, с. 16-34, ил., карт. Рез. англ.

139. З а д н е п р о в с к и й Ю.А. Ашкал-тепе - новый памятник кулестской культуры в Фергане. - СА, 1959, № 3, с.216-219, ил.

140. З а д н е п р о в с к и й Ю.А. Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 г. - ТКАЭЭ, 1960, т.4, с.164-268, ил., карт.

141. З а д н е п р о в с к и й Ю.А. Археологические памятники южных районов Омской обл. (Сер. I тыс. до н.э. - сер. I тыс. н.э.) /АН КиргССР, ИИ. Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1960. - 176 с., ил., карт.

142. З а д н е п р о в с к и й Ю.А. Городище Эялатан: (К вопросу о датировке памятника). - СА, 1960, № 3, с. 29-45, ил.

143. З а д н е п р о в с к и й Ю.А. Дальверзинское поселение (Раскопки 1959 г.). - КСИА, 1961, вып. 86, с. 43-54, ил.

144. З а д н е п р о в с к и й Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы /АН СССР, ИА. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. - 328 с., ил. - (МИА, № 118).

145. Заднепровский Ю.А. Некоторые итоги изучения Дальверзинского поселения (1956-1960). - ОНУз, 1962, № 1, с. 48-57, ил.
146. Заднепровский Ю.А. Основные этапы истории Карадарьинского оазиса. - КСИА, 1964, вып. 98, с. 18-22, ил.
147. Заднепровский Ю.А. Чустская культура в Ферганской долине. - В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. Л., 1966, с. 193-207, ил.
148. Заднепровский Ю.А. Историческая топография Дальверзина. - УСА, 1972, вып. 1, с. 57-59, ил. Библиогр.: с. 59.
149. Заднепровский Ю.А. Землянки бронзового века Ферганы. - НОСА, ТД. Киев, 1975, ч. 1, с. 116-118.
150. Заднепровский Ю.А. Укрепления чустских поселений и их место в истории первобытной фортификации Средней Азии. - КСИА, 1976, вып. 147, с. 3-12, ил.
151. Заднепровский Ю.А. Скотоводство чустских племен Ферганы (По материалам Дальверзинского поселения). - В кн.: Проблемы советской археологии. М., 1978, с. 94-101.
152. Заднепровский Ю.А. Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии: Автореф. докт. дис. /АН СССР, ИА. М., 1978. - 52 с. - Список работ авт.: 34 назв.
153. Заднепровский Ю.А. Археологические комплексы древней Ферганы и их хронология. - Античная культура Средней Азии и Казахстана. - ТД ВНС. Ташкент, 1979, с. 35-37.
154. Заднепровский Ю.А. Отское поселение бронзового века. - Изв. АН КиргССР, 1981, № 2, с. 92-96.
155. Зезенкова В.Я. Скелет из погребения в поселении эпохи бронзы близ г. Чуста. - Сов. антропология, 1968, т. 2, № 3, с. 91-95, ил. Библиогр.: 16 назв.
156. Литвинский Б.А. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Кайракумах в 1956 г. - ТР АН ТаджССР, 1959, т. 91, с. 39-51, ил.
157. Негматов Н.Н., Беляева Т.В., Мирбаев А.К. Открытию города эпохи поздней бронзы и раннего железа - Нуртепа. - В кн.: Культура первобытной эпохи Таджикистана. Душанбе, 1982, с. 89-111, ил.
158. Оболдуева Т.Г. Раскопки 1960 г. на городище Эйлатан. - КСИА, 1962, вып. 91, с. 38-47, ил.

159. Оболдуева Т.Г. О датировке стен Эйлатана. - СА, 1981, № 4, с. 186-195, ил. Рез. англ. Библиогр.: с. 195.
160. Ртвеладзе Э.В. Кирополь и время возникновения городов в Ташкентском оазисе. - САУз, 1980, № 3, с. 28-29.
161. Рузанов В.Д. К вопросу о металлообработке у племен чустской культуры. - СА, 1980, № 4, с. 55-64, схем. Рез. англ.
162. Рузанов В.Д. История древней металлургии и горного дела Узбекистана в эпоху бронзы и раннего железа: Автореф. канд. дис. /МГУ, Ист. фак. М., 1982, - 22 с.
163. Салтовская Е.Д. Некоторые новые данные материалов о "ферганских кочевниках". - УСА, 1975, вып. 3, с. 36-39, ил. Библиогр.: с. 39.
164. Салтовская Е.Д. О раскопках Аштского могильника в 1971 г. - АРТ, 1971, вып. 11 (1975), с. 59-79, ил.
165. Салтовская Е.Д. О раскопках могильника VI-IV вв. до н.э. в Северо-Западной Фергане. - АРТ, 1972, вып. 12 (1976), с. 48-60, ил.
166. Салтовская Е.Д. О раскопках могильников Ашт и Дашти-Ашт в 1973 г. - АРТ, 1973, вып. 13 (1977), с. 47-64, ил.
167. Салтовская Е.Д. О погребениях ранних скотоводов в Северо-Западной Фергане. - КСИА, 1978, вып. 154, с. 95-99, ил.
168. Салтовская Е.Д. О работах Аштского отряда СТАКЭ в 1974 г. - АРТ, 1974, вып. 14 (1979), с. 343-353, ил.
169. Салтовская Е.Д. О раскопках могильника Дашти-Ашт в 1976 г. - АРТ, 1976, вып. 16 (1982), с. 243-263, ил.
170. Семенов С.А., Ширинов Т.М. Каменные серпы чустской культуры. - ОНУз, 1976, № 10, с. 73-77, ил.
171. Спришевский В.И. Чустская стоянка эпохи бронзы (Раскопки 1953 г.). - СЭ, 1954, № 3, с. 69-76, ил.
172. Спришевский В.И. Раскопки Чустского поселения в 1956 г. - СА, 1958, № 3, с. 185-189, ил.
173. Спришевский В.И. Чустское поселение эпохи бронзы (Раскопки 1955 г.). - КСИИМК, 1958, вып. 71, с. 86-98, ил.
174. Спришевский В.И. Чустское поселение (К истории Ферганы в эпоху бронзы): Автореф. канд. дис. /АН УзССР, ИИА. Ташкент, 1963, - 16 с.
175. Спришевский В.И. Оборонительное сооружение эпохи бронзы на территории Узбекистана. - СА, 1972, № 3, с. 227-

232, ил. Рез. фр.

176. С пришевский В.И. Керамика, бронзовые и каменные изделия Чустского поселения (Археол. фонд). - В кн.: Слово памятникам истории и культуры. Ташкент, 1973. с. 95-121.

177. С пришевский В.И. Каталог археологических материалов эпохи камня и бронзы /АН УзССР, Музей истории народов Узбекистана. Ташкент: Фан, 1974, - 88 с., ил.

178. Худайбердыев Р. Остатки растений Чустского поселения эпохи бронзы. - ДАН УзССР, 1962, № 10, с. 51-52. Библиогр.: с. 52.

179. Чуланов Д.Г. Новые памятники эпохи бронзы Ферганской долины. - СА, 1963, № 4, с. 194-199, ил. Библиогр.: с. 199.

180. Ширинов Т. Орудия производства и оружие эпохи бронзы среднеазиатского междуречья (По данным экспериментально-трасологич. изучения) : Автореф. канд. дис. /ЛОИА АН СССР. Д., 1980. - 20 с.

Памятники Ташкентского оазиса.

181. Буряков Ю.Ф., Дадабаев Г. Памятники античного времени в Ташкентском оазисе. - ИМКУз, 1973, вып. 10, с. 38-51, ил.

182. Дукее Х.И. К вопросу о бургулюкской культуре. - ОНУз, 1976, № 8, с. 48-51, ил.

183. Дукее Х.И. Раскопки памятников бургулюкской культуры в 1975 г. - ИМКУз, 1977, вып. 13, с. 48-54.

184. Дукее Х.И. Бургулюкская культура. - В кн.: Древности Туябугуза. Ташкент, 1978, с. 47-92, ил.

185. Дукее Х.И. Исследование памятников поздней бронзы и раннего железа в зоне Туябугузского водохранилища в 1976 г. - ИМКУз, 1978, вып. 14, с. 51-59, ил.

186. Дукее Х.И. Туябугузские поселения бургулюкской культуры /АН УзССР, ИА. Ташкент: Фан, 1982, - 96 с., ил. карт.

Древний Хорезм.

187. Андриянов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья (В связи с историей возникновения и развития орошаемого

земледелия) / АН СССР, ИЭ. М.: Наука, 1969.-255 с., ил. карт. Библиогр.: с. 234-250.

188. В а й н б е р г Б.И. Куьсайская культура раннего железного века в Присарыкамьшской дельте Амударьи. - УСА, 1975, вып.3, с. 42-48, ил. Библиогр.: с. 48.

189. В а й н б е р г Б.И. Памятники куьсайской культуры. - ТХАЭЭ, 1979, т. II, с. 7-76, ил.

190. В и ш н е в с к а я О.А. Раскопки городища Куьзелигыр.-АО, 1978 (1979), с. 567.

191. В о р о б ь е в а М.Г. Керамика Хорезма античного периода. - ТХАЭЭ, 1959, т.4, с. 63-220, ил.

192. В о р о б ь е в а М.Г. Дингильдже: Усадьба середины I тыс. до н.э. в Древнем Хорезме /АН СССР, ИЭ. М.: Наука, 1973.-220 с., ил. - (МХЭ, вып. 9).

193. Г у л я м о в Я.Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. /АН УзССР, ИИА. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1959. - 324 с., ил., карт. - На узб. яз. Библиогр.: с.310-323.

194. И т и н а М.А. Поселение Якке-Парсан 2 (Раскопки 1958-1959 гг.). - МХЭ, 1963, вып. 6, с. 107-129, ил.; 1 л. ил.

195. И т и н а М.А. История степных племен Южного Приаралья (II - I тыс. до н.э.) /АН СССР, ИЭ. М.: Наука, 1977. - 240 с., ил. - (ТХАЭЭ, т. 10).

196. Т о л с т о в С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта /АН СССР, ИЭ. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. - 324 с., ил., карт.

197. Т о л с т о в С.П. Новые археологические открытия в Хорезме и некоторые проблемы древней истории Индии. - В кн.: Индия в древности. М., 1964, с. 135-142, ил.

198. Т р о ф и м о в а Т.А. Черепа из погребений куьсайской культуры в могильниках Тумек-Кичиджик и Тарьмака. - ТХАЭЭ, 1979, т. II, с. 77-93, ил.

199. Т р у д н о в с к а я С.А. Об одной редкой серии индийских бус в Юго-Восточном Приаралье. - В кн.: Этнография и археология Средней Азии. М., 1979, с. 83-85, ил.

200. Я г о д и н В.Н. Поселение амирабадской культуры Ка-ват 2. - МХЭ, 1963, вып. 6, с. 130-140, ил.

Общий отдел.

201. Акишев К.А. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана. - В кн.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972, с. 31-46.
202. Акишев К.А. Саки азиатские и скифы европейские (Общее и особенное в культуре). - В кн.: Археол. исслед. в Казахстане. Алма-Ата, 1973, с. 43-58, ил.; 1 л. табл.
203. Акишев К.А., Итина М.А., Кадырбаев М.К. Казахстан в I тыс. до н.э. - В кн.: История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней. Т. 1. Алма-Ата, 1977, с. 237-283.
204. Акишев К.А. К истокам сакского искусства "звериного стиля". - Древнейшие культуры Бактрии: Среда, развитие, связи. Тез. I сов.-фр. симпозиума. Душанбе, 1982, с. 56-59.
205. Артамонов М.И. Сокровища саков. Аму-Дарьинский клад. Алтайские курганы. Минусинские бронзы. Сибирское золото. М.: Искусство, 1973. - 280 с., ил. (Памятники древ. искусства). Библиогр.: с. 243-255. Рез. англ.
206. Беленицкий А.М. Конь в культурах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем средневековье. - КСИА, 1978, вып. 154, с. 31-39, ил.
207. Грязнов М.П. Переход пастушеских племен Семиречья и Тянь-Шаня к кочевому скотоводству. Саки. Усуни. - В кн.: История Киргизской ССР. Т. 1. Фрунзе, 1968, с. 68-79, ил.
208. Заднепровский Ю.А. Вопросы хронологии и периодизации памятников ранних кочевников Средней Азии. - УСА, 1975, вып. 3, с. 13-17, ил. Библиогр.: с. 17.
209. Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (Палеоантропол.исслед.) /АН КазССР, ИИАЭ. Алма-Ата: Наука, 1970. - 240 с., ил. Библиогр.: с. 231-236. Рез. англ.
210. Кадырбаев М.К. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана. - В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, с. 21-36, ил.
211. Кадырбаев М.К. Племенные союзы эпохи ранне-

го железа. - В кн.: История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней. Т. I. Алма-Ата, 1977, с. 187-236, ил.

212. Кузьмина Е.Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов. - В кн.: Скифы и сарматы. Киев, 1977, с. 96-119.

213. Кузьмина Е.Е. Сюжет противоборства двух животных в искусстве азиатских стел. - КСИА, 1978, вып. 154, с. 103-108.

214. Кузьмина Е.Е. Сцена терзания в искусстве саков. - В кн.: Этнография и археология Средней Азии. М., 1979, с. 78-83.

215. Литвинский Б.А. "Золотые люди" в древних погребениях Центральной Азии: Опыт истолкования в свете истории религии. - СЭ, 1982, № 4, с. 34-43. Рез. англ.

216. Мандельштам А.М. История скотоводческих племен и ранних кочевников на юге Средней Азии: Автореф. докт. дис. /АН СССР, ИА. М. - Л., 1972. - 52 с. - Список работ авт.: 31 назв.

217. Мандельштам А.М. О некоторых проблемах изучения истории ранних кочевников Средней Азии и Казахстана. - УСА, 1975, вып. 3, с. 3-9. Библиогр.: с. 9.

218. Мандельштам А.М. К восточным аспектам истории ранних кочевников Средней Азии и Казахстана. - КСИА, 1978, вып. 154, с. 19-25.

219. Массон В.М. Древние кочевники Азии и мировой исторический процесс. - Проблемы скифо-сибирского культ.-ист. единства. - ТД Всесоюз. археол. конф. Кемерово, 1979, с. 2-4.

220. Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-саковских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии /АН СССР, ИВ. М.: Наука, 1977. - 216 с., ил. Библиогр.: с. 196-206. Рез. англ.

221. Толстов С.П. Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий. - ВДИ, 1963, № 2, с. 23-45, ил., карт.

222. Черников С.С. Некоторые закономерности исторического развития ранних кочевников: (По археол. материалам Зап. Алтая). - В кн.: Центр.Азия в кушанскую эпоху. М., 1975, т. 2, с. 282-287. Рез. англ.

223. Д у н е Х.И. Погребальные курганы в верховьях Чирчика. - В кн.: Древности Чарвака. Ташкент, 1976, с. 33-42, ил.
224. Л и т в и н с к и й Б.А. "Саки, которые за Согдом". - Тр. АН ТаджССР, 1960, т.120, с. 91-96.
225. О б е л ь ч е н к о О.В. Курганы ранних кочевников в низовьях Заравшана. - Скифо-сибирское культурное единство. Материалы I Всесоюз. археол. конф. Кемерово, 1980, с. 248-260, ил.
226. О б е л ь ч е н к о О.В. Курганы древнего Согда /ООПИК Узбекистана. Ташкент, 1981. - 28 с., ил.

Памиро-Алай.

227. Б а б а н с к а я Г.Г., З а д н е п р о в с к и й Ю.А. Археологические исследования А.Н.Бернштама на Памире в 1956 г. - Тр. АН ТаджССР, 1959, т. 91, с. 53-61, ил.
228. Б а б а е в А.Д. Могильник Чильхона - памятник сакской культуры на Западном Памире. - Изв. АН ТаджССР. Сер.обществ. наук, 1968, № 3, с. 20-27, ил.
229. Б а б а е в А.Д. Раскопки курганов на территории Западного Памира. - УЗ Ист. фак. ТаджГУ, 1973, вып. 1, с.235-242, ил.
230. Б а б а е в А.Д. Могильник Чильхона - памятник сакской культуры на Западном Памире. - В кн.: Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975, с. 288-292. Рез. англ.
231. Б а б а е в А.Д. Могильник Южбок на Западном Памире. - УСА, 1975, вып. 3, с. 39-42, ил. Библиогр.: с. 42.
232. Б а б а е в А.Д. Могильник Южбок II - памятник эпохи бронзы на Западном Памире. - АРТ 1975, вып. 15 (1980), с.75-87, ил.
233. К и я т к и н а Т.П. Антропологические материалы эпохи бронзы и сакского времени с Восточного Памира. - В кн.: Памяти Александра Александровича Семенова. Душанбе, 1980, с.177-194.
234. Л и т в и н с к и й Б.А. Раскопки могильников на Восточном Памире в 1958 г. - ТИИ АН ТаджССР, 1961, т.27, с. 37-48.
235. Л и т в и н с к и й Б.А. Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности. - Тр. ХХУ МВ. М., 1963, т.3, с. 31-40, ил.

236. Литвинский Б.А. Древние кочевники "Крылья мира" / АН СССР, ИВ; АН ТаджССР, ИИ. М: Наука, 1972, - 272 с., ил., карт. Библиогр.: ИИИ назв.

237. Перевозчиков И.В. К палеоантропологии населения Алая в сакское время. - ВА, 1970, вып. 34, с. 122-132, ил. Библиогр.: с. 132.

Тянь-Шань и Семиречье.

238. Абетков А.К., Баруздин В.Д. Саксу-усуньские памятники Таласской долины. - В кн. Археол. памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963, с. 17-31, ил.

239. Абетков А.К. Расписная керамика в курганах ранних кочевников в долине р. Чу. - КСИА, 1966, вып. 107, с. 122-126, ил.

240. Агапов П.В., Кадырбаев М.К. Сокровища древнего Казахстана: Памятники материальной культуры. Алма-Ата: Жалын, 1979, - 252 с., ил. Библиогр.: с. 250. Рез.англ.

241. Акишев А.К. Новые художественные бронзовые изделия сакского времени. - В кн.: Прошлое Казахстана по археол. источникам. Алма-Ата, 1976, с. 183-196, ил.

242. Акишев А.К. Идеология саков Семиречья (По материалам кургана Иссык). - КСИА, 1978, вып. 154, с. 39-48, ил.

243. Акишев А.К. Искусство и идеология саков Семиречья (По материалам кургана Иссык): Автореф. канд. дис. /АН СССР, ИА. М., 1960, - 19 с.

244. Акишев А.К. Костюм "золотого человека" и проблема катафрактария. - В кн.: Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981, с. 54-64, ил.

245. Акишев К.А. Саки Семиречья (По материалам Илийской экспедиции 1954, 1957 гг.). - ТИИАЭ АН КазССР, 1959, т. 7, с. 204-214.

246. Акишев К.А. Шестой Бесшатырский курган. - КСИА, 1961, вып. 91, с. 61-65, ил.

247. Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или /АН КазССР, ИИАЭ. Алма-Ата: Наука, 1963, - 300 с., ил., карт.

248. Акишев К.А. Курган Иссык (Искусство саков Казах-

стана) /АН КазССР, ИИАЭ. М.: Искусство, 1978. - 132 с., ил. Библиогр.: с. 81. Рез. англ.

249. Акишев К.А., Акишев А.К. Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры. - В кн.: Археол. памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978, с. 38-63, ил.

250. Акишев К.А., Байпаков К.М. Вопросы археологии Казахстана. Алма-Ата: Мектеп, 1979. - 160 с., ил. Библиогр.: с. 155-158.

251. Акишев К.А., Акишев А.К. Происхождение и семантика исыкского головного убора. - В кн.: Археол. исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980, с. 14-31, ил.

252. Акишев К.А., Акишев А.К. К интерпретации символики исыкского погребального обряда. - В кн.: Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981, с. 144-153, ил.

253. Акишев К.А., Акишев А.К. Искусство саков Семиречья. - ИИЧ, 1982 (1982), с. 88-98, ил.

254. Археологическая карта Казахстана: Реестр. /АН КазССР, ИИАЭ; Сост. Е.И. Агеева, К.А. Акишев, Г.А. Кушаев и др. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1980. - 449 с., ил. карт. - Библиогр.: с. 374-400.

255. Кибиров А.К. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане (1953-1955 гг.) - ТКАЭЭ, 1959, т. 2, с. 63-138, ил., карт.

256. Кияткина Т.П. Антропологические находки из раннеочевнических памятников в долине Кетмень-Тюбе. - УСА, 1975, вып. 3, с. 57-59.

257. Кожомбердиев И.К. Археологические памятники долины Кетмень-Тюбе. - УСА, 1975, вып. 3, с. 56-57, ил.

258. Кожомбердиев И.К. Искусство саков Тянь-Шаня. - В кн.: Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1975, с. 175-180.

259. Кожомбердиев И.К. Саки Кетмень-Тюбе. - В кн.: Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1975, с. 168-174.

260. Кожомбердиев И.К. Основные этапы истории культуры Кетмень-Тюбе. - В кн.: Кетмень-Тюбе. Фрунзе, 1977, с. 9-24, ил.

261. Кызласов Л.Р. Сакская коллекция с Исык-Ку-

ля. - В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 102-107, ил.

262. Максимова А.Г. Подбойные захоронения сакского времени. - В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969, с. 136-145, ил.

263. Максимова А.Г. Еще один курган Иссыкского могильника. - В кн.: Археол. памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978, с. 188-193, ил.

264. Мокрынин В.П., Гаврошенко П.П. Курганы сакского времени р.Тон. - В кн.: Археол. памятники Прииссыккулья. Фрунзе, 1975, с. 52-82, ил.

265. Спасская Е.Ю. Находки медных котлов ранних кочевников в Казахстане и Киргизии. - УЗ КазГПИ, 1968, т. 15, вып. 2, с. 178-193, ил.

266. Ташбаева К.И. Раннекочевнический могильник Джаргата. - КСИА, 1981, вып. 167, с. 91, 94, ил.

267. Черников С.С. Загадка Золотого Кургана (Где и когда зародилось "скифское искусство"?)/АН СССР, ИА. М.: Наука, 1965, - 189 с., ил., карт. (Из истории мировой культуры).

Приаралье и Прикаспий.

268. Вайнберг Б.И. Памятник раннего железного века в Северной Туркмении. - ИД, 1977, вып. 5, с. 25-45, ил. Библиогр.: с. 45.

269. Вайнберг Б.И. Курганные могильники Сев. Туркмении (Присарыкамшская дельта Амударьи). - ТХАЭЭ, 1979, т. 11, с. 167-177, ил.

270. Вайнберг Б.И. Скотоводческие племена в древнем Хорезме. - В кн.: Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981, с. 121-130.

271. Вишневская О.А., Итина М.А. Ранние саки Приаралья. - МИА, 1971, № 177, с. 197-208, ил.

272. Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в V-V вв. до н.э. (По материалам Уйгарака)/АН СССР, ИЭ. М.: Наука, 1973, - 160 с., ил., 1 л. ил. - (ТХАЭЭ: Т.8).

Рец.: Кузьмина Е.Е. - СА, 1975, № 2, с. 287-292.

273. Мандельштам А.М. К характеристике памятников ранних кочевников Закаспия. - КСИА, 1976, вып. 147, с. 21-26, ил.

274. М а н ы л о в Ю.П. Курганы VI—У вв. до н.э. в Хорезме. — ОНУз, 1975, № 3, с. 81—83.
275. Т о л с т о в С.П. Варварские племена периферии античного Хорезма по новейшим археологическим данным. — В кн.: Материалы 2-го совещ. археологов и этнографов Средней Азии. М.—Л., 1969, с. 143—149.
276. Т о л с т о в С.П. Приаральские скифы и Хорезм. М.: Изд-во вост. лит., 1960. — 36 с. — (XXV МКВ. Доклады делегации СССР).
277. Т о л с т о в С.П. Приаральские скифы и Хорезм (К истории заселения и освоения древней дельты Сыр-Дарьи). — СЭ, 1961, № 4, с. 114—146, карт. Рез. англ.
278. Т о л с т о в С.П., И т и н а М.А. Саки низовьев Сыр-Дарьи: (По материалам Тагискена). — СА, 1966, № 2, с. 151—175, ил.
279. Т р о ф и м о в а Т.А. Приаральские саки (Краниол. очерк). — МХЭ, 1963, вып. 6, с. 221—247, ил.
280. Х л о п и н И.Н. Погребения скифского времени в долине Сумбара. — УСА, 1975, вып. 3, с. 51—53, ил. Библиогр.: с. 53.
281. Д с у п о в Х.Ю. Курганные памятники по берегам Узбоя. — Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук, 1973, № 4, с. 72—78, ил., карт.
282. Д с у п о в Х.Ю. Исследования курганных памятников вдоль Верхнего Узбоя весной 1973 г. — УСА, 1975, вып. 3, с. 48—51, ил.
283. Д с у п о в Х.Ю. Новый памятник древних кочевников на Узбое. — КСИА, 1978, вып. 154, с. 70—76, ил.
284. Д с у п о в Х.Ю. Курганы могильников Тарымкая II и III. — ТХАЭЭ, 1979, т. 11, с. 94—100, ил.
285. Д с у п о в Х.Ю. Памятники древних кочевников Заузбойского плато (Чолинкыр). — В кн.: Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981, с. 131—143, ил.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААС - Азия и Африка сегодня
 АО - Археологические открытия
 АРТ - Археологические работы в Таджикистане
 АСГЭ - Археологический сборник Гос. Эрмитажа
 ВА - Вопросы антропологии
 ВАН - Вестник Академии наук СССР
 ВДИ - Вестник древней истории
 ГЭ - Гос. Эрмитаж
 ДАНУзССР - Доклады Акад. наук УзССР
 ИА - Институт археологии
 ИАНКиргССР - Известия АН КиргССР
 ИАНТаджССР - Известия АН ТаджССР
 ИАНТССР - Известия АН ТССР
 ИВ - Институт востоковедения
 ИИ - Институт истории
 ИИА - Институт истории и археологии
 ИИАЭ - Институт истории, археологии и этнографии
 ИИМК - Институт истории материальной культуры
 ИМКУз - История материальной культуры Узбекистана
 ИЭ - Институт этнографии
 КД - Каракумские древности
 КСИА - Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
 КСИИМК - Краткие сообщения о докладах и полевых сообщениях Института истории материальной культуры АН СССР
 ЛГУ - Ленинградский гос. университет
 ЛОИА - Ленинградское отделение Института археологии АН СССР

- МГУ - Московский гос. университет
 МИА - Материалы и исследования по археологии СССР
 МКВ - Международный конгресс востоковедов
 МКТадж - Материальная культура Таджикистана
 МХЭ - Материалы Хорезмской экспедиции
 НиЧ - Наука и человечество
 ОНУэ - Общественные науки в Узбекистане
 ООПИК - Общество охраны памятников истории и культуры
 ПТ - Памятники Туркменистана
 СА - Советская археология
 СамГУ - Самаркандский гос. университет
 САУэ - Строительство и архитектура Узбекистана
 СГЭ - Сообщения Гос. Эрмитажа
 СНТТашГУ - Сборник научных трудов Ташкентского гос. университета
 СЭ - Советская этнография
 ТАНТаджССР - Труды Академии наук ТаджССР
 ТашГУ - Ташкентский гос. университет
 ТД ВНС - Тезисы докладов Всесоюзной научной сессии
 ТИИАТаджССР - Труды Института истории АН ТаджССР
 ТИИАЭАНКазССР - Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР
 ТИИАЭАНТССР - Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТССР
 ТКАЭЭ - Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции
 ТСамГУ - Труды Самаркандского гос. университета
 ТХАЭЭ - Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
 УзИстфакТаджГУ - Ученые записки исторического факультета Таджикского гос. университета
 УзКазПИИ - Ученые записки Казахского гос. педагогического института
 УСА - Успехи среднеазиатской археологии

Résumé

The collection has been prepared for the Soviet - Indian symposium by collaborators of the Leningrad Department of the Archaeology Institute of the Academy of Sciences of the USSR and Sh. Bertirov Institute of History of the Academy of Sciences of the Turkmen SSR. V.M. Masson's introductory item which opens this collection presents itself the analysis of the study state of the Early Iron Age Memorials in South Turkmenia in detail. The further investigation directions in this field in our days are given. I.S. Kasimov's and B.N. Udeumuradov's joint work characterizes new materials getting from the Murgabs plains. The investigation object was a small ancient oasis; the stratigraphic study of the main oasis hill gave the opportunity to follow its existence history. V.N. Pilipko's article is devoted to the memorial, which was discovered on the territory of the South Turkmenia, the settlement Garry - Kjariz, the memorial presents the most interest. The author dated the architectural feature from VII - IV p.a. that characterizes the monumental structure belonging to this epoch. The working paper presents itself the publication of the dug out memorial, settled on the territory of the ancient Parthiana. The article by S. Muradova deals with the analysis of the new materials yielded on the Archaeological Khistan that completes the culture of the grey - black colour ceramics; this ceramics is congruous to the Shakh - Tepe on the North Iran culture. H. Yusupov in this work analyses the ancient authors data about the possible water-way from India to the Europe over Ox-Amudarja in details. On the bases of the great number of archaeological materials on the banks of the dry Uzboy issue and the nearest regions he considers this water-way possible in ancient times.

T.N. Zadneprovskaya and U.A. Zadneprovskiy's revision article is devoted to the modern Soviet archaeological literature on the subject of the Early Iron Age in the Central Asia and Kazakhstan. This bibliographic indicator includes the literature of the period from 1959 till 1982.

СОДЕРЖАНИЕ

В.М. М а с с о н, Изучение эпохи раннего железа на территории Южного Туркменистана	5
И.С. М а с и м о в, Б.Н. У д е у м у р а д о в . Новые материалы по раннежелезному веку низовий Мургаба....	12
В.Н. П и л и п к о . Поселение раннежелезного века Гарры-Кярне I	28
Э.А. М у р а д о в а . Раскопки на Бенгуване.....	58
Х. П о у п о в . Археологические памятники Узоя и проблема водного пути из Индии в Каспий.....	77
Т.Н. З а д н е п р о в с к а я, Ю.А. З а д н е - п р о в с к и й . Основная современная советская лите- ратура по археологии эпохи раннего железа Средней Азии и Казахстана (1959-1982 гг.).....	97
Список сокращений.....	123

TABLE OF THE CONTENTS

V. M. M a s s o n. The Study of the Early Iron Age on the territory of the South Turkmenistan	5
I. S. M a s i m o v, B. N. U d e u m u r a d o v. New materials on the Early Iron Age of the Murgab's Plains . . .	42
V. N. P i l i p k o. The Garry-Kjaryz I Settlement of the Early Iron Age	28
E. A. M u r a d o v a. The Excavations on Benguvana	58
H. Y u s u p o v. The ancient water-way formation from India to the Caspian Sea	77
T. H. Z a d n e p r o v s k a y a, U. A. Z a d n e p r o v s k e y. The main Soviet literature of Archaeology of the Early Iron Age of the Central Asia and Kazakhstan (1959-1982)	97
List of abbreviations	123

ТУРКМЕНИСТАН В ЭПОХУ
РАННЕЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета АН ТССР

Редактор издательства Д.А. Татаурова
Художественный редактор О. Агабаев
Технический редактор Г.А. Артыкова
Младший редактор М.П. Валитова

ИБ № 749

Подписано в печать 1.06.84. И-01692. Формат 60x84¹/16.
Бумага писчая. Печать плоская.
Уч. - изд. л. 7,03. Привед. печ. л. 7,44. Тираж 800 экз.
Изд. № 41. Заказ № 2816 Цена 1 р.

Издательство "Нльм" АН ТССР,
744000, Ашхабад, ул.Энгельса, 6.

Типография АН ТССР.
744012, Ашхабад, ул.Советских пограничников, 92 а.

1 p.